ISSN 2658-7920

ВЕСИ
№ 3, 2025
СПЕЦВЫПУСК

Петр Степанович Бортнов

ПЕТЬКИНО ДЕТСТВО

Н.П.Бортнова Иллюстрация ко 2 главе

ВЕСИ

№ 3 (215)` 2025
апрель
спецвыпуск

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Бортнов

Петькино детство 2

Глава 1. Дом Степановых 3
Глава 2. Великая утрата 7
Глава 3. Отец служит в милиции 11
Глава 4. Младший брат 16
Глава 5. Прикосновение 22
Глава 6. Вода не страшна 28
Глава 7. Друзья-товарищи отца 37
Глава 8. Школа 43
Глава 9. Не радуйся находке. Не тужи – потерял 49
Глава 10. Школьные обеды 53
Глава 11. Покушение на отца 55
Глава 12. Новая учительница или что такое коммунизм? 58
Глава 13. Конец старому дому 62
Глава 14. Новый дом и начало пути 73

Журнал награжден медалями:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: укбки.рф
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Авторское право на произведение и его публикацию принадлежит Н.П.Бортновой, наследникам П.С.Бортнова, М.А.Упоровой.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси». Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Обложка: (1) Н.П.Бортнова. Петькина улица. Иллюстрация к 1 главе.

Отпечатан в ООО Универсальная типография «Альфа Принт»
620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru
Тираж 2500 экз. Цена свободная.

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO ·

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

ПЕТЬКИНО ДЕТСТВО

В 2017 году Музей истории Нижнесалдинского металлургического завода начал подготовку к 100-летию Петра Степановича Бортнова, Заслуженного художника РСФСР. Работая над сбором научной информации, я поехала познакомиться с фондами Нижнетагильского музея изобразительных искусств. Радушные специалисты принесли мне для изучения тома с личным архивом П.С.Бортнова. Я испытала невероятное душевное волнение, когда открыла архивные короба и увидела перед собой сотни неопубликованных рукописных листов художника – сказки, повести, рассказы…

Глядя в окно автобуса, который вез в родную и для художника, и для меня Нижнюю Салду, я решила, что буду набирать рукописи Петра Степановича столько, сколько Бог дарует сил и возможностей.

И вот пять лет набора рукописи повести П.С.Бортнова «Петькино детство» позади. Теперь это произведение становится открытием для всех, как для меня, каждая глава год за годом.

Повесть автобиографична. В ней художник рассказывает о своем детстве в Нижнесалдинском заводском поселке, где он и родился в семье Бортновых в 1918 году. Четырнадцать глав повести раскрывают перед нами жизнь салдинской семьи в 1920-х – 1930х годах. Всё в этом произведении исторически притягательно, самобытно, трогательно – общение и уважение людей, язык, взаимоотношения в семье и школе.

Изумительно описывает Петр Степанович свой родительский дом: «Три окна глядели на улицу и три окна с огорода на пруд». В 1924 году умер В.И.Ленин. Придя домой, Степан Ильич «молчаливо разделся, пристально посмотрел на портрет вождя и сказал:

– Ленин умер!

– Ленин?! – изумилась мать, уронив из рук поварешку.

– Сегодня телеграфом из Москвы сообщили в область, а оттуда нам».

Степана Ильича Бортнова, главу семьи, приглашают служить в милицию как участника Гражданской войны. А в это время младший брат художника Васютка, много лет не ходивший, побеждает свой рахит и начинает бегать быстрее всех в крае. Вот это радость была для всей семьи! Историю о своем первом портрете, нарисованном угольком на свежевыбеленной матерью печке, Петр Степанович описывает просто, жизненно, тепло и по-домашнему.

Семья Степановых (художественный образ семьи Бортновых) переживает много горестей. Особенно страшно было покушение на отца, когда Степан Ильич чудом выжил, весь израненный вилами. Вот как рассказывает об этом художник в произведении: «Две недели не приходил в сознание отец. Однажды врач сказал матери:

– Приводи своих детей, пусть попрощаются, надежды нет, – с печалью посоветовал он.

Все Степановы сходили попрощаться с отцом. Пришла очередь Васютки и Петьки».

Они рассказали отцу о своих успехах в школе, и вдруг, во время их слов, отец пришел в сознание, слегка двинул рукой, хрипящим шепотом еле слышно произнес сыновьям: «Спасибо. Идите. Я приду».

«А через два дня тот же врач сказал матери:

– Вы простите, Антонида Игнатьевна, что я так напугал вас. Я до сих пор не могу понять, какая сила в этом человеке! Как можно только выжить с такими ранами! Теперь самое страшное позади!»

Отец сдержал слово – выжил, встал и сам пришел домой через два месяца, проведенные в больнице.

Затем произошел ужасный пожар, который оставил семью Степановых без жилья и всего имущества.

В жизни каждого человека пригоршни радости, пригоршни горечи. Повесть художника полна и детского счастья: дружбы, школьных успехов, проделок и приключений, вкуса маминых изумительных пирогов, невероятной радости от покупки родителями сапог для Петьки по размеру!

Как мало имели, как многому умели радоваться люди век назад! Нам есть чему у них поучиться! Четырнадцать глав повести ждут встречи с вами!

В семье согласно, так и дело идет прекрасно. Мои самые теплые слова признательности и огромной благодарности за поддержку хочу выразить моим родным людям – папе Волкову Анатолию Борисовичу, маме Волковой Ларисе Викторовне, супругу Упорову Сергею Владимировичу, нашим сыновьям Максиму и Трофиму. Упорова Мария Сергеевна, моя свекровь и филолог, профессионально сделала редактуру набранной рукописи, за что я ей тоже очень благодарна.

Иллюстрации к произведению выполнила дочь П.С.Бортнова Наталья Петровна Бортнова, профессиональный художник. Ее работы наполнены теплом и светом, домашним уютом. Мои искренние слова благодарности Наталье Петровне за творческий труд, вдохновение и наше сердечное взаимопонимание.

Марина Упорова,
заведующая музеем истории НСМЗ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Читая повесть отца, задавала себе вопрос: «Будет ли она интересна современному человеку?» Признаюсь, что, отвечая на него, более опиралась на энтузиазм и оптимизм Марины Анатольевны Упоровой.

Некоторые эпизоды повести не раз слышала в устном исполнении отца и, что называется, была в теме, так как мои детские годы протекали на фоне этой природы, в маленьком домике, отстроенном после пожара. Пруд, лодка, огород, сени, печь, у которой хлопотала бабушка, наша родня – всё это стало органической частью меня. Кому же как не мне должно было проиллюстрировать отцовский труд.

Отец, безусловно, талантливый рассказчик, обладающий живым образным языком там, где это касается описания характеров персонажей, бытовых сцен и событий. В случаях, когда он напрямую выражает свою идеологическую позицию, речь его обретает несколько плакатный характер. Отец для меня всегда был авторитетом. Он во всем был искренним и, не лукавя, считал своим нравственным идеалом образ В.И.Ленина. Для меня в юности его позиция и мировоззрение были единственно возможными. Со временем ко мне пришло осознание того, что с личностью моего «кумира» связаны трагические события истории России, естественным образом вытекающие из главенствующей тогда атеистической идеологии.

Из повести, как и из песни, слов не выкинешь. Тем более не вычеркнешь из истории государства ее драматических и трагических страниц. Надеюсь на достаточную самостоятельность читателя в своих суждениях при прочтении повести, в которой он найдет повод к доброму вниманию и сочувствию, а также здоровому трезвому отношению к неоднозначному времени в истории Отечества.

Не идеализируя и не очерняя недавнее прошлое, отнесемся к повести как к художественному ожившему документу, показывающему жизнь людей 1920-х–1930-х годов, связующему прошлое с настоящим.

Наталья Петровна Бортнова,
дочь П.С.Бортнова,
член Союза художников России,
член Союза театральных деятелей России

ГЛАВА 1
ДОМ СТЕПАНОВЫХ

Дом у Степановых, хотя и старый с позеленевшей от времени тесовой крышей, но вместительный. Три окна глядели на улицу, и три окна – с огорода на пруд. У соседей справа и слева дома большие со множеством понатыканных окон. Зато степановский дом внутри, по сравнению с соседними, был куда просторнее и светлее, так как невидимая часть дома уходила в огород. С огорода, внизу у земли, где находилась столярная мастерская отца, были еще два маленьких оконца. Так что здесь получалось почти два этажа. Вход в «столярку» был на кухне через «западню» и, видимо, вполне устраивал отца, а тем более Петьку, который с удовольствием шмыгал туда за стружкой, которая всегда была нужна для растопки. Да и так любил там бывать, когда отец мастерил что-нибудь для дома или по заказу.

К зиме двор Степановых накрывался соломой, набрасываемой на предварительно уложенные жерди, но чаще всего был открытым. Старый сарай и примыкающий к нему амбар имели свою кровлю. Над погребом крытый «драньём» открылок, всюду пропускающий воду даже при малейшем дожде.

Вход в дом начинался с крылечка на три ступеньки, покрашенных желтой охрой, а дальше – входная дверь в избу через длинные темные сени. В конце сеней был еще небольшой чулан с маленьким окошком во двор. Если посмотреть в это окошко, то можно увидеть только часть заднего двора с большой колодой для корма лошади да открытую часть сарая, где хранилось сено для лошади и коровы.

Двери чулана, где находились «продухты» для всей семьи, закрывались на ключ, который мать прятала искусно. Вход в чулан младшим Степановым был «заказан». Только отец и мать могли беспрепятственно проникать туда, чтобы набрать муки для очередной стряпни, крупы или сушеных ягод, гороху и прочего съестного, включая наготовленный для начинок пирогов мак рассыпной, хранящийся в небольших корчагах и в головках, развешанных пучками к самому потолку.

Этот мак младших Степановых, особенно Шурку, притягивал к себе, как магнит. Сколько раз пыталась она длинной палкой с гвоздем на конце дотянуться до лакомства, но у нее ничего не получалось. В лучшем случае пучок с маком срывался и падал в чулане. А когда мать появлялась там, чтоб взять необходимое, то страшно возмущалась на соседнего, блудливого кота Трошку.

– Опять этот пакостник Трошка в чулан наведывался! Пучок маку с потолка уронил, паршивец!

Токаревский кот Трошка был действительно хорошим блудней. Только чуть отвернись, он тут как тут – схватит, не задумываясь, самую большую рыбину, когда мать ее чистит, или кусок мяса. Да что там мясо!

Однажды Трошка ухитрился схватить большой кусок теста, когда мать его раскатывала в сельнице для какой-то стряпни.

А в это время степановский кот Тишка спал и не обращал на своего дружка никакого внимания. «Тащи, сосед, мне не жалко!» – думал про себя Тишка и без всякого любопытства поглядывал на проделки кота-соседа. И только когда мать бросилась за блудней, стала преследовать его, Тишка проявил некоторую активность: тоже бросился следом за хозяйкой, «злобно» заверещав: «Сейчас, сейчас мы его!»

Шурка, обрадованная тем, что гроза ее миновала, тут же, чтоб укрепить собственную непричастность к случившемуся, «припомнила» несколько случаев нахальных вылазок токаревского кота. Мать, подозрительно глянув на старшую дочь, прервала ее рассказ и тут же задала ей какую-нибудь работу:

– Иди лучше воды наноси, чем про кота басни разводить!

Шурка, окончательно убедившись в своей «невинности», с великой готовностью исполнила наказ матери. Но уже на следующий раз придумывала новые способы преодоления неприступной крепости. Дотянуться до заветного лакомства во что бы то ни стало.

– Манька, тебе слабо пролезть в чулан через окошко? – провоцировала она младшую сестру.

– Вот еще что придумала! Вовсе не слабо, но туда лазить нельзя, мама заругает! – отвечала Манька.

– Да ведь мать не узнает! Слазишь и обратно вылезешь, вот и всё!

– Не полезу я задарма, да в это окошко даже голова не пролезет.

– Пролезет, – утверждала Шурка.

– А если пролезет, так полезай сама!

– Я уже пробовала... Моя голова больше твоей, никак не проходит в окошко. Давай лучше ты попробуй.

– А что дашь за это?

– Не беспокойся, всё получишь, что положено! Не обману!

Видя, что Манька уже почти согласилась, Шурка принесла лестницу и приставила ее к чуланному окошку. Манька довольно неохотно забралась на лестницу, глянула в темный чулан и тут же отказалась:

– Не полезу, там темно!

– Вовсе не темно, это тебе кажется. Ты головой свет закрыла.

Со второй попытки Манька все-таки осмелилась, просунула голову в чулан и тут же с трудом высунула обратно.

– Ты чего тянешь? – сердито спросила Шурка.

– Не пролезть мне, я уже попробовала. Туловище не пролезет.

– Если голова пролезет, значит, и туловище пролезет, все так говорят.

– Говорят, говорят! – огрызнулась Манька. – Если даже пролезу, то как я обратно? Окошко от пола высоко, мне оттуда ни за что не вылезть.

– Я тебя за руку вытащу, только ты мне штук пять маковиц оттуда подай.

– Ишь чего захотела! – возмутилась Манька. – Не полезу и всё! Вот лучше позови Петруську, он тоньше меня, запросто пролезет, – чуть смирившись, предложила Манька.

– Я его сейчас позову.

– Ладно уж, не надо. Это я тебя хотела угостить, а ты не хочешь. С тобой каши не сваришь! – сердито заметила Шурка, убирая лестницу.

Но в этот день Шурка всё-таки ухитрилась ухватом достать несколько маковиц и вытряхнуть их себе в рот. Для оправдания своего «незаконного» предприятия, она «одарила» одной маковицей Ваську.

На этот раз токаревский кот Трошка оказался самой образцовой невинностью. Мать сразу сообразила, кто был настоящим виновником, когда увидела в Васькиных руках маковицу.

– Это ты в чулан лазила? – сердито спросила она Шурку.

– Я. А что? – не чувствуя за собой вины, ответила Шурка.

– Как ты посмела, такая кобылица! Хоть бы маленькая была! Ты уже невеста, а такими делами занимаешься!

– Подумаешь, две маковицы взяла ребятишек своих же угостить, – невозмутимо ответила Шурка.

Мать, всплеснув руками, не знала, что и говорить.

В доме было три комнаты и кухня. В «передней», которая смыкалась с кухней, стоял длинный обеденный стол с некрашеной столешницей, всегда выскобленный до белёсости. Над столом «семилинейная» лампа. За столом длинная, от стены до кухонной заборки, тяжелая лавка, около стола несколько табуреток, покрашенных желтой охрой, точно такой же, какой покрашено крылечко. Слева от двери, в углу, на торцовой стене, где когда-то размещались иконы, теперь полка с книгами и школьными учебниками. Посреди стены портрет Владимира Ильича в раме, которую отец сделал с особой тщательностью. Справа от входа – заборка, тоже покрашенная охрой, за ней – «закуток», где на самодельных вешалках размещалась вся верхняя одежда Степановых: вверху для взрослых, внизу – для младших. Над закутом широкие, просторные полати, которые соединялись довольно широкой полкой, облокотившейся одним краем на «бровку» печи. При надобности, забравшись на полати по железным скобкам, можно без особого труда пропутешествовать на теплую печь и обратно. Обширная печь, куда в зимние холода забиралась вся челядь, расширялась полатями, перекрывающими небольшое пространство за печкой, где висел умывальник, а под ним большой железный таз, поставленный на табуретку. Рядом, перед самым носом, полочка для мыла и рядом широкий холщовый семейный рушник-полотенце.

Справа, за дощатой заборкой, еще дверь в маленькую комнату, где стояла кровать отца и небольшой письменный столик с выдвижными ящиками, где у отца хранились самые важные бумаги, документы, всевозможные строительные чертежи на коленкоровых кальках, карманные часы с чугунными крышками, брусок сургуча и отцовская печать. Если на нее подышать, шлепнув по какой-нибудь бумаге, сразу отпечатается: Степанов Стефан Ильич». А если эту печать помазать чернилами, то можно шлепать хоть сто раз! Всё будет получаться одно и то же: «Степанов Стефан Ильич».

Но ящик стола отец всегда закрывает на ключ, который хранит в кошельке с медными защелками, а кошелек – в кармане брюк. На отцовском столике две толстые прямоугольные чернильницы из стекла с медными, всегда начищенными крышками и толстая ручка с пером, которую отец почему-то называет «кобылкой».

Отец сравнительно редко открывает ящик своего стола, а если это происходит, то Петька тут как тут.

– Папка, а что тут на часах написано? – спрашивает он, хотя уже всё давно выучил, что написано на обеих крышках часов.

– Тут написано, Петруська, – ткнув пальцем в крышку часов, показывает отец, – Пауль Буре.

– А на другой стороне?

– На другой, – чуть помедлив, отвечает отец, – Степанову С.И. за доблесть.

Петька делает вид, что читает сам, растягивает по слогам:

– Паль-Буре...Степанову С...И...

А потом просит отца завести часы и послушать их.

Отец, несколько раз покрутив заводской шкифчик часов, подает их Петьке. Петька прислушивается к их ходу. Ему кажется странным, что часы вдруг ожили и теперь затикали! Ну, совсем как живые!

Петка бы слушал и слушал их, но знал, что отец здесь не задерживается, и просит показать ожившие стрелки.

– Открой, папка, я стрелки погляжу, как они идут.

Отец нажимает «секретную» кнопку, и крышка часов с легким щелчком открывается. Петька осторожно берет в руки часы и внимательно смотрит на стрелки. Их три: одна самая длинная и тонкая бежит быстро-быстро. Это самая шустрая стрелка, а другая – ленивая. Она намного толще и движется чуть-чуть. А самая толстая и короткая совсем лентяйка: стоит на одном месте, ей до этих двух стрелок и дела нет.

– Пойдем, Петруська, отсюда, тут холодно, еще простудишься, – с этими словами отец укладывает снова всё в ящик стола, закрывает его на ключ, а ключ ловко бросает в кошелек и кладет на свое место – в карман брюк.

Рядом с комнатой отца дверь в большую комнату, которая называется горницей. Зимой дверь в горницу Степановы закрывают на ключ и заклеивают газетами, чтобы оттуда не дуло. Но Петька и так знает, что там есть: большой железный камин с медными конфорками на цепочках «для тепла», большой стол, всегда накрытый белой скатертью, штук десять стульев, почему-то называемых «венскими», кровать большая, трехспальная, как называет ее отец. Пол в горнице покрыт половиками. Но все равно там холодно, и зимой там нечего делать. На левой стороне у стены три сундука: большой и два поменьше наверху. Горницу Степановы открывают весной, перед самой Пасхой, и она служит им тогда и спальной, и столовой, и вообще для того, чтобы там жить. Летом в горнице одна благодать – светло и просторно. Петька всегда ждет не дождется, когда откроют дверь горницы, чтобы вволю побегать там.

Во дворе Степановых только под открылком, где погреб, снегу не бывает, да под сараем, потому что там тоже крыша. А так кругом снег. Его всю зиму вывозят девчонки в огород на лотке с коробушкой. Петька тоже помогает, если мать даст ему валенки, а без валенок, в старых Шуркиных ботинках не много во дворе пробудешь: ноги моментально замерзнут. Ближе к весне снег не надо вывозить в огород, его можно прямо спускать в погреб. Снег в погребе превращается в лед и не тает до конца лета. Храни, пожалуйста, хоть рыбу, хоть мясо – не испортится!

Иной раз отец специально для погреба колет лед на пруду, а затем возит его во двор и спускает в погреб. Очень даже интересно смотреть на эти льдины. Они прозрачные, чуть голубоватые и сверкают на солнце! Прыгать по таким льдинам интересно, но не так-то просто... Петька однажды попробовал и расшиб до крови себе нос. Это бы еще куда ни шло – нос... пусть даже до крови, но главное было то, что отец предупреждал Петьку:

– Не прыгай по льдинам, а то харю себе раскроишь!

– Не раскрою, я ловкий, – ответил тогда Петька и тут же шлепнулся, стукнувшись носом об острую кромку льдины.

Зажав нос, Петька быстро исчез с пруда, где отец продолжал заготавливать лед. Прибежав домой, Петька показался матери с окровавленным «рылом».

– Ой, кто это так тебя? – испугалась мать.

– Корова нечаянно боднула, – сослался тогда Петька на безвинную буренку Зорьку.

– Погоди, вот я ей задам! – поверив, мать побежала к соседке за йодом.

Здорово щипало от этого йода Петькин нос, но он стерпел всё, но только не то, что сказал отец, когда возвратился после заготовки льда.

– Что я тебе наказывал? – спросил он Петьку.

– Да, не трогай ты его, – заступилась мать, – его вон, корова в нос боднула.

– Какая еще корова? Он на льду нос себе расквасил, от берега до дому кровью наследил.

Петька молчал. Он сгорал от стыда и напраслины на безвинную и добродушную Зорьку.

Самым «страшным» местом у младших Степановых была избенка, оставшаяся после Ильи. Малюсенькая на два оконца, она располагалась в огороде с левой стороны «задних» ворот. В ней свои последние годы жил дед Илья. Умер там же совсем неожиданно. Старик не болел и никогда ни на что не жаловался. Петькина мать принесла ему завтрак, как она всегда это делала, но дверь оказалась закрыта изнутри. Постучав и не дождавшись ответа, мать ушла, решив, что старик еще спит. «Пусть поспит, потом лучше поест, когда проголодается».

– Ладно ли что с отцом? Два раза стучалась, не отвечает, – поделилась она с Петькиным отцом, когда тот вернулся с работы.

Отец стучался в дверь и в окно, но всё было напрасно. Сорвав с крючка дверь, отец с матерью нашли дедушку Илью мертвым, лежащим на печи.

Схоронили деда Илью, а избенка его так и стояла «сиротой» без хозяина на долгие годы с закрытой дверью на деревянную вертушку. Петька совсем не помнил дедушку, а когда его спрашивали, то говорил: «Помню! У него вот такая борода и нос с дырками». Или фантазировал такое, что над ним смеялись.

В избенку Петьке всегда хотелось заглянуть, и он пытался это сделать сквозь запыленные, затянутые паутиной окошки. Но кроме печки с закрытой заслонкой и двух ухватов, приставленных в уголок к печке, ничего не мог рассмотреть. Входить во внутрь избенки Петька побаивался, так как сестры, заглянув в избенку, выбегали оттуда, как ошпаренные кипятком с истошным криком:

– Ой, как страшно! Там на кровати кто-то шевелится!

Петька бы запросто определил, кто это там шевелится. Может, это сам дед... Может он вовсе не умирал, а притворился? Но сестренки так орут и спорят между собой, что Петька начинает верить в то, что в избенке на самом деле творится что-то неладное, и ему тоже становится страшно.

Долгое время стояла избенка в огороде Степановых, ветшала, рушилась от дождей, ветров и старости. В ненастную осень в ней досушивали картошку, временно хранили всякие овощи. Однажды свалилась часть крыши, потом обвалился потолок, чуть не придавив кого-то из дев-

чонок. И чтоб не случилось беды, отец разобрал ее и истопил на дрова. Не стало «страшной» избенки в степановском огороде. На этом месте, где стояла избушка, отец с матерью сделали большой парник и посадили там тыквы. Тыквы выросли огромные, таких не только Петька, но и мать не видывала. Степановы всю зиму тогда варили тыквенную кашу. Особенно эта каша нравилась отцу. Он ее ел и приговаривал: «Вот это каша, царское блюдо!» Петьке эта каша тоже нравилась, есть можно, но манная каша, да еще с молоком, пожалуй, все-таки лучше.

На меже, посреди огорода Степановых, давно стоит и продолжает безотказно служить старая баня «по-черному». Ее срубил дед Илья, когда был молодым. Дверь бани, покосившаяся и вся упечатанная дробью, служила для того, чтобы ее закрывать, открывать, когда нужно, и для пристрелки ружья.

Больше всего насадил в нее дроби старший Петькин брат Николай, чуть ли не каждый день испытывая свою «крымку», старое одноствольное ружье, которое отец окрестил «допотопным».

Нарисовав углем на клочке газеты «утку», похожую на валенок, Николай крепил ее на дверь бани и, разогнав любопытных свидетелей из младших Степановых, долго целился и наконец стрелял. Но, как всегда, Николаева «крымка» с первого раза не стреляла и давала осечку. Мотнув стволом, Николай снова взводил курок и с такой же тщательностью целился в «утку»-валенок, и раздавался выстрел! Оглушительный и страшный, как из пушки. Николай, кое-как удержав ружье в руках, мельком глянув на дымящийся затвор, бежал считать дробышки. Находящиеся «в засаде» младшие Степановы тоже бежали смотреть «убитую дичь». Но «утка»-валенок оставалась целой и невредимой, дробь ложилась вся в дверь, выше или ниже мишени. И всё повторялось сначала. Николай злился на себя, на ружье, сестренок, Петьку. Ведь тот всегда спрашивал, что он нарисовал на газете.

– Ты что, не видишь, что ли? – сердито отвечал Николай.

– Вижу! – отвечал Петька, – только не знаю, что это?

– Утка.

– Это не утка, а валенок, – возражал Петька.

– Сам ты валенок! Давай катись отсюда! Идите во двор, я позову вас, как только отстреляюсь.

И Николай палил и палил, а потом снова перезаряжал патроны, перевешивал дробь и порох и снова стрелял, украшая банную дверь новыми порциями дроби.

Петька любил париться в этой бане вместе с отцом. Когда баня протопится, и куски руды и камни в каменке раскалятся настолько, что в ней будет «дышать нечем», жжет даже уши, они вместе с отцом забираются на полок. Но для отца такой жар сущий пустяк: он берет ковш с водой и плещет на раскаленную каменку. Невидимый пар чуть не вырывает из рук отца пустой ковш и сильно ударяет сухим, нестерпимым зноем сидящих на полке. Петька скатывается с полка и прижимается к полу бани, а отец продолжает сидеть наверху, ему хоть бы хны! Он посмеивается и спрашивает Петьку:

– Что, припекло?

– Припекло! – отвечает Петька со страхом поглядывая на отца, который сидит в самом пекле.

Напарившись, отец слазит с полка и садит Петьку на лавку. Набрав полный таз воды, он намыливает Петьке голову и спрашивает:

– Выдержишь с намыленной головой, пока я тебя всего не вымою?

Петьке уже щиплет один глаз от попавшего мыла, но он храбро заявляет:

– Выдержу, только побыстрее.

Отец колючей мочалкой моет всего Петьку, а тот, как слепой, хватается за лавку, край таза, качаясь в такт отцовских рук. Наконец, всё благополучно кончается. Отец выливает остатки воды на Петьку, а потом еще наводит воды, приговаривая:

– Пока не открывай глаза, сейчас тебя еще чистой окачу!

Но Петька, не выдержав и уже давно открыв глаза, ждет, когда отец закончит всю эту процедуру мытья в бане. Ему невыносимо жарко. Наконец, отец обливает его окончательно приятной, чуть прохладной водой и, открыв дверь, голого выталкивает «на улицу».

Петька рад-радешенек. Пусть в огороде зима и настоящий холодище, а ему хоть бы что! Домой он идет, не торопится. И только, когда входит во двор, то, почувствовав, как начинает прищипывать босые ноги, припускается во всю! Мать предусмотрительно открывает ему дверь в избу, а затем, вытерев насухо чистым полотенцем, дает ему штаны и рубаху, еще теплые и пахнущие «утюгом».

Отец идет из бани. Совсем не торопится в одних кальсонах, в калошах на «босу ногу».

После отца всей гурьбой в баню бегут девчонки. Моются они долго, часто выбегают, катаются в снегу, затем снова бегут греться. После возвращения девчонок, прихватив в охапку Васютку, в баню идет мать. Вскоре она возвращается и приносит Васютку домой, с ног до головы закутанного в одеяло. Васька орет, возмущается:

– Я хочу еще мыться!

Но мать, не обращая на него никакого внимания, поручает девчонкам, чтобы те обтерли его как следует и одели, а сама уходит домываться и «простирнуть» кое-что «по мелочи» часа на два, а иной раз и на большее время. А выстирав, еще идет на прорубь полоскать рубахи, колотя их де-

ревянным, горбатым вальком. Потом, развешав всю стирку на прясло, снова идет в баню, чтоб немного отогреться.

ГЛАВА 2. ВЕЛИКАЯ УТРАТА

Ранним январским утром неожиданно насовсем вернулась Шурка. До этого она появлялась только на один день или два, на выходной, как говорила она. А тут вернулась насовсем. Не раздеваясь, она села на уголок лавки у самой двери.

– Холодище! Думала, по дороге замерзну! – объявила она, снимая варежки и пытаясь своим дыханием согреть озябшие руки.

– Иди на кухню, шесток еще горячий, погрей! – предложила мать.

– Не надо, я так отогреюсь, от горячего пальцы затоскуют... Вот чуть отдышусь, по воду схожу, вода-то есть?

Мать с удивлением посмотрела на Шурку, подумала: «С чего ты такая услужливая? Ладно ли что у тебя?» Но сказала другое:

– С ведерко наберется, пока хватит.

– Пойду сначала прорубь почищу, потом воды наношу».

– Наноси, коль есть охота. Отец ходил перед самой работой, я сама по воду собиралась. Думаю, еще не подмерзло.

Шурка наносила воды полнешенькую кадку, да еще принесла пару ведер «про запас». Разделась. Подтерла за собой расплескавшуюся воду и снова села на лавку.

– Завтракала? – спросила мать.

– Как бы не так, – неопределенно ответила Шурка и добавила, вкладывая в слова обиду на несправедливость, – у них, как у буржуев и порядки буржуйские, спят до двенадцати, уж только потом, как глаза продерут, завтракают. Ты к этому времени наробишься, а тебе – кусок хлеба и чай! Вот и вся еда! Им, «неработям», ладно. Поковыряются в еде и довольны, а я все время голодная, как в голодный год.

Еще совсем недавно Шурка хвалилась, как ее любят хозяева, как угощают всякими кушаньями, души в ней не чают. А тут – на тебе, все время голодная. Мать вначале посмотрела на дочь с недоверием. Но потом, подавая ей горячую картошку, ломоть хлеба и молоко, заметила, как осунулась, отощала Шурка на хозяйских хлебах.

– На, поешь, сейчас еще щей налью. Нечего по чужим людям ходить, сиди дома. С хлебом налаживается, вот и кооперацию открыли... Мука и все продукты появляются, – поделилась мать. Посоветовала дочери:

– Может в завод, на работу устроишься? Говорят, безработицы больше не будет.

– Я уж ходила, наведывалась, обещали учеником в скрепление взять.

– Вот и хорошо, – обрадовалась мать, – работать начнешь, и отцу полегче будет. Да и тебе о приданом надо подумать.

– Я не собираюсь замуж, чего ты мне замужество предлагаешь, нужно оно мне, как телеге пятое колесо.

– От сумы да от тюрьмы, как говориться, не уйдешь, – пошутила мать. И уже серьезно добавила:

– Смотри, ты уже не маленькая, сама подумай.

– Ладно, подумаю, – более смиренно ответила Шурка.

Шурка по примеру младшей сестры Таськи тоже ушла «в люди». Если у Таськи в няньках всё шло хорошо, гладко: хозяева при случае не могли нахвалиться перед Антониной такой нянькой, то у Шурки, видимо, дела шли не совсем ладно. Да и пошла она в чужие люди по своей глупости. Никто ее насильно не принуждал на это дело. Здоровая, сильная, в родном доме она была большим помощником матери и отцу: воду принести, дрова расколоть, сложить в поленницу – Шуркино дело. Вот как-то она взбеленилась и сказала матери грубые обидные слова: «Чертомелю на вас! А что толку? Хожу кое в чем, а меня уже сватают». Шурка, конечно, приврала, никто ее не сватал. Но всё же она была права: надо было подумать и о своем будущем. Да и сама Шурка видела, как было трудно одному единственному работнику – отцу кормить такую большую семью. Узнав как-то от Таськи, что в довольно состоятельной семье бухгалтера Полухина нужна была нянька с довольно сносной оплатой и на всём готовом, Шурка, не задумываясь, пошла по указанному адресу. Дело было в начале осени, в пору уборки всего, что выросло в огороде. Но ни мать, ни отец не препятствовали Шурке, и она ушла в чужой дом. Поначалу всё шло довольно гладко: Шурка старалась, делала все, что от нее требовалось с большой охотой. Иногда забегала домой и, наперед зная, что родители будут выспрашивать о делах в чужом доме, без наводящих вопросов рассказывала все сама.

– Живу, как в раю. Работой не донимают, что захочу, то и делаю. С ребенком почти не вожусь, хозяйка всё сама и сама... Она во мне души не чает... Ботинки вот новые купила и неодеванное платье подарила.

Похватав чего-нибудь на ходу съестного, Шурка убегала. Как мать ни пыталась вызвать ее на откровенный разговор, ничего не выходило.

И вот, покинув «райскую жизнь», Шурка вернулась в свой родной дом. По всему было видно, что она довольна своим решением, так как сразу же, с первых минут, бросилась помогать матери, подыскивая самую трудную работу по дому, как бы наверстывая все то, что потеряла за время пребывания у чужих.

Проснувшаяся Манька в то утро была удивлена возвращением старшей сестры и, собираясь в школу, спросила Шурку,

хотя и сама поняла, что та пришла насовсем:

– Надолго?

– Чего надолго? – переспросила Шурка, не поняв полного смысла манькиного вопроса.

– Я спросила, так пришла или насовсем?

Шурка ничего не ответила. Видимо, манькин вопрос ей не понравился. Она сказала совсем о другом:

– Чего ты выряжаешься? Гудок был специально для школьников! Морозище градусов пятьдесят! Манька не поверила Шурке, спросила у матери:

– Мама, был что ли гудок?

– Был, был, сиди дома, занимайся, – выглянув из кухни, подтвердила мать.

– Пожалуй, над математикой посижу, – серьезно сказала Манька, стараясь скрыть радость от того, что не надо идти в школу. «Да и хорошо, что вернулась сестра, глядишь, по воду будет ходить и в стирке матери поможет», – подумала Манька, а вслух добавила:

– Холодно у нас, я на печку полезу таблицу зубрить.

– Поосторожней там, ребят не разбуди, нечего им спозаранку под ногами мешаться.

Но такая предосторожность была излишней: Петька и Васька давно проснулись сами. Петьке в это время, как проснуться, снилось лето, и он, увидев Шурку, удивленно спросил:

– Ты почему, Александра, в шубе и в валенках?

– А мне что, по-твоему, в трусы и майку вырядиться? – засмеялась Шурка, не догадавшись, почему Петька ей задал такой вопрос. И только тут Петька понял, что на дворе зима и мороз. А лето ему только приснилось. Увидев старшую сестру, Васька тоже обрадовался. И сейчас, сидя на печи, придумывал, чем бы обрадовать и удивить Шурку. Наконец, видимо, решив, он попросил ее:

– Сними меня, Александра, я тебе сейчас такое покажу, что ты от радости в обморок хлопнешься, – попросил он, протягивая Шурке руки.

– Ну-ка, ну-ка, покажи, – приговаривала Шурка, снимая Ваську с печи... Посадив братишку на кровать, она спросила:

– Давай показывай!

– Да ты что, только проснулась, я уже давно, пока ты там с чужими нянчилась, совсем ходить научился!

– Да ну! Давай показывай, как ты ходишь!

Васька лег на живот. Торопливо сползая с кровати, свесил свои беспомощные ноги, крепко уцепившись за одеяло, коснулся ими пола и закричал во всё горло:

– Смотри, смотри, а то сорвусь!

– Ты вставай, вставай, на ноги вставай! Отпускайся от одеяла! – советовала Шурка. Но видя, что ее советы идут мимо Васькиных ушей, она хотела помочь ему, придерживая под мышками стать на ноги.

– Не тронь, я сам!

От натуги Васька даже покраснел. Ноги его совсем покосились и болтались беспомощно как чужие.

– Не получается что-то... ножки еще не проснулись.

Тогда Шурка бесцеремонно схватила Ваську под мышки, пытаясь поводить его по избе. Но Васькины ноги совсем не слушались его, волочились следом.

– Хватит, Александра! Я потом сам попробую... Я только показать тебе хотел!

Мать, выглянув из кухни, заметила Шурке:

– Пол холоднющий, не особенно выступайте тут! – с этими словами она сняла с бровки печи шерстяные чулки и подала их Шурке:

– Одень на него и помоги на кровать забраться... Скоро ли холода-то отступят? Сколько дровищев идет... не натопишься! Вон даже пар изо рта идет, – посетовала мать.

Петька быстро умылся, оделся и, подойдя к Шурке, спросил:

– Ты насовсем пришла?

– Насовсем, Петруська, насовсем.

– Теперь у нас весело будет.

– Почему вдруг весело?

– Потому что сказки будешь нам рассказывать.

– Ладно, так и быть, буду рассказывать...

– И страшные тоже?

– И страшные тоже буду рассказывать, если ты не побоишься.

– Чего их бояться, это ведь сказки, а не то, что на самом деле... Теперь и царей не бывает.

Накормив всех завтраком, мать уселась вязать очередные варежки и снова посетовала на холод:

– Руки мерзнут, пальцы как деревянные, совсем не слушаются. Вчера поленилась камин истопить, вот и холодно.

Петька ужаснулся, что мать говорит неправду:

– Вовсе не ленилась! Манька вчера «предлагала» матери принести дров, мать сказала: «Поэкономим, зима еще долгая». Снова, забравшись на печку, где было тепло и удобно, Петька, стараясь подражать матери, сказал ее же словами:

– Дрова поэкономить надо, зима-то еще долгая.

Мать подняла голову, посмотрела на Петьку и засмеялась:

– Ишь ты, какой экономный, на печи-то! Нет, видно экономь не экономь, а топить придется. К вечеру как следует камин протопим.

Ближе к вечеру, когда приближалась пора отцу вернуться с работы, Шурка вызвалась наносить для камина дров.

– Пожалуй, сходи засветло. Только дрова для камина набирай в огороде. Как из задних ворот выйдешь, сразу направо.

– Чего меня учить? Знаю, какие дрова и куда приготовлены. Сама этим делом занималась.

Шурка быстро оделась, мурлыча себе под нос незнакомую для Петьки песенку «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!», вышла

во двор и тут же вернулась, забежав на кухню, зачерпнула зачем-то полный ковш воды.

– Ты что, пить что ли захотела?

– Я еще в своем уме, – огрызнулась Шурка и, обращаясь к ребятишкам, крикнула, – Манька, Петька, быстро одевайтесь, я вам фокус покажу.

Мать осуждающе покачала головой, но ничего не сказала, а только подумала: «Дитё, право дитё! Пока в невесты ладится, а ума, как у Васютки».

Петька и Манька наскоро оделись и выбежали во двор.

– Я тоже фокус хочу! – бросая на пол клубки шерстяных ниток, заскулил Васька.

– Не тужи, Васютка, они придут и всё тебе расскажут, – успокоила его мать.

– Стойте тут, на крыльце, и смотрите! – приказала Шурка появившимся во дворе ребятишкам. Она поставила ковш воды на предварительно выметенный пол двора, неторопливо одела варежки и, командуя себе «Раз, два, три!», схватила ковш, быстро снизу-вверх выплеснула из него воду. Блеснув изумрудными искрами, вода взметнулась искрящимся веером и, падая на холодный пол, рассыпалась по двору мелкими стеклянными шариками и искрящимся бисером.

– Вот здорово! – закричал от восторга Петька и бросился подбирать с пола округлые ледышки.

– Ничего особенного, я уже это видала, в прошлом году Коля показывал... Только зря воду испортила, – сказала разочарованная Манька, взяв из Шуркиных рук ковш на правах всё знающего существа, ушла в дом с великой досадой человека, потерявшего зазря время.

Петька тоже хотел убежать домой следом за Манькой, но тут же раздумал. Ему захотелось вместе с Шуркой сходить в огород и посмотреть, что там делается. А может, он тоже захватит свою охапку дров. Положив обжигавшие пальцы ледышки на крылечко, Петька выбежал следом за Шуркой в огород.

Шурка, околачивая с поленьев снег, уже завершала свою ношу – брала последнее полено, чтобы положить его на верх охапки. И тут Петька увидел серый комочек, вспорхнувший из-под полена, который Шурка только что взяла. В первую минуту Петька даже не сообразил, что это. Кусок коры. Пучок старых листьев или еще что. Но на всякий случай протянул руку в то место, куда упал этот комок и неожиданно увидел нахохлившегося воробья! Сердце у Петьки дрогнуло не то от жалости, не то от радости, как у охотника, увидевшего крупную дичь. Затаив дыхание, Петька вытянул руку, чтобы схватить воробья, но тот, собрав последние силы, вспорхнул, но отлетел совсем на полшага, силы его покидали. Зарывшись в снег, он уже не сопротивлялся. Недолго думая, Петька схватил его и, сунув под пальтишко, бросился домой.

– Осторожно, не раздави! – крикнула Шурка. Петька вбежал в сени, попытался открыть левой свободной рукой тяжелую дверь избы, но, как назло, дверь уже прихватило морозом.

Услышав возню за дверью, мать впустила Петьку. И с испугом спросила:

– Что там у тебя? Руки что ли отморозил?

– Скажешь тоже, отморозил! Да я воробья живого поймал, – сказал с восторгом Петька.

– Ну-ка, покажи! – подскочила Манька.

– Только, пожалуйста, осторожней, он еле живой! Наверно, замерз! – предупредил Петька, вытаскивая из пальто воробушка.

– Вы его сразу к теплу не подносите, а то он умрет, – вмешалась мать, – положите его к порогу... Вон на отцовскую рукавицу. Он постепенно отойдет.

Манька взяла из Петькиных рук воробьишка и осторожно положила его около порога на отцовскую рукавицу.

Воробей сидел, нахохлившись, с закрытыми глазами и не шевелился. Казалось, он совсем не проявлял никаких признаков жизни.

– Умер! – чуть не плача, заметил с великим огорчением Петька.

– Сам ты умер, не видишь, что он еще дышит.

– Оставь его в покое, он сам справится, оживет! – настойчиво посоветовала мать.

Некоторое время воробей сидел без движения с закрытыми глазами. Потом он, слабо пискнув, пошевелился, открыл сначала один глаз, потом другой, покрутил головой, осмотрелся, прислушался к незнакомым звукам и, приладив поудобнее свои крылышки, звонко чирикнул. Потом, покрутившись на рукавице, сделал несколько осторожных прыжков, перелетел от порога на край стола и, без страха почистив свой нос о край стола, оклёвываясь, стал приводить в порядок свои помятые перышки. Глядя на него, восторгу ребят не было конца.

– Не закрывайте мне воробья! – крикнул Васька и мгновенно встал с кровати.

Быстро опираясь на свои сильные натренированные руки, Васька преследовал скачущего воробья. Но больше всех заинтересовался пичугой кот Тишка. Соскочив с печки на кровать, он то прижимался на одеяле, то насторожено поднимал голову, посматривая немигающими зелеными глазами на незнакомого пришельца. Перебирая задними лапами и слегка похлопывая по одеялу хвостом, Тишка имел довольно определенное намерение схватить наглеца, разгуливавшего по избе, и тут же прикончить его. И только благодушное отношение хозяев к этому наглому пришельцу смущало и сдерживало его. «Чего они чешутся,

а не ловят его, экая невидаль – воробей, а тут еще этот Васька перекрыл обзор своей спиной», – с этими кошачьими мыслями Тишка бесшумно скользнул на пол и уже приготовился к завершающему эту глупую сцену прыжку, но был неожиданно схвачен за ухо. Поняв намерения кота, Манька схватила его за ухо. «Видимо, нельзя, – сразу определил Тишка, и заверещал, – понял, понял! Отпусти, а то ухо оторвешь». В ту же секунду Манька отпустила Тишкино ухо. Мелькнув, как молния, Тишка оказался на печи. Встряхивая ушами, он устроился на бровке и наблюдал оттуда с тоской и досадой. А воробьишка настолько освоился, что через час, другой пил из блюдечка на глазах у всех. И даже клевал отруби с Манькиных рук. А на другой день он уже знал все закоулки в доме. Летая, он бесцеремонно садился к восторгу ребят на их головы и плечи и пищал во всё воробьиное горло: «Чив-жив! Чив-жив!»

Присутствие воробья внесло в ребячью жизнь Степановых обновление и радость. Даже отец, обычно приходивший с работы усталым, задирал голову, сопровождая полет воробья, говорил благодушно:

– Ишь ты, разлетался! На воле-то бы притих где-нибудь. А тут тебе Ташкент... Вон даже одному не скучно.

А через несколько дней обычно навещавший своих родных старший брат Николай принес Степановым полузамерзшую синицу. Отогревшись, она присоединилась к воробью и, видимо, настолько изголодалась, что, перелетая с места на место, стала преследовать тараканов. Особенно за печкой, где они посещали умывальник, как водопой. Их было предостаточно. «Вот так хозяйка, вот так молодец! Не то что ваш воробей, сразу себе дело нашла!» – восхищалась синицей Петькина мать.

На следующий день к радости ребят Николай принес клетку: «Двойную, на две «квартиры», – как объяснил он.

Клетку Николай сделал сам с двумя дверцами, перегороженную сетчатой сеткой на две равных половины.

– Так им лучше будет, – сказал Николай.

В каждую половину клетки Манька поставила баночки с водой и положила корму, который собрали Петька и Манька в огороде, обобрав все репейные головки на токаревской меже. Уход за птицами, своевременную чистку клетки и обеспечение кормом пичуг взяла на себя Манька. Через неделю воробей и синица настолько привыкли к ребятишкам, что клевали из их рук корм, садились на плечи, на голову. А вечером в доме Степановых не было видно ни одного таракашка.

А мороз на улице продолжал свирепствовать. По ночам трещали окна и стены старого степановского дома. Клубы морозного пара врывались следом за входившими в дверь. Мать только и знала наказывать:

– Да побыстрее шевелитесь! Всю избу выстудили!

Петька уже несколько дней не выходил на улицу. Да и делать там особенно нечего. Мороз. Да и не в чем. Манька тоже целую неделю в школу не ходит, всё зубрит свою таблицу, взобравшись на печку:

– Семью семь – сорок девять, семью восемь...

Манька, запнувшись, глядит в тетрадку и, наконец найдя там ответ, сообщает:

– Пятьдесят шесть... Семью девять.., – Манька снова запинается, но Петька ее выручает:

– Шестьдесят три, – говорит он скороговоркой, подражая Маньке. – А сколько будет семью три?

– Двадцать один, – не задумываясь, отвечает Петька.

Удивленная успехами брата, Манька делает вид, что всё это ерунда – выучить несколько цифр даже для такого сопляка как Петька. Экзаменует его и дальше.

– А сколько будет... трижды три?»

– Девять!

– А если... дважды три?

– Шесть

– А если два умножить на три?

– Множить я не умею, – сдается Петька.

– А если три умножить на три?

– Я же сказал тебе, что множить я не умею.

– Глупый ты еще. Уходи, не мешай мне.

– А я тебе и не мешаю вовсе. Умножай тут на печке, а я на полати пойду.

Вечером поздно пришел с работы отец, какой-то необычно хмурый и неразговорчивый. Сегодня он даже не заглянул, как обычно делал, на градусник, и не взял свой «поминальник», куда обычно записывал «погоду».

Молчаливо разделся, обламывая сосульки намерзшего на усах льда. Умылся и, сев за стол, повернул голову в сторону портрета Ленина и долго рассматривал его, как будто видел впервые.

– Странно, почему отец так внимательно смотрит на Ленина, – подумал Петька, – может отцу рамка не понравилась, которую он сделал сам?

По мнению Петьки, портрет Ленина самый лучший! Другого не может быть. Да и рамка хорошая... она всем нравится. Петьке всегда казалось, что Ленин тут, на этой стене, был всегда. В самые трудные минуты, когда был еще голод, Петька советовался с ним, разговаривал. Ему становилось хорошо от этого спокойного взгляда. Ленин смотрел на Петьку доверчиво и спокойно, как казалось Петьке даже «легонько» улыбался ему и говорил:

– Смотри, Петька, не подведи меня!

– Не подведу, не беспокойся, товарищ Ленин... Когда вырасту можешь на меня положиться.

– Ты чего отец, на работе что-нибудь случилось?

Отец молчал, оторвав взгляд от портрета, он как-то тоскливо посмотрел на мать и тихо сказал:

– Да, случилось, мать, случилось.

– Да что такое? Ты уж говори.

– Ленин умер!

– Ленин?! – изумилась мать, уронив из рук поварешку.

– Сегодня телеграфом из Москвы сообщили в область, а оттуда нам.

– Как же теперь? – утирая навернувшиеся слезы, спросила мать.

– Как... почём я знаю. Наверно, сообщат дополнительно. Конечно, заменить его не просто, но, должно быть, найдутся люди в ЦК. Найдут замену, я так думаю.

Отец явно говорил, не особенно задумываясь. Видать было по всему: факт смерти Ленина у него не укладывался в голове.

Услышав о таком печальном известии, младшие Степановы притихли. Забравшись все на печку, перешептывались и нескрываемо проливали нахлынувшие слезы. И только одна Шурка не верила, что Ленин умер:

– Всё это брехня! Не может того быть, чтобы Ленин умер!

Авторитет Шурки для Петьки был непререкаем. Да ему и самому не верилось: как это Ленин и вдруг умер!

Но прошло несколько дней, и все только и говорили об этом печальном событии. Все ждали каких-то новостей, опровергающих это страшное известие. Единственное, что утешало Петьку, это сообщение, вычитанное Шуркой из газеты «Известия», а вернее крупными буквами заголовок на всю полосу газеты: «Ленин умер, но дело его живет!» Этот же заголовок несколько раз прочитала Манька, и Петька чуть успокоился: «Живет!» Все эти дни Петька забирался на печку, смотрел и смотрел на портрет Ленина и повторял про себя: «Живет!»

Взрослых Петька не спрашивал, не просил, чтобы ему объяснили эти слова, написанные толстыми буквами, боясь утратить последнюю надежду. Через несколько дней после сообщения о смерти Ленина в вечернем морозном воздухе басисто и тоскливо завыли все заводские гудки. К ним присоединились пронзительные и тревожные гудки паровозов. Сплошной гул, тревожный, траурный, заполнил морозный воздух над Новой Сладой. Он волнами доходил до Петькиной улицы Береговушки, а в далекой Москве хоронили Ленина. Морозный туман стоял над засыпанной снегом Новой Сладой, и вдруг замолкнувшие гудки принесли с собой такую страшную тишину, что стало слышно собственное сердце.

ГЛАВА 3
ОТЕЦ СЛУЖИТ В МИЛИЦИИ

Порозовели щеки, забегали с озорной смешинкой Петькины глазенки, и снова его голос, вливаясь в общий хор ребячьей радости, казалось бы, навсегда притихшей Береговушки, звенел с раннего утра до позднего вечера.

В зимние вечера снова ожил и зашумел Пронькин переулок: с девчоночьим визгом, отважным уханьем и посвистом парней и подростков, виляя из стороны в сторону, с бешеной скоростью неслись вниз по переулку водовозные сани, набитые доверху ребячьими телами. Туда же к пристани мчались с верхних улиц латки, скамейки, санки с легкими сопливыми наездниками.

А весной на чуть просохших уличных тропинках вновь ожила, зашумела лихая игра – «в панки». Вытащены из похоронок ржавые ведра, котелки, ящики-«куржи» с заплесневелыми бабками, и снова, как в прежние времена, звенели чугунные и железные биты с изображениями «солдатиков», «елочек», всевозможных вензелей, сбивая костяные шеренги и коны под смех и спор заядлых «поношников» и любопытных зрителей.

По утрам весело заструился дымок из печных труб, и разносился по улице желанный, вселяющий радость бытия запах хлеба, наваристой похлебки, и всевозможной стряпни. Голод отступал!

Воспрянул, заживо ожил Сладинский завод: круглосуточно пыхтел единственный домный, гремел железом, шипел паром паровозных котлов.

Мужики Сладинского района, как и по всей России, получив надел пашни из отобранных земель богатеев, пахали, сеяли, везли излишки хлеба в государственные закрома. Создавались невиданные до сего времени кооперации, где бойко шла торговля зерном, мукой, крупой и солью.

Голод уходил, покидал Сладу.

Но не всем нравились первые успехи Советской власти. Не по нутру пришлись такие невиданные дела, когда простой народ становился на земле полновластным хозяином. Кое-где в деревнях и селах, отдаленных от рабочих центров, поднимали голову всякие белогвардейские недобитки: дезертиры, уклонившиеся от службы в Красной армии в годы Гражданской войны, кулачье и всякого рода отребье из уголовников. Не миновали эти события и деревень Сладинского района, расположенных в тысячах верст от центров Советской России. До поры до времени эта вражья свора отсиживалась в потаенных норах, выжидала того, что новая власть развалится сама собой под напором голода, разрухи.

Но вопреки их ожиданиям Советская власть не только устояла от таких испытаний, но стала набирать силу, имея огромную поддержку и сочувствие у народных масс.

Видя свое бессилье, никчемность своих черных помыслов, теряя, наконец, под собой почву, все эти вражьи недобитки срывали теперь свою злобу на деревенских активистах из комитета «деревенской бедноты», на крестьянах-коммунистах или сочувствующих им. Они стреляли из-за угла из кулацких обрезов или поджигали дома, оставляя без крова сельских активистов и их семьи. Много хлопот создавали эти вражеские банды убийц для молодой Советской власти. Темными ночами они появлялись внезапно, делали свое черное дело и так же внезапно трусливо исчезали, чтобы вновь появиться где-нибудь в другом селе на дороге темной осенней ночью.

Тогда для наведения порядка Советская власть призвала лучших людей, ранее служивших в Красной армии, принимавших боевое участие в рядах партизанских отрядов в годы Гражданской войны. Призвала коммунистов, комсомольцев и беспартийных в ряды Советской милиции – всех, кто готов, не жалея сил и самой жизни, постоять за свой народ, за Советскую власть, за ее законы и справедливость. Отец возвращался с работы всегда в одно и то же время – часам к четырем. Но на этот раз пришел совсем рано – еще до полудня.

– Чего так рано отработался? – удивилась мать.

– А я и не робил сегодня, – усмехнувшись, ответил отец, неторопливо раздеваясь.

– Что так у тебя стряслось? – недоумевающе поглядывая на отца, спросила мать.

– Все! Отробился, мать! На службу призывают.

– На какую еще службу?

– В милицию.

– Как это, в милицию? – удивленно переспросила мать.

– В обыкновенную... народную милицию! Какую еще?

– А почему именно тебя?

– Не одного меня, многих наших призвали: Горбунова, Рассохина, Постылякова... Одним словом, человек десять из бывших партизан и красногвардейцев... Из деревень несколько человек, но тех я еще не знаю. Сама понимаешь, время такое неспокойное: всяких банд развелось по деревням... Всякие белогвардейские «недобитки» голову поднимают. Думают, Ленин умер, так всё на старый лад повернуть можно. Конечно, этому не бывать, но лучшие люди под их пули ни за что, ни про что ложатся... Трудовому народу от их пакости одно беспокойство!

Пока отец говорил, вышагивая босыми ногами по скрипучим половицам избы, мать его не перебивала, было непонятно: смирилась она с новым назначением отца или же готовилась, подбирала нужные слова, после которых отец разом откажется от милицейской службы.

Петька, забравшись на полати, затаив дыхание, слушал этот разговор и поглядывал оттуда незаметно то на мать, то на отца. «Хорошо бы было, если папка не послушался мамы и остался в милиционерах! – подумал Петька, – как назло никого дома нет: ни Шурки, ни Таськи! Они бы обязательно сказали маме: «Не отговаривай... в милиции хорошо... папке там наверно наган дадут бандитов стрелять».

Отшагав положенное, отец сел за стол на свое законное место и сказал решительно и твердо, хлопнув рукой по столешнице, как бы придавив ладонью всё, что им сказано напоследок:

– Не будет по-ихнему, народ крепко стоит за Советскую власть. Конечно, не без того, что придется кое-кого вразумить! Наставить на путь истинный!

Мать в отчаянии вздохнула и все же не удержалась высказать свои горестные мысли:

– Тебе что, старых ран не хватает? Да и семья у тебя не то, что у того же Рассохина: тот сам себе хозяин, хвоста нет. Да и у Горбунова одна дочка, единственная... Как это они тебя большесемейного на такое опасное дело посылают?

Отец ответил не сразу. Он снова встал из-за стола, прошелся по избе, затем, отодвинув шторку на заднем окне, посмотрел в огород на заснеженные поля, на далекий Махонин мыс и, вернувшись на прежнее место, тихо и спокойно ответил на материн тревожный вопрос:

– Всё решено. Всё обдумано, и нечего лишний раз рассусоливать. Что касается семьи, то она у меня и в Гражданскую была такая же, один Васятка только прибавился... В конце концов не умирать я иду туда, не на погибель, как ты думаешь, а на обыкновенную работу!

Пытаясь окончательно успокоить мать, отец подошел к ней и ласково сказал:

– Не кручинься, Игнатьевна! Не печалься понапрасну! Не пропадет твой Степан! Не в таких он переделках побывал. Это всё пустяки по сравнению с тем, что было. Твое беспокойство я не осуждаю, но другого пути у меня нет! Я слово дал! – отец неожиданно усмехнулся и добавил, – вот сейчас пойду форму милицейскую получать!

Мать слегка отстранилась от отцовских объятий, хотела еще что-то сказать, но, безнадежно махнув рукой, сказала совсем другое:

– Может, пообедаешь?

– Рано еще. Вот схожу в управление, вместе и пообедаем. Думаю, долго не задержусь там.

Отец, как и рассчитывал, вернулся к обеду. Его на милицейской кошевке подвезли до самого дома.

Вся семья, за исключением Таськи, была в сборе. Ребятишки с интересом рассматривали большой узел с милицейским обмундированием.

– Погодите, ребятишки, после обеда, так и быть, выряжусь в полную форму. Вот тогда и посмотрите на своего милиционера.

После обеда отец вырядился в синюю милицейскую одежду,

обул сапоги и, ловко подогнав ремни, опоясался широким ремнем с медной пряжкой и скрипучей портупеей. Больше всего Петьку интересовала кобура для нагана. Правда, она была пустой, но всё равно вызывала у Петьки неподдельный восторг.

– А наган тебе дадут? – спросил он у отца.

– Дадут, Петруська, обязательно дадут!

– Настоящий?

– Конечно, настоящий, какой же еще?

– Тогда я тоже в милицию пойду, если настоящий.

– Ты бы лучше под своим носом утирал: не хватало еще сопливых в милиции, – смеясь, заметила Шурка.

Хотя Петьку обидело Шуркино замечание, но он смолчал, шмыгнув на всякий случай носом. Облачившись в полную форму, отец осмотрелся перед зеркалом, спросил мать:

– Ну как?

Мать, не ответив на прямой вопрос, заметила:

– Не мог гимнастерку на размер побольше взять?

– Не было. И так самую большую взял. Штук пять перемерял. Ребята и то смеялись: «Тебе, Ильич, форму, как Ивану Поддубному, по спецзаказу надо».

– А что, разве нельзя немного расшить... Вот тут немного поджимает, – показал отец на плечи гимнастерки и на стянутый ворот.

– Поправлю, может что-нибудь получится.

Мать до полуночи порола, подшивала, стучала швейной машинкой, потом, всё разгладив горячим утюгом, разогретым на камине, развесила в передней на стульях.

Утром отец надел форму и остался доволен:

– Всё хорошо изладила, лучше и быть не может, – заключил он.

Вот уже больше месяца отец ходил на новую беспокойную работу, возвращаясь поздно вечером, а иногда и ночью. Казалось, мать привыкла к этому и смирилась совсем. Но однажды все-таки спросила:

– Ну что, отец, доволен своей новой службой?

– Ничего, привыкаю помаленьку, вхожу в курс своих обязанностей... И, видимо, я тоже пришелся к месту, – засмеялся отец. – Вчера вот предложили пост помощника начальника милиции! Так что сразу на повышение твой Ильич пошел.

– А кто начальник-то у вас?

– Горбунов, ты знаешь. Человек он, конечно, образованный, не мне чета. А я, сама знаешь, всего два класса кое-как закончил... да коридор... Вот и вся наука моя, – засмеялся отец. – Я об этом Горбунову намекнул, а он и слушать не хочет. Я тебе, Ильич, грамотного человека из писарей на подмогу дам, пусть он бумажками шуршит, а твое дело – боевое....

– Вот-вот, – зацепилась мать, – тебя и будут посылать на самое опасное дело!

– Ты опять за свое, – перебил ее отец, – я не чурка какая-нибудь, соображаю, где от меня пользы больше будет. А попусту рисковать, да тем более людьми, не намерен, да и прав на это не бывает. А что касается риска, если будет необходимость в этом, ты меня знаешь... Если всё с умом делать, а не с бухты-барахты, то и риска никакого не бывает... А здравый смысл и расчет...

– Они, эти бандиты, тоже, наверно, не дураки, не будут ждать... Сами пулю вам в лоб влепят... Вот и расчет.

– Как бы не так! – ухмыльнулся отец. – У тебя представление о милиции еще старорежимное... это тебе не полиция, которую народ ненавидел. Ты совсем не понимаешь, что представляет из себя наша милиция...

– Как же не представляю, когда муженек там служит, – хотела перевести разговор на шутку Петькина мать.

Отец не принял шутки и закончил серьезно:

– Милиция – это сам народ. А у народа – сила. А без народа и милиция – ноль. Вот и посуди: если сам народ возьмется за дело, никаким бандитам, никакой белогвардейской шпане спуску не будет!.. Мы уже кое-что готовим, чтоб разом накрыть эту шушеру. Разговор, сама понимаешь, преждевременный. Но приятно, когда к нам приходят из деревень честные люди, свою помощь предлагают. А ты говоришь, милиция.

После этого разговора отец не появлялся домой больше двух суток. Явился как-то он ночью веселый и возбужденный:

– Ну, мать, дай чего-нибудь перекусить горяченького... Промерзли! На улице пурга, как зимой, с ног сдувает!

– Кто еще там с тобой, – спросила мать, прислушиваясь к шуму во дворе.

– Ребята мои отряхиваются, сейчас зайдут.

– Дай фонарь, я схожу, посвечу, а то темень, глаз выколи.

– Раздевайся, я сама посвечу.

Мать разожгла фонарь, накинула на себя платок и вышла из избы. Было слышно, как она приглашала в дом товарищей отца.

– Проходите, гости дорогие, не запнитесь только!

Один за другим в сопровождении матери в избу вошли человек шесть милиционеров.

– Раздевайтесь, ребята, располагайтесь, места всем хватит.

– Стефан Ильич, а как быть с этим?

– А! – догадался отец, о чем идет речь, – заносите в дом всё это добро. Вон, положите под полати, утром всё перепишем и отвезем в управление.

После отцовского распоряжения двое милиционеров вышли во двор и тут же вернулись, принеся в избу два тяжелых свертка – один из мочальной рогожи и другой мешок, заполненный чем-то тяжелым, увесистым.

Сложив все под полати, они умылись, поужинали и ушли спать в горницу на приготовленную матерью постель для гостей.

– Как специально для гостей камин протопила, вроде бы тепло там им будет.

– Как, ребята, не холодно там? – спросил отец, приоткрыв дверь в горницу, где расположились его товарищи.

– Тепло, тепло, Ильич, не беспокойся, – ответили оттуда.

Петька с жадным вниманием выглядывал с полатей и, прислушиваясь к разговору отца, матери и гостей, незаметно для себя заснул. Проснулся он рано, когда еще все спали. Утро, как показалось ему, было какое-то особенное, предвозвещавшее что-то необычное и веселое. Но что? Петька сразу не вспомнил. А свесив голову с полатей, он осмотрелся. В окно уже проникал свет, довольно четко обрисовывая все знакомые предметы: стол, длинную лавку, табуретки, дверь в кухню, где уже копошилась мать перед растопленной печью. И тут Петька увидел шеренгу сапог, поставленных около печки на широкий приступок, и сразу всё вспомнил! Но, чтоб еще раз удостовериться, так ли это, Петька быстро слез с полатей, заглянул в приоткрытую дверь горницы: важные гости всё еще спали, разметавшись на полу. А отец, как потом выяснилось, возился во дворе, задавая корм милицейским лошадям. На отцовской кровати спал Васютка, посапывая.

– Самое подходящее время посмотреть на «это», – подумал Петька, представив загадочные узлы.

Крадучись, он заглянул в темный закуток под полати и, убедившись, что его никто не видел, смело развернул одну из рогож. Сначала он плохо видел и только на ощупь определял, что здесь хранилось под этим таинственным «это». А «этим» оказались винтовки с обрезами, прикладами, укороченными стволами и... настоящие наганы, которые Петька хорошо знал и видел несколько раз, когда отец иногда чистил свой милицейский наган, протирал его тряпицей и смазывал маслом. Петькины глаза, привыкнув к полумраку закутка, уже с подробностью различали разницу всех этих пистолетов всевозможных систем: стивенсоны, кольты, самодельные и старинные двуствольные пистолеты под общим Петькиным определением – наган.

Насмотревшись на все это богатство, Петька уже хотел завернуть край рогожи на прежнее место, как неожиданно увидел совсем маленький наган. «Наверно, детский, – подумал Петька. – Наган совсем легкий, как раз для меня». Взяв его в руку, Петька «потяжелил» его, попробовал подавить на спусковой крючок, но сил у него не хватало, чтоб это сделать. Помогая левой рукой, он снова нажал на спусковой крючок и дело пошло! Раздался щелчок, затем второй, третий, и вдруг, совсем неожиданно раздался громкий оглушающий хлопок. Наган вылетел из Петькиных рук и упал, глухо ударившись об пол. Терпкий запах пороха распространился в закутке. На выстрел из горницы в одних кальсонах вбежали милиционеры. Увидев Петьку, они сразу сообразили, в чем дело. Схватили его на руки и, недоумевающего и напуганного, вынесли в прихожую.

– Не поранился, сынок? – спрашивал усатый милиционер, легонько тормоша перепуганного Петьку. Петька молчал.

– Да ты хоть скажи что-нибудь?

– Чего ты молчишь? – принимая Петьку из рук усатого милиционера, вопрошала перепуганная Петькина мать.

Услышав выстрел, прибежал отец. Видимо, не сразу сообразив, что тут происходит, спросил у своих товарищей:

– Что за шум тут у вас? Кто стрелял?

– Да вот, сынишка твой из бульдожки выстрелил... Мы перепугались, думали бандиты! Спросонья-то не сразу сообразили.

– Вот он и есть настоящий бандит! – кивком головы показал отец на Петьку.

– Чего ты его держишь? Отпусти его, – обратился он к матери. Хотя Петьку и отпустили, но он никуда не убежал, ждал, когда его накажут. Но, видя, что на него совсем не обращают теперь внимание, и немного осмелев, сказал:

– Я вовсе не бандит, а Петруська Степанов. Вот кто я!

– Ладно, Степанов, мы тут разберемся без тебя, полезай на полати, я еще поговорю с тобой, – подсаживая сына на полати, сказал отец.

По всему было видно, что он был доволен благополучным исходом этой Петькиной выходки, хотя и делал сердитый вид.

– Ума не приложу, как он выстрелил? – заметил тот же усатый милиционер, который первым схватил Петьку.

– Я вчера весь барабан у бульдожки перещелкал раза два.

– Видимо, осечка осталась, на улице холодно, а тут в тепле отогрелось, вот и сработало, – заключил отец.

– Всё правильно, Ильич, так все и было. Поэтому меня надо винить и наказывать, а не твоего сынишку... Я как представлю, что могло быть, нутро становится...

– Ладно уж, Максимыч, что себя терзать! – прервал усатого отец и добавил, – впредь надо осторожнее с оружием. А сейчас приводите себя в порядок, позавтракаем и в управление поедем. Там всё перепишем. По описи сдадим всё это бандитское имущество.

После завтрака отец вместе с товарищами милиционерами уехали в управление.

Петька слез с полатей, его сразу же окружили сестренки.

– Расскажи, чего там видел в узлах и как ты выстрелил?

– Там всего полно было! Целая куча наганов настоящих! – чувствуя к себе внимание, отвечал Петька, – все тяжелые, взрослые... только один был детский... вот я из него и стрелял по бандитам, они в углу спрятались, а я их всех перестрелял.

– Чего ты мелешь? Какие бандиты? Да и стрелял ты всего один раз.

– Не один, а восемь раз я стрельнул. Восемь бандитов укокошил.

– Пойдем, покажи куда ты стрелял, – предложила Шурка.

– Вот сюда, в этот угол, тут они скрывались за сундуком.

«Комиссия» по расследованию Петькиного «злодеяния» во главе с Шуркой обследовала угол, куда показал Петька, и нашла в стене след от пули.

– Считай, что ты в рубашке родился! За такие дела тебя бить надо как сидорову козу, – заключила Шурка, – а вдруг бы направил в другую сторону наган и свою родную мать убил! Что бы тогда?

Такой вывод «комиссии» был для Петьки ошеломляющим и совершенно неожиданным. Еще минуту тому назад он почувствовал себя героем сегодняшнего дня. А тут на тебе, такое страшное предположение. Петька молчал, говорить ему совсем ничего не хотелось. Перед глазами вдруг возникла убитая на кухне мать, почему-то держащая в руках скалку. А тут еще Васька, приползший на четвереньках, теребил Петьку за штаны и требовал настойчиво и нудно:

– Расскажи, как стрелял, Петруська? Ну, расскажи!

Петьке теперь представился убитый до смерти младший братишка, и поэтому Петька сказал ему:

– Не надо об этом, Васютка. Это не интересно... Я не буду милиционером, а то нечаянно кого-нибудь подстрелю.

– Девки, не троньте его! Ему и так сегодня хорошо досталось! – заступилась за Петьку мать.

– А мы так его не тронем! С чего ты взяла? – огрызнулась Шурка.

Хотя мать и сказала, что Петьке за такие дела «досталось», но всё равно он ждал настоящего наказания и недоумевал, как это «досталось»? Его не высекли, даже не ставили в угол. И только через много лет он всё понял по-настоящему. Да, тогда досталось ему по-настоящему и запомнилось на всю жизнь.

Однажды поздно вечером к Степановым пришли двое молодых деревенских парней. Они долго упрашивали отца, чтобы он дал им наган.

– Понимаете, товарищ Степанов, мы несколько раз видели этого бандюгу, сколько раз могли взять его на мушку, но у нас нет даже ружья... Он это знает и ведет себя совсем нахально. Вчера, например, утром из одного дома вышел и спокойно, как будто так и надо, исчез с глаз долой. Он в этом доме который раз ночует. Но что мы сделаем без нагана. Мы за своего отца его.

– Успокойте, ребята, – перебил их отец, – лучше расскажите поподробнее, где, в каком доме он бывает. А остальное дело милиции. Вам спасибо, что сообщили. А что касается «взять этого бандита на мушку», то мы и сами могли это сделать несколько раз. Но его надо взять живьем и судить по советским законам. А самосудом не положено, хотя он, как вы говорите, повинен в смерти вашего отца.

Петька внимательно слушал этот «секретный» разговор со своего поста – полатей, вновь загорел желанием стать милиционером. «Только зачем его брать живьем, – недоумевал он, – надо его подстрелить, раз он бандит! И все тут!»

Все эти дни, особенно перед сном, Петька мечтал снова стать только милиционером. Мысленно он скакал на лошади, гнался за этим неуловимым бандитом, преследовал его всюду, но тот все убегал от него. «Погоди, я тебя на мушку! От меня еще никто не уходил!»

На следующий день после вечернего разговора с деревенскими ребятами отец снова исчез на несколько дней и заявился необычно веселый и разговорчивый с повязкой на голове.

– Всё, Игнатьевна, изловили этого паршивца, за решетку сунули.

– А это что у тебя? – показала мать на повязку.

– Пустяки... чуть задело, я сразу даже не заметил. Отстреливался гад, но я его перехитрил, сделал вид, что он меня прихлопнул, упал и наган из рук выпустил. А он и клюнул на это. Бросился ко мне, чтобы наганом завладеть, а я его сцапал и под себя подмял, а тут и ребята подоспели, скрутили его.

– А если бы он успел твой наган схватить? – ужаснулась мать.

– А что толку? Патронов там не было. Я на это и рассчитывал. А с своего нагана он, дурачок, все расстрелял, только сам себя сучком малость расцарапал, не заметил, когда.

Но все равно, хотя для отца все обошлось как нельзя лучше, мать долго плакала и наконец заявила:

– Нет больше никаких сил, отец, у меня. Я ночами не сплю, все переживаю... А вдруг что-нибудь с тобой случится, а я с такой обузой без тебя останусь.

– Ладно, не вой зря! Так и быть, скажу тебе по секрету: ухожу я из милиции! На старую работу потянуло, да и не место мне там с моей грамотой. Сейчас времена другие, туда образованных надо... Да я еще две недели тому назад докладную написал: Горбунов было отказал, но когда я предложил, что вот выловлю этого «неуловимого» бандюгу и всё, конец – увольняйте меня. На том и порешили. А вчера взяли его – этого гада. Я, значит, слово

свое сдержал. А теперь дело за начальством.

Но всё сложилось не так, как сказал отец. Но это в конце главы.

Не понравилось Петьке такое решение отца. «Значит, не будет он милиционером? Не будет у Петьки настоящего нагана и кобуры, какая была у отца... А может, и не надо ему быть милиционером, раз папка выловил последнего бандита?» – размышлял Петька.

Такое Петькино решение пришлось как раз кстати. Буквально через два дня на соседней улице случился пожар.

– Ты чего около дома крутишься? – строго спросила Гуска. – В Тагильской улице пожар, а он и усом не ведет.

И только тут Петька заметил, как в Пронькин переулок бежали с ведрами бабы и мужики с топорами и ломами.

– Пошли скорее, а то всё прогорит!

Петька побежал во весь дух за длинноногой Гуской. Вскоре их догнали Петька Журавлёв и Алешка Масленников. Когда они бежали к дому, который пылал во всю, то увидели пожарных, которые смело бросались в огонь, поливали на крышу, в окна горящего дома из пожарных рукавов. Водяные струи сбивали огонь, он шипел, сопротивлялся, разгорался снова, как только струя воды слетала в него. Больше всего поразили Петьку медные каски пожарных. Они блестели, горели на солнце, как золотые.

«Всё, буду пожарником!» – окончательно решил Петька. Спасибо Гуске, что она прихватила его на этот пожар. Целый час простоял Петька, любуясь отважной работой пожарных вместе с Гуской, Петькой Журавлёвым и Алешкой.

– Пошли домой! Чего рты-то разинули. Всё потушили. Нечего тут болтаться, пошли!» – строго повторила Гуска. Но Петьке не хотелось уходить. Ему было любопытно, как пожарные смачивают в колеса мокрые рукава, погружают на красную телегу пожарные насосы и как копошаться, ищут что-то в золе хозяева сгоревшего дома. Но настойчивая Гуска тянет его за рукав: «Пошли, пошли, нечего тут торчать и мешаться!»

Возвращаясь домой вместе с Гуской и Петькой Журавлёвым, Петька снова вспомнил про медные каски пожарников. Хорошо бы узнать, чем они начищают свои шайки. Наверно, кирпичом? А, может, квасной гущей? Мама всегда самовар гущей чистит, тоже здорово блестит.

По дороге по Пронькиному переулку Петька уже мысленно представляет себя пожарником в медной сияющей каске. Ему сейчас не нравиться, что Гуска ведет его за руку, как маленького. Хорошо бы сейчас загорел у Гуски дом, а он бы в медной блестящей пожарной шапке вытащил Гуску из самого огня, а она бы сказала: «Вот уж совсем не ожидала, что ты огня не боишься! А я думала, что совсем сгорю тут». Подумав так, Петька попытался освободиться от Гускиного попечительства.

– Отпусти, чего ты меня держишь.

– Ладно, помалкивай, вот доведу до дома и отпущу, – строго сказала Гуска, вовсе не помышляя о Петькиных героических мыслях.

А вечером, когда вернулся отец с работы, Петька, всё еще находясь под впечатлением увиденного пожара, посоветовал ему:

– Папка, ты поступил бы в пожарные. Там тебе каску медную дадут! Такую блестящую, блестящую!

– Этого еще не хватало, – вступилась мать.

– А что? Это тоже работа по мне! – засмеялся отец. – Надо, Петька, подумать, может и возьмут.

Но отец не внял совету Петьки, не поступил в пожарные. Да и вопреки желанию матери уйти с опасной работы в милиции, прослужил там еще почти три года.

ГЛАВА 4
МЛАДШИЙ БРАТ

Младшему Петькиному брату Ваське пятый год пошел, а он всё еще не умел ходить. Не слушались Ваську ноги, как он ни старался. Не хотели ходить, и всё тут.

На дворе опять весна. Снег начал таять, скоро опять лето заявится, а он все ещё, как полугодовалый, только ползает. Обидно Ваське! Ой, как обидно! И когда только этот рахит пройдет у него? Мать говорит:

– Вот настанет лето, обязательно на свои ноги встанешь. Нынче обязательно своими ногами потопаешь! «Когда только это «нынче» начнется?» – размышлял Васька.

В это утро Васька проснулся довольно поздно. Солнце уже во всю светило. По стене и по потолку прыгали солнечные зайцы. Васька знает, почему они прыгают. «Это потому, что на улице лужи, снег тает. От этих луж солнце отражается, как от зеркала. А эти лужи ветер шевелит, вот почему и зайцы на стене и по потолку смешно подпрыгивают. Ну, совсем как живые»

В доме совсем тихо, никого нет. Вот только один кот Тишка на краю печи сидит, да часы ходики тикают. Коту хорошо, у него четыре лапы и все ходячие. Только кот ленивый. Днем все больше спит, а к ночи обязательно удерет к своим кошкам. «Вот если бы мне такие ходячие лапы, как у Тишки... Я бы совсем дома не сидел, день и ночь бегал... У брата Петруськи тоже ноги ходячие, наверно, где-нибудь по улице носится, а я сиди тут одинодинешенек».

Васька с горечью посмотрел на свои беспомощные ноги, кривые и тонкие, как лутошки. И вдруг с ожесточением начал бить их ладонями, кулаками изо всех сил, приговаривая: «Ухо-

ди от меня, уходи, проклятый рахит! Я тоже бегать хочу!» Но как ни старался Васька, как ни бил свои непослушные ножонки, настоящей боли не чувствовал. «Ах, значит вам не больно? Сейчас я угощу вас ремешком. Тогда посмотрим, чего запоете!» Видя безрезультатность своих попыток причинить боль за такое ослушание, Васька недолго думая, снял широкий отцовский ремень, висевший тут же, на спинке кровати, сложил его вдвое и с еще большим остервенением и злостью стал хлестать по бесчувственным ногам. Ага!!! Больно!!! Обрадованно орал Васька. Получай еще!!! На!!! На!!! Еще на!!!» – продолжал орать он, поворачиваясь поочередно то на правый, то на левый бок, то на спину.

От ударов ремнем икры и ляшки Васькиных ног порозовели, а вскоре совсем стали пунцовыми. А он не унимался, всё хлестал и хлестал их до изнеможения.

Наконец выбившись из сил, он лег на спину и немного успокоился. Затем сел и, придерживаясь за спинку кровати, опустил на пол «побитые» ноги. Коснувшись ступнями прохладного пола, придерживаясь за кровать, попробовал встать...

Ой, сколько раз уже не сочтешь, пытался Васька встать на собственные ноги. Но всё было напрасно! И только во сне он бегал, носился по улице со всеми ребятишками наравне. Вот и сегодня он попытался сделать то же самое, встать хотя бы и... Совсем неожиданно почувствовал, что «побитые» ноги стали более послушными. Мало того, они держали его довольно основательно.

Отпустившись от кровати сначала одной, а потом и другой рукой, Васька в первый раз в своей жизни без чьей-либо помощи встал на собственные ноги. «Может это сон? – подумал Васька. Это уже бывало с ним во сне и не один раз, когда он бегал, прыгал, орал от радости: «Смотрите, смотрите! Вот Васютка бегает во всю ивановскую!» Просыпался от собственного крика. «Успокойся, успокойся, Васютка», – уговаривали мать или отец, с которыми он почти всегда спал вместе на одной кровати. Там, во сне, когда Васька бегал, на него почему-то не обращали никакого внимания. И сегодня, как назло, тоже никого! «Вот я на ногах стою, а никто не видит! Нет, это не сон», – наконец решил Васька и сделал первый шаг в своей жизни. Первый! Самостоятельный! Затем, покачавшись и все же устояв на ногах, сделал второй шаг... затем третий, четвертый и... шлепнулся на пол, ушибив себе локоть. Не обращая внимания на боль, он попытался снова встать уже с помощью табуретки, которая, кстати, оказалась совсем поблизости. К радости, Ваське довольно легко удалось это сделать. Постояв немного, все еще возбужденный небывалым успехом, сияющий неподдельной радостью, Васька сделал еще четыре героических шага в обратную сторону к кровати и не упал!

Пока никого не было дома и никто не мешал, Васька с упорством продолжал эти короткие путешествия в несколько шагов, каждый раз отодвигая на один шаг старую табуретку. Затем, обессилев от такой непривычной работы, с дрожащими коленями забирался на кровать отдохнуть, чтобы через минуту-две начать все сызнова. В этот час у Васьки первый раз по-настоящему появилась надежда освободиться от этого злого страшного рахита. «Вот оно пришло это долгожданное «нынче». Я сильный, мне папка сам об этом сказал! Я обязательно буду ногами бегать! Это Шурка мне говорит, будто я ленивый и потому не хожу. Погоди еще, покажу, какой я «ленивый»! – думал Васька. «Я об этом пока никому не буду говорить, пусть себе думают, что я совсем ходить не умею», – решил про себя Васька, переполненный счастливыми мыслями.

На следующий день Васька проснулся рано, и теперь уже с замиранием сердца ждал, когда все уйдут из дома, чтобы пораньше пробовать свои ноги. «Петька молодец, он за матерью на рынок увяжется! Вот только Манька очень уж долго разыскивает свою школьную книжку и расспрашивает его:

– Не видел ли, где она лежит?

Он откуда знает, где ее книжка. Наконец Манька нашла свою потерю, она сама ее под подушку сунула, а сказала так, как будто кто-то был виноват:

– Вот из-за вас всегда в школу опаздываю!

Только вот мама совсем ни к чему наказала Петруське:

– Посиди дома, поиграй с Васькой... Я скоро!

«Вот тебе раз, этого еще не хватало, – с огорчением подумал Васька, – пусть бы он куда-нибудь ушел, я бы своим делом занялся». А Петьке не хотелось сидеть дома, так как он сразу после ухода матери выскользнул за дверь, только его и видели. «Ушел!» Пребывая в страшном волнении, Васька сполз с кровати и попытался сразу же встать на ноги, но сделать хотя бы один маленький шажок он не мог: ноги у Васьки, почему-то ослабев, страшно болели и не держали его совсем. «Как же, как? – с досадой подумал Васька. – Вы что? Опять за старое», – крикнул он со злобой и снова, как вчера, забравшись на кровать, начал колотить кулаками и хлестать ремнем в кровь заупрямившиеся ноги, приговаривая, как было вчера: «Уходи, рахит, проклятый! Уходи, пока не поздно», – орал Васька.

Изрядно потрудившись и снова почувствовав боль от ударов ремня, Васька с восторгом крикнул: «Ага, проняло! Испугался, рахит, испугался!» Ликующий, он вновь попробовал встать на ноги... И снова, как вчера, они были послушными! Сияющий и возбужденный, он сделал несколько заходов от кровати до

противоположной стены, делая туда и обратно шагов по семь-восемь! В одно из таких путешествий Васька услышал, как сгремела защелка их ворот: «Кто там? Мама или Петруська? Ладно! Пусть видят! Всё равно обрадую хоть маму, хоть брата», – решил Васька, нарушив свое обещание не показывать свои успехи преждевременно. Мать, вернувшаяся с рынка, была несказанно удивлена, увидев младшего сынишку на собственных ногах, улыбающегося во весь рот:

– Смотри, мама, твой Васютка уже ходит!

Мать поставила сумку с продуктами у порога, всплеснула руками и от радости заплакала:

– Милый ты мой! Васютка, родненький! Знать ходить начал! Теперь, глядишь, с Божьей помощью и бегать начнешь!

– Я сам! Никто мне не помогал! – насупившись, ответил Васька.

– Хорошо! Хорошо! Конечно, сам! – пыталась успокоить его мать, увидев, как у Васьки на глазах уже навернулись слезы.

– Теперь шагай, шагай смелее!

Васька попытался было сделать шаг навстречу матери, но тут же шлепнулся и заревел. Мать бросилась утешать его, а Васька еще больше разревелся:

– Я сам, я сам! Никто мне не помогал!

– Успокойся, не плачь... я согласна, тебе никто не помогал. Я всем так и накажу, чтобы тебе не мешали. Только ходи, сам ходи!

– Ты тоже, Петруська, ему не мешай! – обратилась она к Петьке, вбежавшему в избу с виноватым видом нашкодившей няньки на Васькин рев. Не поняв в чем дело, Петька удивленно посмотрел на мать и на валявшегося на полу Ваську, ответил недоумевающе:

– Не трогал я его, он сам! – с этими словами Петька бросился к брату и попытался ему чем-то помочь. – Садись, нечего тут на полу валяться, а то простудишься.

Петька, конечно, не подозревал, что младший брат в его отсутствие встал на собственные ноги. Он этого не видел!

– Не мешай мне, уйди! Я сам... если захочу, встану, – возмущался Васька, отталкивая от себя Петькины руки, распластавшись на полу.

– Не трогай его, Петруська, пусть себе валяется. Не обращай на него внимания. Захочет – сам встанет. Он уже не маленький, сам должен понимать, – с этими словами мать взяла продуктовую сумку, ушла на кухню, а следом за нею увязался и Петька, надеясь получить какой-нибудь гостинец. Надо сказать, на этот раз ему повезло... Мать извлекла из мочальной сумки порядочную сушку – такую подрумяненную и аппетитную и тут же разломила ее пополам. Петька хотел было возразить, заметив матери, что он бы справился с неломанной сушкой, но мать, подавая ему половину сушки, нарочито громко сказала:

– Вторую половину отдай Ваське, если он не валяется на полу. А если лежит, капризничает, возьмешь себе обе половинки.

Петька бросился было выяснить обстоятельства, но мать, к его недоумению, придержала его за рубаху и пригрозила пальцем. Наконец Петька сообразил, в чем дело и осторожно выглянул из-за косяка кухни. Теперь сам, как и мать несколько минут тому назад, был удивлен тому, что Васька стоял посреди избы на собственных ногах! Петька замер от такого неожиданного зрелища, хотел было уже поделиться этой новостью с матерью, но Васька упредил его:

– Давай сюда мою половинку! – требовательно произнес он, но, видя, что старший брат всё еще стоит в растерянности и не двигается к нему, добавил, – ладно, стой там! Я к тебе сам приду!

Сделав несколько шагов в сторону старшего брата, Васька остановился, немного покачался из стороны в сторону, но снова выпрямился и довольно уверенно подошёл к Петьке и, улыбаясь, взял из его рук свою половинку сушки. Через несколько дней, почувствовав силу и уверенность в своих ножонках, Васька уже не нуждался ни в понуканиях, ни в чьей-нибудь помощи, а топал по избе с хвастливо-победным кличем: «Глядите, глядите! Васька маленький ходит!» Вначале Васька быстро уставал, но, чуть отдышавшись, снова вышагивал по избе, балансируя руками, как это делают все, когда идут по тонкой жердочке. Сначала Васькины маршруты пролегали от кровати к столу, от стола к печке и обратно, и были они довольно короткими, но по мере приобретения навыка и уверенности Васька стал ходить кругами, постепенно увеличивая темп до бега. Теперь было уже неизвестно, кто был больше рад этому Васькиному успеху: мать и все остальные Степановы или сам Васька. Конечно, не в меньшей степени был рад этому Петька, так как в лице младшего брата он приобрел, наконец, «полноценного» товарища. Теперь он мог вместе с Васькой бегать взапуски, играть в прятки и другие игры, в которых ноги играли не последнюю роль.

С этого дня, как Васька встал на собственные ноги, он просыпался рано и прежде всего, как выражался отец: «Пробовал свои «рычаги» на прочность». Убедившись, что «рычаги», пока он спал, ходить еще не разучились, Васька с восторгом и торжеством начинал свой трудовой день, удивляя всех своей настырностью, трудолюбием и энергией: «Смотрите, смотрите! Васька ваш уже бегать начал!», – звенел его голос, переполненный радостью!

Наверстывая упущенное время, взятое «злым недугом», Васька старался вовсю. За какой-нибудь месяц он настолько окреп ногами, что, бегая по ули-

це, удивлял соседей своей неукротимой энергией и старанием.

С этим событием радость в доме Степановых поселилась прочно. Петькина мать без счету раз рассказывала всем, кто приходил в дом, как всё это произошло и всегда с мельчайшими подробностями: «Вхожу в избу, а он стоит...» И было видно, что рассказы матери нравились всем, и, видимо, все искренне разделяли радость Антониды.

Перед самой Пасхой мать и все младшие Степановы занимались по дому генеральной уборкой: скребли, скоблили, мыли полы по всему дому, белили печку, красили черной масляной краской камин Степановской горницы. Конечно, основную работу делала мать и старшая дочь – Шурка, но и младшим хватало дела. Даже Петька, получив «на урок» вымыть пол в закутке под полатями, старался во всю, не жалея воды. И чтобы мать заметила его старания и похвалила, как ему казалось, уже завершенную работу, объявил:

– Мама, смотри последнюю половицу домываю, она уже чистая– пречистая. Совсем скользкой стала!

– Раз скользкая, значит еще грязная, мой еще, да как следует, – огорошила мать. Не ожидавший такого выхода, Петька потер тряпкой «склизкую» половицу и снова хвастливо объявил:

– Она в одном месте только чуть склизкой была, а теперь до конца вымытая! Лучше не надо!

– Ладно, Петруська, еще немного пошоркай, я проверю.

И Петька, предвидя строгую «комиссию» в лице матери, тер, скоблил большим кухонным ножом чуть видимые пятна на сучковатой половице, обильно поливая ее водой.

– Всё, мама! Вымыл! И вода как раз закончилась! – объявил Петька, вытирая подолом рубахи лоб, как это полагалось после очередной работы.

– Ох! Затопил кругом! Налил-то, налил сколько, – охнула мать, – мытьянка ты моя!

– Я не мытьянка, а мытьян, – возразил Петька, наблюдая, как мать старательно собирает холщовой тряпкой расплесканную воду и выжимает ее над ведром.

– Ладно, Петруська, вымыл хорошо! Не придерешься! – наконец оценила мать Петькину работу. Такой оценки Петька уже и не ждал. Воспользовавшись похвалой, он спросил на всякий случай:

– Мама, а теперь можно нам с Васюткой немного в горнице побегать?

– Побегайте, только поосторожнее там. Камин горячий-прегорячий! Близко к дверке не подходите и к пирогам не прикасайтесь. Уж потерпите до завтра.

– Ладно, мама, мы потерпим, к пирогам прикасаться не будем! – охотно согласился Петька.

В большой комнате, которую Степановы называли горницей, было светло и чисто. Стены оклеены новыми обоями, пол застлан свежими половиками, на окнах развешены тюлевые шторы, с утра протопленный камин излучает приятное тепло. Покрашенный наново черной краской, он поблескивает, отражая окна, глядящие на улицу, и издает запах поджаренной конопляной олифы. Справа, за дощатой заборкой небольшая комната – спальня, которую в летнее время занимают отец с матерью. Сейчас эта комната закрыта на внутренний замок – туда хода нет! Но Петька и так знает, что там хранится. Маленький столик с чугунной пепельницей, двумя чернильницами с медными крышками на полированной столешнице. Другое дело – ящик стола: там у отца хранятся всякие важные бумаги и полно еще всего интересного. Петька с удовольствием исследовал бы этот ящик, но это запрещено отцом. Да и так всё закрыто на ключ, а ключ храниться в кармане отцовских брюк. Зная это, Петька не очень любопытствует. Справа, у заборки, высокий шкаф, заставленный всякой «праздничной» посудой, которую берут в дело, когда приходят к Степановым важные гости. В этот шкаф лучше не лезть, можно что-нибудь разбить.

Перед окнами большой стол, накрытый белой скатертью с вышитым голубыми нитками узором на углах. Стол весь заставлен всевозможными пирогами со всевозможной начинкой. Готовить пироги Петькина мать – большая мастерица. Петька это давно знает и гордится матерью. Ее всегда приглашают делать пироги даже совсем чужие люди, когда у тех бывают именины или свадьба. После таких торжеств мать всегда приносит целую корзину больших ломтей всяких пирогов за свою работу. И тогда у Степановых продолжался этот свадебный пир, начавшийся где-то на соседней улице. Всяческих сладостей тогда хватало Степановым на насколько дней. Еще Петька знал, что для пирогов мать готовила начинку из обыкновенной тыквы, свеклы и моркови, предварительно высушенных, а затем распаренных в вольной печи с небольшим добавлением урюка, изюма и сахара. После такого смешивания тыква и свекла куда-то исчезали, и начинка получалась та, что надо, то есть, из урюка и изюма. По мнению матери, тыква, морковь и свекла делали начинку более сладкой и нежной. Хотя материны утверждения были всеми приняты как закон, но Петька был уверен, что все «хрукты» без материных обязательных добавок тоже хороши. Но авторитет матери был настолько высок у Степановых в делах приготовления начинки, что Петька не помышлял даже высказать свои соображения, опровергающее это утверждение. А что касается пирогов с рыбой, с грибами, с капустой, то тут и совсем не было никаких возражений, даже и у Петьки. А

еще пирог с маком! Этот уж совсем хорош, сказать нечего... А еще с ягодами: с черникой, земляникой, клюквой, брусникой... Всякие ватрушки, шанежки, печенье фигурное... Всего даже Петька и перечислить не может. Перечисляя в памяти всевозможную материну стряпню, Петька не без основания обходил пироги с малиной, которые он «терпеть не мог»! Или, как говорится, ненавидел! И не потому, что они были чем-нибудь хуже других пирогов, этого Петька не утверждает. На это была другая причина... даже две, если считать точно. Первая и, пожалуй, главная причина, когда перед Петькиным взором возникала эта злосчастная малина в любом виде: сушеная в свежих ягодах, в начинке, ему сразу же приходило на память одно очень неприятное происшествие.

Петьке было тогда года три, не больше. Бегая по своему огороду, он очутился у изгороди соседского сада и был поражен множеством спелой малины в саду тетки Анны. Ягоды были крупными, переспелыми. Под их тяжестью, ветки гнулись чуть ли не до самой земли – тронь, сами в руки поваляться! А самое убедительное было то, что малина высовывалась через изгородь и соблазнительно заглядывала в Петькин огород! «Раз она почти в нашем огороде, значит она наша!» – сделал решительный вывод трехлетний «хозяин», тихонько протягивая руку к самой спелой ягоде. Съев одну ягоду, Петька потянулся за другой, за третьей... А там пошло само собой. Обобрав все ягоды, которые так нахально лезли к ним в огород, Петька осмелел и уже стал просовывать руку через изгородь на чужую территорию и вдруг услышал вкрадчивый голос тетки Анны, возникший где-то сверху, над Петькиным ухом. «Петя, надо малинку?» Петька молниеносно отдернул руку из чужого сада, еще толком не соображая откуда взялась тетка Анна. «Чего одну-то? Хоть бы две, что ли». «Давай, подставляй подол... В твои руки много ли уйдет?» – посоветовала тетка Анна. Красный от стыда, повинуясь, Петька подставил подол своей рубахи и, не поднимая глаз, тихо сказал: «Спасибо»!

Малину, которой угостила его тетка Анна, Петька унес в подоле домой и скормил младшему братишке Ваське, приговаривая:

– Ешь, Васютка, наводи шею! Ягоды я сам заработал, тетке Анне малину помог собирать.

– А сам-то что не ешь? – спросила мать.

– Не хочу... наелся... почти до отвала», – с грустью в голосе ответил Петька, поглядывая на свои ноги, обожженные крапивой. Несколько дней тогда мучил Петьку вопрос: «Придет или нет тетка Анна с жалобой на него?» Но опасения были напрасны: тетка Анна или на самом деле не видела, как он собирал чужие ягоды, или просто поверила ему, что в чужой огород он больше не заглянет.

С тех пор обходил стороной чужие сады и огороды, какие бы там не возникали перед его взором самые великие соблазны. Второй случай с малиной Петька тоже хорошо запомнил, тем более что случай этот произошел совсем недавно – прошлым летом. Ягод уродилось тогда порядочно. Девчонки и сама мать Антонида дней за пять насобирали столько ягод, что вся печь была заставлена железными противнями – листами с рассыпанными на них всевозможными ягодами: черникой, земляникой, жимолостью и малиной! Всё это лакомое богатство слегка было высушено в вольной печи, а затем было расставлено на окончательную досушку прямо сверху на широкой печи.

Забравшись туда, Петька попробовал с каждого листа по одной ягодке, определяя на вкус, какая ягода лучше. Остановившись на малине, Петька ягодка по ягодке стал лакомиться, удивляясь тому, что ягоды почти не убывали. «Сейчас съем вот эту и эту, и всё! Больше не буду!» Но съев намеченные ягоды, Петька продолжал есть подряд, уже не выбирая. Малина издавала приятный-приятный, несказанный запах и была настолько сладка, что Петька ни с чем не мог ее сравнить... Наконец почувствовав признаки отвращения к этой полусушеной малине, Петька сказал себе: «Наелся, больше не хочу!» Но тут он ужаснулся, увидев, каким полуголым стал железный противень. Сравняв на листе остатки малины, Петька с виноватым видом слез с печки и предстал перед матерью в таком виде, что не было нужды объяснять, чем он занимался, сидя на печке – губы и щеки его хранили следы пиршества. Глянув на сына, мать спросила, хотя и так всё было ясно:

– Что это у тебя с лицом?

– Ничего, лицо как лицо! – пятясь, ответил Петька, пытаясь рукавом привести в порядок измазанный рот.

– Иди-ко, посмотри в зеркало!

Забравшись на табуретку, Петька увидел свое отражение в зеркале и подумал: «Опять на малине попался!» Мать заглянула на печку и ахнула:

– Неужели ты всё это съел?

– Нет, я только попробовал, она сама усохла, – больше Петька тогда ничего не мог сказать в свое оправдание, его затошнило. Мать предусмотрительно подставила ему помойное ведро, и Петька в несколько приемов подступившей рвоты освободился от злополучной малины.

Петька был уверен, что помимо пирогов с малиной уйма других. Например, огромный кулич да высокий сырник, весь утыканный, как оспинами, изюмом. Несколько тарелок с клюквенным киселем, но те не шли в счет... Главным пирогом на сегодняшний день был маковик, к которому Петьку тянуло, как к магниту. Конечно, Петька не та-

кой уж отъявленный разбойник, что ни с того ни с чего схватить этот маковик и, забравшись куда-нибудь в угол, умять его за милую душу! Нет, Петька не из таких! Он устоит даже перед маковиком – этим великим соблазном! Он всего-навсего посмотрит на этот маковик и всё. Вот если бы Васька, к примеру, позарился на этот знаменитый маковик, он бы не стал его осуждать. Тогда, может быть, и ему кое-что досталось... Васька, как только выучился ходить, наслаждается этим в полную силу... Ему бы даже простили и этот маковик, как прощают всякие шалости – лишь бы только он ходил своими ногами. Одним словом, на месте Васьки, он бы уже знал, что делать!

– Давай, Петруська, прятаться? – предложил Васька, как только они вошли в горницу.

– Давай, – без особой охоты согласился Петька, – ты иди на кухню, а я спрячусь здесь.

– А потом?

– Потом, если ты меня найдешь, я пойду на кухню, а ты будешь прятаться в горнице.

– Ладно, считаю до 25! Иди, прячься! – крикнул Петька и, закрыв за собой дверь начал считать, – Раз, два, три, семь, восемь, четыре, восемнадцать, одиннадцать – пропуская и перескакивая с цифры на цифры кричал Петька, кое-как добравшись до двадцати пяти. – Двадцать пять, я иду искать!

Петька осторожно открыл дверь и в тоже мгновение увидел Ваську, прятавшегося за стульями под столом, но сделал вид, что не видит брата, разговаривая сам с собой: «Куда он запропастился этот Васька? Тут его нет, здесь тоже нет, – заглядывая за шкаф с посудой, вопрошал Петька. – Может он совсем исчез? Может баба Яга его утащила? Нет, Баба Яга не могла его утащить, скорее его волки съели». Услышав такое мрачное предположение, Васька сжалился над старшим братом, да и ему самому стало не по себе от таких предположений – оказаться в обществе бабы Яги или в волчьих лапах. И он, не выдержав, крикнул: «Да, здесь я, не переживай!» Сдавшись таким образом, Васька, соблюдая правила игры, добровольно пошел на кухню «галить», но тут же вернулся, высунув голову из двери.

– Петька, я ведь не умею считать так долго. Ты посчитай за меня.

– Ладно, посчитаю. Иди, прячься!

Освободившись от братца, Петька прежде всего заглянул под угол одного из полотенец, прикрывающих пироги. Выковырнув изюминку из сырника, Петька положил ее в рот. «Хорошая штука!» – заключил он.

– Ты почему не считаешь? Я за дверью слушаю, – снова высунувшись в дверь, возмущенно спросил Васька.

– Закрой, сейчас начну считать.

Убедившись, что Васька окончательно скрылся за дверью, Петька начал счет: «раз, два, три, восемь, шестнадцать... А! Вот он пирог с маком! Одиннадцать, девятнадцать... Хорошо бы его попробовать! Двадцать пять, четырнадцать... Совсем немножко... Ну, вот эту сосульку отломить... она всё равно лишняя... Мне же всё равно достанется... двадцать девять».

– Ты скоро сосчитаешь? – снова высунувшись в дверь, спросил Васька. – Сосчитал.

– А почему не прячешься?

– Не охота, давай лучше в другую игру поиграем.

– В какую?

– Иди сюда.

Васька без особого удовольствия подошел к Петьке и заскулил как щенок.

– Играть обещал, прятаться... а сам на пироги смотришь. Закрой, а то маме скажу, что не играешь со мной, а все на пироги глядишь.

– Закрою, не беспокойся. Я ведь только поглядеть открывал. Если хочешь, я тут же и закрою, чтобы ты не видел.

– Ладно, не закрывай, я тоже немножко погляжу.

Васька, насколько это было возможно, вытянул шею, стал внимательно разглядывать пироги, отгибая край полотенца.

– Да ты сюда смотри! Видишь? – ткнув пальцем в маковый пирог, указал Петька.

– Вижу, пирог.

– Что это пирог, я сам вижу! Ты лучше скажи, с чем он?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю! Только слышал от Маньки, что это самый главный пирог! Он для гостей, конечно. Понял?

– Понял, – без всякого восторга ответил Васька.

– Да ты чего, никогда что ли макового пирога не ел? – возмутился Петька и добавил для большей убедительности, – это такая сладость, что лучше и быть не может! К нам и гости приходят только для того, чтобы маковик съесть! Вот они завтра заявятся и съедят его, а мы с тобой даже не попробуем.

– Давай попробуем! – предложил Васька.

– Попробуем, а что мама тогда скажет? То-то и оно!

– То-то и оно, то-то и оно! – передразнил Васька, – вот возьму и отломлю кусок.

– Не отломишь, не отломишь, – заскакав на одной ноге, подзадоривал Петька.

Васька еще не умел скакать на одной ноге, и он, обидевшись на Петьку, прицелился к маковику, видимо, хотел отщипнуть, ту же «сосульку», которая так заинтересовала в свое время Петьку, но не рассчитал. Пирог тут же шлепнулся на пол к великому ужасу обоих братьев и развалился на две половинки. Увидев такое, братцы оцепенели, не зная, что предпринять. Предвидя ужасный скандал, они кое-как сложили маковик, который в их руках продолжал ломаться на бесчисленные куски и частями складывать его на прежнее

место. За этим занятием их и застала мать, вошедшая в горницу.
– Вы чего там притихли?

Увидев на полу части изуродованного пирога, она возмутилась:

– Господи, охальники, сладу на вас нет! Где ремень? – потребовала она, обращаясь не то к самому Богу, не то к «охальникам», нарушившим маковик. Петька хотя и знал, что ремень применялся в самых исключительных случаях и служил больше как символическое предупреждение, робко объявил матери:

– Мама, он на гвоздике под полатями!

– Быстро! Беги за ремнем!

Петька, понурив голову, сходил за ремнем, подал его матери и, не дожидаясь дальнейших указаний, дрожащими руками расстегнул пуговицу на штанах и подставил для экзекуции свой голый зад.

– Кто из вас пирог уронил?

– Я, – ответил Петька, всё еще стоя перед матерью со спущенными штанами.

– Нет! Он врет! Это я уронил пирог! – сказал Васька и тоже подставил свой тощий зад.

– Меня хлещи, мама, я старший, а Ваську не надо, он еще маленький.

– Нет уж! Получайте оба!

С этими словами мать легонько шлепнула ремнем обоих «охальников», кое-как сложила пирог на тарелку и положила на место.

– Марш отсюда. Чтобы духу вашего тут не было!

Но в голосе матери не было ни злости, ни настоящей угрозы.

На следующий день приехали гости: дедушка Игнатий, трое Шапорёнок и племянница Петькиной матери – Шура с мужем Францем. После обеда пели песни и пили чай. Петька с замиранием сердца всё ждал, что будет с маковым пирогом, но гостям его мать даже не показала. За чаем, в прихожей, где расположились младшие Степановы, он был разделен между всеми, самый большой кусок, конечно, достался Ваське. А Петька подумал:

– Правильно мама сделала, потому что Васютка у них самый маленький, и при том он стал ходить, ему надо!

А пирог с маком – хорошая штука, пусть даже «изуродованный», как определила мать, но все равно от этого он не стал хуже. Петька даже оставил небольшой кусочек для дедушки Игнатия, но тот отказался.

– Ешь сам, Петруська, меня от мака в сон тянет.

А сам смеется... И чего он только смеется, не знаю.

ГЛАВА 5
ПРИКОСНОВЕНИЕ

В одном из Манькиных школьных учебников, которые она хранила даже после того, как бросила школу, было много интересных картинок. Из этих картинок Петьке особенно запомнились две: на одной из них – трое плохо одетых ребятишек везли большую обледенелую кадку с водой, на второй картинке был изображен похожий на соседа– старика Федора Данилыча рыбак, внимательно выглядывающий из-за очков на поплавки. Обе картинки волновали Петьку по-разному. На первую, где были изображены ребятишки, Петька смотрел с великой горечью и печалью, каждый раз донимая хозяйку книжки, Маньку, нудными вопросами:

– Почему им никто не помогает?

– Больно я знаю, – не отрывая глаз от тетрадки, в которой она писала, отвечала Манька.

– А где они живут?

– Кто?

– Ну, эти ребята, которые кадку с водой везут?

– В каком-то большом городе... Вон какие дома большие. У нас таких в Сладе нет.

– А почему их родители сами воду не возят? – не унимался Петька.

– Нету у них ни отца, ни матери! – сердито отвечала Манька. – Сироты они! Отстань!

Манькин ответ еще больше подливал масла в огонь, в разгоревшуюся Петькину жалость к бедным ребятишкам, к тому же оказавшимися сиротами.

– Жа-а-ал-ко! – обливаясь слезами, скулил Петька.

– Чего ты нюни распустил, это ведь давно было, еще при царском режиме! Сейчас такие сироты в детдоме живут, а воду им на лошади возят, – пыталась успокоить Манька своего братишку.

Петька, во всем доверявший Маньке, и на этот раз поверил: «Она ученая, всё знает и, конечно, не соврет». Немного успокоившись, он снова листал Манькину книжку, отыскивая картинку «с рыбаком». Наконец, отыскав ее, долго и внимательно рассматривал. Рыбак был похож на Федота Данилыча, соседа, что жил в конце Береговушки и часто приходил к отцу в гости спорить «о политике». У Данилыча была точно такая же шляпа и очки, как у этого рыбака из Манькиного учебника, и усы точно такие же, только чуть потемнее. А уж о сапогах и говорить нечего: «Хорошо бы показать Данилычу эту картинку! Вот бы он удивился! Он обязательно бы сказал: «А я, старый дурак, и не подумал даже, что меня в книжку поместили!» А Манька бы сказала: «Это тебя Петька в книжке отыскал!» «Нет, это не Данилыч, – пришел наконец к такому выводу Петька, – Данилыч на удочку не рыбачит, а всё только сетью «на ботку». Продолжая рассматривать рыбака, Петьке показалось, что он стоит перед ним в воде и мешает рыбачить. Старик из-за очков теперь уже смотрит не на поплавки, а на Петьку...

– Тут глубоко? – неожиданно спросил он Маньку.

– Где глубоко? Чего ты мелешь? – оторвавшись от тетрадки, удивленно спросила Манька.

– Тут, у рыбака.

– Вот привязался! Откуда я знаю! Я там не была! Отстань и не мешай мне!

– Наверно, глубоко, а я всё еще плавать не умею! – подумал Петька и быстро перевернул страницу. – Я посижу тут с тобой тихо-тихо и совсем не буду тебе мешать, только ты дай мне бумаги и карандаш.

– Это зачем тебе?

– Рисовать охота.

– Я же тебе вчера давала! Нету у меня бумаги. Отстань!

– Вон у тебя в тетрадке сколько листков! Вырви хоть один!

– Чего выдумал? Это ведь школьная тетрадь!

– Ну, дай хоть ради Христа малюсенькую бумажку! Когда учиться буду, я тебе целую тетрадь подарю.

– Пристал, как нищенка, еще Христа ради просишь, – осудила Манька, но, порывшись в школьной сумке, всё же нашла немного помятую половинку тетрадного листа и отдала Петьке.

– Вот тебе бумага и карандаш. Только осторожнее дави на карандаш, не сломай.

Взяв из Манькиных рук листок бумаги, Петька осмотрел его с обеих сторон и с сожалением подумал: «Жаль, что только на одной стороне рисовать можно: другая сторона листка заполнена Манькиными задачками, почему-то перечеркнутыми красным карандашом».

– Чего ты там разглядываешь? Рисуй, а то отберу.

Петька, устроившись на краю стола, старательно высунув от удовольствия язык, нарисовал сначала санки, на них поставил большую кадку, затем в санки впряг лошадь. Ноги у лошади получились плохие, совсем не такие, какие хотел Петька, надо бы стереть резинкой да нарисовать снова. Петька смотрит на Маньку, а та уже всё закончила и складывает тетрадки и книжки, сейчас карандаш отберет.

– Дай резинки, я ноги потру.

– Какие ноги, чего ты мелешь?

– У лошади плохо получились.

– Так бы и сказал, что у лошади, – глянув на Петькин рисунок, сказала Манька и добавила, – у тебя хорошо получилось, я бы так и оставила. На, держи резинку, только не потеряй.

Петька раза два стирал лошадиные ноги, но они всё равно не получились какие нужно.

– Хорошо, больше не стирай, – посоветовала Манька, – даже мне так не нарисовать, – похвалила она.

Завершая свой рисунок, Петька еще нарисовал парнишку, который вел лошадь под уздцы. А вечером, когда все собрались, Манька вывесила Петькин рисунок перед зеркалом и похвасталась

– Посмотрите, какой рисунок наш Петька сделал!

Петькина картинка понравилась всем, только одна Шурка заметила, что кадка слишком велика, поэтому лошадь похожа на собаку.

– Сама ты собака, – заступилась за Петькин рисунок Манька и добавила, – тебе бы и так не нарисовать!

Но Петька, посмотрев критически на свой рисунок, снял его, спрятав на полку, где хранились Манькины книжки. На следующий день, видимо, вняв Петькиному запросу на бумагу, отец принес с работы старую конторскую книгу, где на каждой странице вверху непонятными печатными словами было написано: «дебит, кредит», а ниже – уйма чистой бумаги. Петька был рад-радешенек, теперь он знал, что ему делать. На первой же странице он нарисовал Володю Шопарёнка. Вовка получился настолько похожим, что все Степановы в этом рисунке сразу же узнали лопоухого Вовку и все почему-то смеялись. Данилыч, зашедший в тот вечер на очередной спор о политике, тоже узнал лопоухого Шопорёнка.

– Да ведь это Володька! Неужели это Петруська нарисовал?

– Он, кто же еще, – поспешила сообщить Манька.

– Да он у вас художником будет! Вот посмотрите, ведь как точно схватил! Отменная карикатура! Молодец! – похвалил Данилыч.

Слово «художник» Петьке не понравилось. В этом слове первая половина напоминала о чем-то худом, а вторая уж совсем никуда не годилась. Но на следующий вечер он был вознагражден за свою терпимость и к этому слову. Федор Данилыч принес для Петьки двухсторонний карандаш. «Это тебе, Петруська, как художнику». Карандаш оказался особенный, один конец его рисовал синим, а другой, наоборот, красным. Обрадованный Петька теперь утроил свои возможности, подключив к простому грифельному карандашу еще и этот, «данилычев» карандаш, толстый и двухцветный. Он рисовал и рисовал, просиживая за столом долгими часами. Рисовал всё, что хотел, всё, что его волновало и, наконец, всё, что его окружало: мать, сестренок, младшего братишку, отца, соседей. Но ничего нет бесконечного на Земле. Всё с чего-то начинается и чем-то кончается. Похудела и Петькина бухгалтерская книга. Он с тоской поглядывал на последние страницы, а задумок всяких у Петьки возникало всё больше и больше. Вот тебе и «дебит, кредит». Наконец кончилась и последняя страница в этой конторской книжке. На ней Петька нарисовал мать. Она стоит у печки, красный свет от огня разрумянил материно лицо, мать достает на деревянной лопате большую красную булку. Всё получилось хорошо, только для материных ног на листе не хватило места, и поэтому ноги Петькиной матери получились короткими. Петька хотел порвать этот рисунок, но пришедшая «повидаться» Лида, старшая сестра, попросила отдать ей этот рисунок. Картинка, видать, ей очень понравилась. Петька отдал ей этот рисунок,

раздумывая, что Лида обещала достать бумаги. Несколько дней Петька оставался без любимого дела. От синего и красного карандаша остался малюсенький огрызок, который уже было трудно держать в руке, да и то он рисовал только синим цветом. Красный закончился еще тогда, когда Петька рисовал булку на рисунке матери. Да и простой грифельный карандаш, ставший совсем коротеньким, глупый кот Тишка ни с того ни с сего разгрыз и выплюнул одни щепки. Петька обиделся на Тишку, гонялся за ним, чтобы отобрать у него карандаш, а Тишка-дурачок думал, что с ним играют, и убегал от Петьки. Петьке уже подумалось, что Тишка, съев карандаш, пропадет. Но ничего не случилось с ним. Жаль только, что карандаш он уничтожил. В поисках того, чем бы заняться, Петька подобрал небольшой уголек, выпавший из камина. Уголек был совсем остывший. Взяв его, Петька осторожно прикоснулся к ослепительной белизне печки, провел вертикальную линию и поразился разницей черного и белого. А дальше уже и не думал ни о каких последствиях. Забыв обо всем, он рисовал, растушевывал пальцем податливый уголь и снова рисовал. Уголек совсем износился и выпал из Петькиных рук. Недолго думая, Петька достал из камина еще один уголек, и, наконец, закончил свою работу:

– Получилось, – сказал в заключение Петька, отойдя чуть от своего шедевра.

– Получилось, – подтвердил младший братишка Васька, с интересом наблюдавший за Петькиной работой, – это «Саска», я сразу его узнал.

Сашка Бартин, которого изобразил Петька, был для всей малышни, населяющей Береговушку, недосягаемым авторитетом. Смелый, веселый, и притом почти взрослый, он ходил на охоту с настоящим ружьем. А однажды, как рассказывал сам Сашка, он выследил волка и застрелил наповал. Конечно, не все верили такому, особенно девчонки. Но в доказательство справедливости Сашкиных слов на его голове с тех пор красовалась пушистая серая шапка. И, как уверял сам охотник, из настоящего волка. И вот на стенке русской печи в доме Степановых в этот памятный день появился портрет «героя», знаменитого охотника Сашки Бартина.

После Васьки, ставшего первым критиком, вторым ценителем Петькиного шедевра стала мать, вернувшаяся с рынка.

– Господи! – прежде всего воскликнула Антонина Игнатьевна. В этом возгласе матери Петька не уловил ни восторга, ни одобрения и сразу оценил свое деяние, как нечто такое, за которое следует неминуемое наказание. Он стоял понуро перед матерью, смиренно ожидая дальнейших и неизбежных ее действий. Расстроенная мать быстро разделась, отнесла на кухню продуктовую сумку и вернулась с тряпкой в руке. Но, прежде чем смахнуть Петькину пачкотню, она еще раз взглянула на содеянное или же примерялась, как это лучше убрать совсем, неожиданно узнала в Петькином рисунке Сашку Бартина. Но, видимо, решив, что всё получилось случайно, спросила всё еще понуро стоявшего тут же Петьку:

– Ты кого тут намалевал?

– Сашку Бартина в волчьей шапке, – тихо ответил Петька, не почувствовав в вопросе матери ни малейшего послабления в строгости и неминуемых последствий.

– У тебя что, бумаги не нашлось?

– Гляди-ка, как печку испортил, я белила-белила, а ты?

– Я сотру, ты не беспокойся, а бумага у меня давно кончилась. Лида обещала, да не шлет что-то.

– Ладно уж, не трогай, а то еще больше размажешь. Я как-нибудь потом сама смою. Пусть отец и все остальные посмотрят, а там определим, что делать с тобой и с печкой. Иди, умой руки, художник!

Наконец-то в голосе матери Петька уловил что-то такое, от чего ему стало весело. Но он сдержал себя, не выдал радости, что избежал «заслуженного» наказания.

Всем Степановым Петькин рисунок понравился. Все с первого взгляда узнавали в нем «охотника» Сашку, но почти все осудили Петьку за «порчу» побелки. Особенно усердствовала в этом Манька.

– Вот, теперь на печке рисовать, хорошо будет? Одно загляденье, – иронизировала Манька.

Петька хотел было возразить Маньке, обвинить ее в том, что она сама виновата, не дает ему бумаги, но смолчал, так как был доволен и тем, что избежал «неизбежное» наказание за испорченную печь.

– Я сотру это, мама? – предложила свои услуги Манька, показывая на Петькину «пачкотню».

– Ладно уж, пусть так побудет – заступился Петькин отец.

Зашедшая в тот день соседка тетка Фелинцата, увидев Петькин рисунок, удивилась, воскликнув и всплеснув руками:

– Смотри, Сашка, как похож! Кто это его изобразил?

– Да вон, Петька углем намазал, – сообщила Манька, ожидая осуждения со стороны тетки Фелинцаты.

– Это ты на самом деле что ли нарисовал? – не поверив Манькиному сообщению, спросила соседка, обращаясь к Петьке.

– Я, – тихо ответил Петька не без гордости.

– Тебе, конечно, попало?

Петька на такой вопрос не нашелся что ответить – смолчал. На следующий день Шурка специально сходила к Бартиным и привела к Степановым самого «героя» Сашку. Тот вначале упирался, так как не хотел смотреть на себя, изображенного каким-то шестилетним «художником». Но

Шурка все-таки настояла на своем, и Сашка согласился взглянуть на свой «патрет», как он выразился. Зайдя в избу, Сашка снял «знаменитую» шапку, повесил ее на вешалку и, ведомый Шуркой, предстал пред собственным изображением. Долго смотрел, молчал, не высказывая ни осуждения, ни одобрения.

– Ну, как? – не утерпела Шурка.

– Жаль, – коротко ответил Сашка.

– Чего тебе жаль? Разве не похож? – удивленно спросила Шурка.

– Да я не о том. Похож-то похож! Я даже совсем не подумал, что так у него получилось, – кивнул Сашка в сторону Петьки, ожидавшего, что скажет «знаменитый» сосед.

– Если бы на бумаге, а то на печке, – с сожалением заметил Сашка и, явно разочарованный таким обстоятельством, одев знаменитую «волчью» шапку, вышел из избы.

А вскоре вернулся, принеся целый ворох бумаги.

– На чердаке нашел. Так же валяется. Петруське пригодится. Да, вот еще два карандаша. Рисуй, Петруська, я зайду как-нибудь посмотрю твою работу.

Сашка еще раз зашел за печку, посмотрел «на себя» и в знак одобрения кивнул головой.

– Здорово ухватил! Настоящий «патрет»!

Сколько бумаги извел Петька, чтобы нарисовать на ней Сашку-охотника, сколько ни бился, но у него как на зло ничего путного не получалось. Такого удачного рисунка, какой получился на печке, Петька не мог уже повторить, как ни старался. А Сашка, как и обещал, пришел посмотреть на его работу. Он очень долго рассматривал Петькины рисунки, и, наконец, выбрав один из них, остался доволен:

– Подходяще, – заключил Сашка.

– Возьми, дядя Саша, если понравилось, я еще попробую.

С благодарностью вручил Петька рисунок соседу, на котором он был изображен в рост, с ружьем за плечом.

С появлением в доме бумаги, карандашей и даже акварельных красок на картонной палитрочке, которые Шурка купила для Петьки на свою первую зарплату, от «домашнего художника», как прозвали Петьку, не было отказа на всевозможные запросы.

– Петька, нарисуй мне лошадь, – требовал Васька. Даже соседка, ознакомившаяся с Петькиными рисунками, тоже не утерпела.

– Нарисуй мне, как мы в горелки с девчонками играем.

– Да вы что, ребята, – заступилась Манька, – он и так целыми днями дома сидит, на улицу не показывается.

Опять у Петьки бумага кончается. Акварельные краски тоже совсем смылись, только одна черная да коричневая остались. Плохо быть художником... Кисточка тоже вся истерлась... «Хорошо бы скорей вырасти да поступить на работу, как Шурка, в «скрепление». Там даже ученикам жалование дают. А жалование – это тоже деньги, а на деньги всё купить можно... Бумагу, краски, карандаши, материалу на штаны, а то мои совсем износились... Мама говорит, вот пойдешь в школу, сошью тебе новую рубаху и двое штанов на смену... Нет, не буду художником... Хлопотное это дело, как говорит Шурка. Лучше я буду столяром... Научусь табуретки делать у отца в мастерской...», – размышлял Петька.

Последнее время отец редко строгал в своей мастерской. Приходил он с работы, которую теперь называл службой, очень поздно, а иной раз его не было дома целыми сутками. Ничего не поделаешь, такая уж у отца теперь работа – служить в милиции.

– Папка, ты когда за табуретки возьмешься? – спрашивал Петька.

– За табуретки? – удивленно переспрашивал отец.

– За табуретки, которые ты еще давно начал делать, и стол для Парамонычей... Ты же обещал!

– Верно, Петруська, обещал, да вот времени всё нет. Но, как-нибудь на днях закончу. А что, разве от них кто приходил?

– Приходили, отец, приходили. Два раза Парамоныч спрашивал, – вмешалась мать в разговор.

– Ладно, Петруська, завтра начнем, пожалуй, пораньше приду.

– Начни, папка, а то и стружек на растопку совсем нет, – позаботился Петька.

– Ну, если нет даже стружек, то, пожалуй, пойдем сейчас настрогаем.

Любил Петька «нырять» через западню в мастерскую отца. Здесь всегда пахло свежей стружкой, клеем и еще каким-то необъяснимым запахом настоящей работы, от которого Петькино сердце радостно замирало. Особенно Петьке нравилось быть в мастерской отца в зимнее время, когда топилась там маленькая, но «ненасытная печурка», как отец ее называл. Гора пушистой, издающей густой смолистый запах стружки росла и росла за отцовским верстаком. Петька забирался на эту стружечную перину, а отец строгал и строгал какую-нибудь столешницу, а стружки падали на Петьку, такие мягкие, кудрявые, и легонько щекотали его лицо, руки и оголенные ноги. Иногда на этой пахнущей добрым лесом перине Петька неожиданно засыпал, прислушиваясь к шороху отцовского фуганка: «Вжик-вжик». Снилась Петьке удивительная сказка про лето, про шумящие сосны на Махонином мысу...

– Просыпайся, Петруська, пойдем наверх, отробились.

Петька, просыпаясь, удивлялся сделанной работе отца: стол стоял готовый на всех четы-

рех ножках. И когда только отец успел его сработать!

– Сегодня хватит, завтра склеим его и готово, только покрасить останется, а это уж как хозяин закажет – под орех или еще как, это его забота. А мы с тобой хоть как сделаем.

Петьке нравится, когда отец говорит «мы», но сегодня Петьке стыдно, потому что отцу он не помогал, а спал, как сурок. Но ничего не сказал, потому что это и так всё ясно. А иногда Петька по-настоящему работал с отцом, делал свою собственную табуретку, конечно, не большую, какую делал отец, а совсем маленькую. Петька старался, повторять всё то же самое, что делал отец, пользуясь угольником, рейсмусом и карандашом, таким плоским и толстым – «плотницким», как называл этот карандаш отец. Самое трудное в табуретке – это долбить пазы. Хотя молоток не железный, а деревянный, но все равно, когда им ударишь мимо стамески, то руке здорово больно. А потом, когда «долбежкка» закончена, то собрать табуретку тоже работа нелегкая, но приятная. Сразу видно, что это табуретка получилась. Петька и клеить научился. Только отец его не очень хвалит:

– Как неаккуратно ты, Петруська, клеем робишь, набрызгал, накапал всюду, как поросенок около корыта.

Но всё равно табуретка у Петьки получилась совсем как настоящая. Конечно, отец немного помогал, но это совсем немного. Зато всю свою табуретку Петька покрасил сам голубой краской, да так, что она Колиной Зине понравилась:

– Ай да, Петруська, ай да, мастер! Какую табуретку замечательную сделал, иной раз даже мужику не под силу такую сробить!

Петька сначала подумал, что тетя Зина говорит просто так, в шутку, но когда она сказала, что с удовольствием забрала бы эту табуретку к себе на кухню и что о такой табуретке она мечтала давно, поверил ей.

– Забирай, тетя Зина, если подходит она вам, мне не жалко.

Да и отец сказал то же самое.

– Бери, если понравилась, товар не высшего сорта, но сшит крепко. Следующую табуретку еще крепче сделает. Он у нас хороший столяр, скоро я ему в подметки не буду годиться.

Петька ликовал, не особенно вникая в отцовскую похвалу: «Следующую табуретку я такую сделаю, что тетя Зина «ахнет». Я для тети Зины и стол сделаю, – размышлял Петька, – а табуретка для меня – пустяк». Когда тетя Зина, жена старшего брата Николая, ушла и унесла табуретку, сделанную Петькой, он долго думал об этом: «Хорошая тетя Зина, красивая и добрая. Не зря брат женился на ней... Только жаль, что она болеет всё время... Но ничего, она поправится, обязательно выздоровеет, надо будет сходить к ним «в Медянку» посмотреть, куда они мою табуретку поставили».

Петька любил приходить к старшему брату, где он жил на квартире с Зиной, маленьким сыном Алешкой у бабы Павлины и, конечно, не потому что, тетя Зина всегда его угощала чем-нибудь сладким, а так, запросто. Или поиграть с Алешкой, который звал его как взрослого, дядей Петей, да еще посмотреть, как тетя Зина кружева вяжет или как баба Павлина делает для сетей глиняные груза.

Баба Павлина совсем старая, но работы своей не бросает. Петька любит смотреть, как она выкатывает кусочки глины, нанизанные на веретёшко, у нее получается это здорово. Не успеешь оглянуться, а у нее целая куча готовых грузиков, похожих на маленькие «крыночки», только эти «крыночки» без дна. Потом, когда баба Павлина наготовит целую кучу этих грузиков, она их просушит на солнышке, а потом еще обожжет в печи, и грузики совсем готовы – только пусть немного остынут. Она их потом рыбакам продает для сетей по копейке за пару. Мужики говорят: «Что ты, тетка Павлина, так дешево запрашиваешь?» Она им отвечает: «Пусть дешево, но зато на совесть. Лучше моих никто не сделает». И никогда лишней копейки с рыбаков не берет, такая уж баба Павлина.

Сегодня Петька в Медянку пришел как раз вовремя. Убедившись, что табуретка стоит на кухне и что Зина на нее не нарадуется, Петька, взяв Алешку к себе на колени, стал внимательно наблюдать за бабой Павлиной, которая в этот момент разгружала печь от обожженных грузиков и ссыпала их в ведро. Один грузик упал и покатился от печки под залавок. Петька, посадив Алешку на пол, бросился было схватить его, чтобы отдать бабе Павлине, но та его остановила:

– Не трогай его, Петька, он горячий, руки обожжешь.

Хорошо, что Петька послушался. Грузик действительно был горячим, от него даже дым шел. Баба Павлина подцепила его ложкой и тоже бросила в ведро вместе с другими. Потом, когда эти грузики остыли, баба Павлина подарила Петьке целую кучу.

– Возьми их себе, играть с девчонками будешь, а потом я тебе свистульку слеплю и тоже обожгу в печке, чтобы покрепче была, приходи завтра к вечеру. Придешь?

– Приду, обязательно приду, а за «крынки» – спасибо, – ответил Петька.

Когда Петька уходил домой, тетя Зина, помимо гостинцев, дала ему целую тетрадь чистой бумаги и сказала:

– Не бросай, Петруська, рисование. Тебе пригодится, хоть ты и столяром будешь.

Придя домой, Петька прежде всего нарисовал тетю Зину, а потом бабу Павлину, как она груза для сетей раскатывает. Тот и другой рисунок получились. Осталось ждать завтрашнего ве-

чера, чтобы показать эти рисунки тете Зине и бабе Павлине. Но на следующий день не пришлось Петьке сходить в Медянку. Отец и мать уехали, а ему наказали сидеть дома с братишком Васькой. Сестренки тоже как на зло исчезли куда-то по своим делам. Только через два дня освободился Петка от всяких забот и хотел было идти в Медянку, как пришел брат Николай и сказал такое, что Петька совсем растерялся.

– Умерла наша хозяйка, тетка Павлина, – сообщил Николай матери.

– Да ты что?! – удивилась мать, – вот уж совсем не ожидала. Старуха еще крепкая была, всё что-то пеньшила…

– Отпеньшила. Сегодня ночью скончалась. Я вот на работе отпросился могилу копать… домовину уже заказал.

– А как с домом-то? – поинтересовалась мать.

– Дом она в прошлом году еще на меня подписала, перед смертью сказала мне об этом, я даже не знал. Хороший был человек, даже об этом заранее позаботилась. Чего тут говорить. Так я, пожалуй, пойду, – засобирался Николай и, неожиданно вспомнив что-то, подозвал Петьку, – это тебе баба Павлина наказала отдать еще вчера вечером.

– Чего там? – поинтересовалась мать.

– Да вот, свистульки, видно, пообещала, когда Петруська приходил к нам последний раз.

Петруська осторожно взял из рук брата четыре глиняные свистульки в виде петушков, блестящие с красно-коричневым отливом.

– Храни их как память о добром человеке, – сказала мать.

Петька ничего не мог ответить. Он так был взволнован сообщением брата, что в ответ только кивнул головой. Свистульки понравились всем. Васька забрал себе две, Петька взял себе самую звонкую, и еще одну взяла Манька. Она чуть-чуть дуднула в нее и наказала:

– Сегодня и завтра не дудите, уж потом как-нибудь.

– Почему дудеть нельзя? – спросил Петька.

– Неприлично, раз она умерла.

– А потом можно будет, как ее схоронят?

– Можно, можно, чего там, дудите, – разрешила мать.

Тогда и Манька тоже сказала: «Тогда дудите, и я немножко в огороде подудю».

Но Петька в этот день не дудел, а всё рисовал бабу Павлину, веселую и совсем живую. После похорон бабы Павлины прошло чуть больше недели. К Степановым пришла тетка Зина с сыном Алешкой, которому только исполнилось два года, и сказала:

– Пусть, мама, он у вас побудет, меня в больницу кладут.

– Какой разговор? А что с тобой, Зина? – поинтересовалась мать.

– Не знаю, грудь давит, и сердце тоскует, – ответила Зина.

– Ты не беспокойся за Алешку, он как дома будет с ребятами.

– Спасибо, мама, – тихо ответила Зина и ушла, как она сказала, «ложится в больницу». Петьке было жаль Колину жену. Ему хотелось показать, как он нарисовал ее и бабу Павлину в тетради, что подарила тетя Зина в последнее Петькино посещение Медянки, но тете Зине, видимо, было не до этого.

Почти два месяца пролежала в больнице жена брата и вернулась оттуда, когда на дворе уже была осень. Худая, «прозрачная», как заметил Петькин отец. Она кое-как уговорила Алешку идти домой. Алешка упирался, возражал:

– Не хочу домой, дома скучно!

– Пойдем, пойдем Алешка, я о тебе соскучилась.

Уж после того, как вмешалась бабушка, Петькина мать, Алешка согласился. А она сказала:

– Как будет тебе скучно, сюда сам придешь или тебя отец с матерью приведут. А сейчас иди с мамой, видишь, как она о тебе соскучилась.

Улучив момент, Петька отыскал рисунок, на котором изображена тетя Зина, и вручил ей:

– Похожа! – удивленно воскликнула она, – спасибо, Петруська!

– А это баба Павлина, – вручая второй рисунок, объявил Петька.

– И баба Павлина похожа, я возьму и дома на стенку повешаю, – разглядывая внимательно оба рисунка и сравнивая их, сказала тетя Зина. Уходя вместе с Алешкой, она еще раз поблагодарила Петькину мать за заботу и сказала «спасибо» Петьке за его рисунки.

Петька ликовал. Хорошая у нас тетя Зина, только бы она больше не болела. Но не сбылись Петькины пожелания. На следующий год, так же ближе к осени, тетя Зина заболела вновь. Ее даже не успели отвезти в больницу, как потеряв сознание, она умерла. Сообщил об этом первым Алешка, прибежавший в береговушку к Степановым:

– Я теперь насовсем у вас жить останусь, у нас мама умерла! – с ликованием объявил Алешка.

– Ты чего плетешь? – строго осудила Шурка.

– Ничего не плету, – огрызнулся Алешка, – меня отец прогнал, иди скажи маме, что Зина скончалась.

– Мама, слышишь, чего Алешка болтает?

– Чего? – испуганно переспросила мать. Узнав такое, мать, накинув платок, убежала в Медянку и вернулась только поздно вечером, когда все Степановы, за исключением Таськи, были в сборе. Но все уже знали эту печальную новость. Так что мать сообщила подробности этого горестного события.

Алешка оказался в семье Степановых равноправным ее членом. К нему, как к «сироте», как называла теперь его Петькина мать, было обращено со сто-

роны степановских детей самое искреннее внимание.

Иной раз приходил Николай, пытался забрать к себе Алешку, но мать всегда возражала:

– Оставь его, ему здесь лучше, приходи сам, навещай его, о нем не беспокойся, – уговаривала мать Николая.

Прошел год с небольшим, и Николай снова женился. Новая жена Николая Катя не понравилась Петьке, была она шумливая и вечно смеялась по всякому пустяку. Привела она в дом к Николаю дочку Валю, чуть помладше Алешки, стеснительную, дикую девчонку. Она тут же укусила Алешке палец, когда он с ней решил познакомиться при посещении новых родственников. Буквально на следующий день Алешка вновь прибежал к Степановым и заявил:

– Не пойду я туда, меня мачеха бьет.

Каждый раз Алешку уговаривали вернуться домой, и каждый раз он сбегал из дома к бабушке и деду.

– Не знаю, что ему еще и надо, – жаловалась новая жена Николая, – я в нем души не чаю... я ему то и это, а он убегает... Мне от соседей не удобно... Орет! Как будто я его бью или еще что с ним делаю.

Петькина мать вздыхала, поглядывая на внука, который был не умыт и ходил в тех же штанишках и в грязной порванной рубашонке, которую она сама сшила для него. Она видела неискренность новой снохи, но ничего не могла поделать, как только снова уговорить внука идти домой к отцу и мачехе.

Но однажды Алешка прибежал в Береговушку с разбитым носом и огромной шишкой на голове и весь в пыли.

– Что с тобой? – спросила Петькина мать.

– Меня новая мама избила, пинала меня. Дальше Алешка сказать ничего не мог, он разрыдался от горя. Мать раздела Алешку, чтобы сменить его одежду, и ужаснулась: внук был весь в синяках.

– Ладно, Алешка, живи у нас, – сказал Петькин отец.

Алешку вымыли в корыте, одели на него всё чистое, а вечером заявилась мачеха и постучалась в окно.

– Алексей случайно не у вас? – спросила она, изобразив на лице плаксивую мину.

– У нас, у нас, где ему еще быть? – ответила мать.

– Пойдем, сынок, домой, я оладушек напекла, специально тебя ждем. Еще не ужинали... Вот и сестренка твоя о тебе соскучилась, – показала тетка Катя на свою принаряженную в новое платье дочь с большим голубым бантом на жидкой косичке.

Алешка, заслышав голос мачехи, когда она стучалась в окно, спрятался за печкой и сидел там, прижавшись в уголок. Он авансом ненавидел сейчас всех, кто бы попробовал снова уговорить его снова идти домой.

– Пойдем, Алёска, тебя папа Коля ждет! Я знаю, ты спрятался! – сказала Валька и добавила, совсем некстати для своей матери, – тебя мама не будет больше бить, а то нас папа Коля выдворит.

– Чего ты городишь? – одернула мать свою дочку, – вот всегда так... Дети есть дети... Беда с ними, чего-нибудь да придумают, – вспыхнув, заметила тетя Катя и снова обратилась к своей дочке:

– Зови вот лучше своего братика, а то он совсем одичал.

– Пойдем, Алёска, у нас дома хорошо стало, мама печку побелила, новые «сторки» повесила и старую картинку с бякой Зинкой в печке «созгла».

– Ладно, вы не ждите Алешку, он у нас пока побудет, – строго сказал Петькин отец и добавил, – пусть сам Николай придет, а там и видно будет.

– Вам виднее, – вспыхнув снова, ответила Катя и, подхватив дочку Вальку, вышла из дома.

– Выходи, Алешка, хватит прятаться, – крикнул Петькин отец, заглянув за печку.

Сияющий и довольный Алешка вышел из своего укрытия. В первые минуты он боялся, что вдруг его обманут и ему снова придется идти к мачехе. Но постепенно поверил тому, что всё прошло так, как нельзя лучше.

На другой день пришел Николай, Алешку он не уговаривал идти домой, а только, поговорив с отцом, сказал сыну на прощание:

– Смотри, не шали тут. Слушайся старших.

С того дня Алешка жил вместе с Петькой и Васькой и считал себя их родным братом. Да и Петька, и Васька считали его самым близким и родным. Особенно Алешка нравился Петьке, так как был очень похож на свою мать Зину, которую Петька любил по-настоящему, самой бескорыстной любовью. Иногда Петька рисовал Алешку и удивлялся, как были похожи его глаза на Зинины, такие же голубые, большие и доверчивые. И Алешкина улыбка была точь-в-точь, как у Зины.

ГЛАВА 6
ВОДА НЕ СТРАШНА

Пять лет исполнилось Петьке, шестой пошел. А это, как говорит Петькина мать, «не баран чихнул». За эти годы Петька многому научился: дрова пилить (конечно, с кем-нибудь со взрослым), во дворе, в доме подмести, посуду помыть, в огороде борозды прополоть, сходить в магазин за солью или за чем-нибудь другим «из мелкого». Да многим другим делам научился Петька, всего не перечтешь. Не считая даже того, что он мог проскакать на одной ноге с верхнего порядка улицы на нижний. И еще... но об этом потом.

Вот чем не мог похвастаться Петька, так это умением плавать. И не потому, что плавать ему не хотелось. Наоборот, Петька днем и ночью мечтал научиться пла-

вать, но с тех пор, как однажды он нырнул по своей малолетней глупости с «рубашного» плотика и чуть не утонул, Петька боялся воды. Сколько раз он пытался побороть этот страх, но никакого толку не получалось.

Но однажды отважился, пересилил этот страх. А началось это с пуговицы, да... да, именно с пуговицы, которую Петька мог пришить к своим штанам запросто. Правда в этом деле, как говорила мать, у Петьки иной раз получалась «заковыка». А это значит, непослушная иголка совалась не в дырочку пуговицы, а лезла рядом через край. В этих случаях Петька пытался вернуть упрямую иголку обратно, но она опять лезла рядом. В конце концов, пуговица, пришитая Петькой через край, противно кособочилась. Мать советовала отпороть ее и начать всё «с изнова». «Хорошо матери, она никуда не торопится, – думал Петька. – А какого ему, если он так спешит».

Вот и сегодня, как назло, у Петьки опять «заковыка», и мать советует отрезать скособоченную пуговицу, но Петька сопротивляется.

– Я и так целый день вожусь с ней, а меня уже два часа «битых» ребята на улице ждут.

– Ну, как хочешь, иди, мучайся!

Петька, конечно, согласен с матерью, пуговицу надо перешить. Но ребята, как назло, торопили его – заглядывали в окна. «Ладно, с пуговицей подождет», – подумал Петька и крикнул ребятам:

– Иду, иду!

Петька в тот же миг присоединился к своей компании, играющей в «чижика». Всё было бы хорошо, даже и то, что с первых минут появления на улице ему пришлось «галить». Но вот противная пуговица портила ему «всю жизнь», ежеминутно расстегиваясь. Петька был вынужден придерживать свои штаны, чтобы они не свалились. Тут еще Гуска вместе со всеми играет. Неудобно, все-таки девчонка!

Промучившись некоторое время, Петька вынужден был вернуться домой и довести пришивание пуговицы до победного конца!

– Давай пришью, – предложила мать.

– Я сам, не маленький!

– Ну-ну, давай сам.

На этот раз у Петьки получилось всё, как следует: пуговица пришита суровой ниткой намертво!

– Больше не расстегнется, хоть убей! – сделав такое заключение, Петька подумал: «А что, если... и в другом деле так же взяться да и постараться!»

И уже никуда не торопясь, вышел на улицу доигрывать начатую игру.

На улице совсем разжарило. А солнце еще шибче жжет плечи, облупленные носы, щеки. Душно и жарко – не до игры.

– Пошли, ребята, купаться на пристань! – позвал всех и, конечно, кстати Панко Кропачёв.

Все согласились и побежали на пристань, на ходу снимая рубахи, еще не добежав до поповского переулка. Петька, тяжело вздохнув, тоже помчался следом за ребятами. Из всей компании плавать по-настоящему умели только Панко Кропачёв и Гуска Махонина, да и то, если сказать по правде, «по-собачьи». Остальные умели только «баландаться» да чуть плавать «по дну руками». Такое «плаванье» Петька считал позором, хотя и пользовался им чуть ли не на правах его создателя.

На пристани тоже жарко. Народу полным-полно! Ребятишек и взрослых не сосчитать! Мужики и парни купались в белых и полосатых подштанниках. Бабы и девки купаются в длинных рубахах, и все почему-то страшно визжат и орут: «Тону! Ой, тону!»

Но больше всего здесь ребятишек и девчонок с верхних «Неумойских» улиц. Многие плавают хорошо и бесстрашно, ныряют с «рубашного плота», который Петька возненавидел с тех давних времен.

Вода вдоль берега, взмученная ребячьими пятками, бурлит, кипит, как в котле. Воздух на пристани забит до отказа запахом смолы, водорослей, поднятого со дня ила. Этот особенный и тревожный для Петьки запах воды, который он слышит носом, напоминает ему тот печальный случай, когда он нырнул вот с этого плота и... чуть ли не «поминай, как звали». Но всё равно какая-то неведомая сила тянула его к воде.

Поддавшись общему восторгу, сняв одежонку, Петька забрел в воду до «безопасной отметки» – собственного пупка и сразу же перешел на проверенный, хотя и позорный способ плаванья «по дну руками». «Хорошая штука все-таки вода», – думал Петька, отыскивая кого-нибудь глазами на берегу, кто бы оценил его быстроту и возможности.

Но на Петьку никто не обращал никакого внимания. Тогда Петька, вспомнив про сегодняшний случай с упрямой пуговицей, решил и здесь проявить такую же настойчивость. Преодолев очередную порцию страха, он зашел в воду, минуя узаконенную «отметку» – свой пупок, а затем лег на воду лицом к берегу и, сильно оттолкнувшись о плотное песчаное дно, вытянулся во весь рост – руками вперед и поплыл, используя инерцию от толчка руками. И странно, как ему казалось, он не тонул, вода держала его! На втором и последующих заходах Петька булькал ногами и подгребал под себя воду руками до тех пор, пока они не касались дна. Неожиданно заметив, что он начинает плавать по-настоящему, пусть даже совсем немного и только к берегу, Петька ликовал!

Теперь, чтобы определить результат своих «достижений», еще больше осмелев, Петька заходит в воду и, уверенно оттолкнувшись ногами, плывет вдоль

берега, предварительно заметив «ориентир» – голубую перевернутую лодку. «Получается», – радовался Петька, увидев, как лодка-ориентир оказалась далеко позади, когда он проплыл самостоятельно это путь.

А вскоре, заметив и оценив Петькино старание, к нему присоединился Петька Журавлёв.

– Получается! – похвастался Петька.

– Все-таки научился?! – позавидовал Журавлёв.

Но возбужденный своими успехами Петька и не подумал разбираться, как сказал ему Журавлёв. Теперь в роли «учителя» показывал, как лучше плавать этим «новым способом».

Журавлёв оказался способным учеником, быстро освоился и тоже был рад своим успехам не меньше своего «учителя». И минут через десять они уже вместе орали во всю глотку:

– Плаваем! Ура! По-настоящему плаваем!

После очередного такого заплыва Петька Степанов предложил:

– Давай замеряем сколько проплыли?

– Как? Чем замерять-то? – удивленно спросил Журавлёв.

– Очень просто, – еле переводя дыхание и утирая глаза от излишней воды, сказал Степанов. – Поплывем от голубой лодки, а как остановимся, выйдем на берег и смеряем шагами, сколько проплыли.

Петька Журавлёв согласился, и они плыли от голубой лодки, стараясь до изнеможения. Затем, выйдя на берег, замеряли шагами проплытое расстояние.

– Одиннадцать шагов! – торжественно объявлял Степанов

– У меня тоже одиннадцать, – неуверенно подтвердил Журавлёв, проплывший всего шагов восемь.

– Ну ты даешь! – только и всего, что успел сказать Степанов своему дружку на такую наглость, как в это время их окликнул Панко Кропачёв, вожак всей компании:

– Пошли, ребята, хватит, набаландались!

Тут не только спор начинать, приходится заканчивать и купание.

Панко у них за главного, его надо слушаться. Без Кропачёва их бы никто из домашних даже на пристань не отпустил. Пашка по годам старше их всех и самый «прогонистый», как говорит Петькина мать. Поэтому, когда Петька просится:

– Можно ли сходить на пристань, помочить от жары голову?

Мать всегда спрашивает:

– А Панко с вами пойдет?

– Пойдет, пойдет, он сам нас приглашает, уверял в этих случаях Петька, сообщая чистую правду. А иной раз Панко сам предлагал идти купаться на любимое место – пристань, не спрашиваясь никого, как было и на этот раз.

И только сейчас Петька понял, что накупался он сегодня «досыта» – в глазах белесый туман, в ногах и во всем теле холодная дрожь. Надо поскорей одеваться, но рукава рубахи и штаны завязаны на крепкие узлы, которые Петька развязал с великим трудом, да и то, только у штанов, а у рубахи помогли развязать ребята уже на улице около дома.

На того, кто завязал эти «коварные» узлы, Петька не обижался, да и они были завязаны у всех. Только у Паши Кропачёва на одежде узлов не было. Но Пашка «божился», что его тоже не обошли «пакостники», тоже завязали узлы, да еще с песком.

Но всем было понятно, что это всё равно Пашкина работа, так как он смеялся больше всех. У него от такого веселья даже покраснело лицо, только «оспяные» рябинки оставались белыми – нормальными. Но в сравнении с тем, что сегодня произошло с Петькой, всё казалось пустяком.

Три дня подряд с раннего утра до позднего вечера Петька отрабатывал свой способ плаванья. Он настолько наторел за эти три дня, что ходил кругами, плавал, разворачиваясь, как пароход, вправо и влево, хлестал что есть мочи руками, подражая взрослым, которые плавают «сажонками».

Теперь Петька, одеваясь на берегу, поглядывая на противоположный берег Крутого Лога, мечтал: «Хорошо бы проплыть от пристани до той стороны, как это делает Сашка Ездохин и Пашка Кропачёв».

Вечером, за ужином, в разговоре отца с матерью Петька уловил нечто интересное для себя. Оказывается, отец собирается съездить на лодке на свой покос посмотреть травы. Покос Степановых находился на речке Бражке, которая впадала в верховья Сладинского пруда. Покос Петька знал довольно прилично, так как бывал там уже два раза: один раз с отцом, а другой раз со старшим братом Николаем. Конечно, сейчас Петьку интересовал не покос, хотя и это было тоже для него интересным, а больше того – возможность прокатится вместе с отцом на лодке «душегубке» туда и обратно. Ехать на лодке – одно удовольствие! Отец сильный, гребет двухлопастным веслом быстро-быстро! По сторонам только мелькают кусты, лес и всё «такое остальное». Одним словом, ехать Петьке на покос нужно обязательно.

– Папка, возьми меня завтра с собой! Я тоже траву хочу посмотреть.

– Я не против, Петруська, но ведь надо рано вставать, да и комаров там полным-полно.

– Я встану, мне рано вставать – один пустяк. А от комаров у нас на покосе в балагане дымарь. Я знаю, где его Коля спрятал.

– Не знаю, что и делать с тобой. Мне еще надо пару липок срубить на лубки да поставить на мочало.

– Я тебе помогать буду.

Отец переговорил с матерью и объявил:

– Ладно, готовься! Завтра разбужу!

Отец сдержал свое слово: утром разбудил Петьку. А Петьке собраться – раз плюнуть: р-раз – штаны на нем, два – рубаха и Манькина панама на голове, т-т-три – деревянное ружье на мочальной веревочке за плечами висит. «Вдруг волки!» Правда, отец возражает: «Зачем ружье берешь, сезон не охотничий». Петька заверяет отца, что стрелять он не будет. А ружье так, для «острастки».

– Ладно, – соглашается он.

Отец берет с собой длинную удочку, сумку с крючьями на щуку, широкий плотницкий топор, двухлопастное длинное весло и всё это несет к лодке.

Петька тоже волокет тяжелую корзину с «провизией» и со всем необходимым, останавливаясь раза три на тропе к берегу. Мать всё сама уложила, ничего не забыла: булку хлеба, соли и лаврового листа в банку из-под «фамильного» чая, две большие картофелины, большой пучок зеленого лука-ботуна, две ложки, две кружки, нож, берестяной бурачок для воды и котелок для варки ухи, и два куриных яйца, завернутые в тряпицу.

Наконец, всё уложено в лодку на свои места. По совету отца Петька устроился в носке лицом вперед. Отец, оттолкнув лодку, ловко уселся на высоком ящике, который специально сделан для сиденья и хранения всего необходимого. Чуть покачнувшись, «долбленка» отчалила от берега.

Вода в пруду тихая, спокойная – не шелохнется. Лодка плывет легко, ходко, равномерно покачиваясь, прямо на Махонин мыс. Петьке немного страшновато. Ему кажется, что по водной шири он плывет на этой «вертячей» долбленке один-одинешенек, поэтому оглядывается, чтоб удостовериться: «Тут ли отец?» Отец, конечно же, тут, куда ему деваться. Он смотрит спокойно, далеко вперед, размашисто загребает то справа, то слева. Лодка идет легко и послушно.

Петька, совсем успокоившись, смотрит тоже вперед, а то и по сторонам. Ему кажется, плывет не их лодка, а берега плывут. Это потому, что Петька не видит волн от их лодки, которые остаются позади. Вот они миновали Масленников мыс. Плывут уже к следующему Махонину мысу. На пруду всё еще тишь да гладь, не видно ни одной лодки, ни одного рыбака. Только со стороны Пихтового увала, за Махониным мысом, слышен какой-то равномерно-монотонный шум, который постепенно нарастает.

Петька хочет спросить отца, что это за шум, но он, не дожидаясь Петькиного вопроса, сообщает:

– Пароход с баркой идет, Петруська. Кварц для мартена везут.

Теперь Петька понял, откуда был такой шум, а вскоре увидел и сам пароход, плывущий под противоположным берегом. Пароход красивый, нарядный и большой. Он покрашен белой краской с красными полосами вдоль бортов. Кабина для механика (начальника парохода) тоже белая. А высокая труба, из которой идет густой черный дым, покрашена черной краской.

У самого Махонина мыса лодку сильно закачало. Отец командует:

– Спокойно сиди, Петруська, не ворочайся.

С этими словами отец поставил лодку поперек волн. Он не гребет, а только слегка касаясь веслом воды, держит лодку в одном направлении. Пароход идет совсем близко и волокет за собой огромную баржу, глубоко осевшую от тяжелого груза. Лодка, привязанная к корме этой баржи, кажется Петьке совсем игрушечной, не настоящей.

От парохода идут высокие волны, которые похожи на длинные усы. На этих усах лодку сильно качает. С парохода кто-то, высунувшись из белой кабины, машет отцу кепкой и кричит:

– Здорово, Ильич!

Отец, сняв фуражку, тоже машет и отвечает:

– Доброго утра, Никанорыч!

С парохода еще что-то кричат, но Петька уже не услышал, потому что на пароходе шум, лязг и громкое шлепанье больших колес сбоку заглушали голоса.

Петька, на какое-то время устрашенный этой внезапной качкой, совсем успокоился. Он уже ликовал оттого, на пароходе видели, как их сильно качало на волнах и что они вместе с отцом такие бесстрашные. И еще Петька ликовал от того, что на пароходе знают отца и, стало быть, догадываются, что вместе в ним он – Петька... А механика парохода Никанорыча Петька знает, только не знает, почему у него такое странное прозвище «крот»? Сына у Никанорыча зовут Яшка. Петька тоже его знает, он на соседней улице живет. Яшку тоже «кротом» обзывают некоторые ребята, а Петька зовет просто Яшка.

За поворотом Махонина мыса опять тихо, спокойно. Справа высокий сосновый бор, называемый просто мысом. Высокие стройные сосны отражаются в воде, как в зеркале. Только круговые всплески крупных рыбин немного нарушают эту гладь.

От напряжения и сидения в одном положении у Петьки заныла спина, и он заворочался, устраиваясь поудобнее.

– Петруська, ты расстели язям-то и ляг, так удобнее тебе будет.

Петька расстелил на дне лодки брезентовый язям и, придвинув ближе к себе отцовскую удочку, стал мысленно рыбачить. Вот он уже таскает этой большой удочкой крупных окуней и щук. Одного, второго, пятого окуня, две щуки! Потом Петька, зажмурив глаза, представляет удивленное лицо матери: «Неужели это всё ты наловил?» – спрашивает она. Петька не торопится отвечать, ждет, когда отец сам

скажет матери: «Да кто же, как не Петруська наловил столько рыбы! Не Яшка же «крот». Петруська доволен, улыбается...

Лодка, легонько прошуршав боками об осоку, сунулась легким толчком в берег.

– Приехали, – неожиданно сообщил отец.

– Что, уже? – удивился Петька, пытаясь выскочить из лодки.

– Погоди, Петруська, тут вязко. Я втащу немного лодку, ты сиди.

Отец в сапогах с высоким голенищем вышагнул из лодки и втащил ее на берег рядом с такой же чужой долбленкой.

– Данилыч рыбачить приехал, – сообщил отец, мельком взглянув на эту чужую лодку, – а вот и он сам легок на помине.

Петька посмотрел в сторону, куда смотрел отец, и тоже увидел Федора Данилыча, а, вернее, огромный ворох березовых веток, двигающийся к берегу.

Данилыч, сбросив в свою лодку березовые ветки, поздоровался:

– Здорово, страдовальщики! Я давно вас заметил. Приезжал травушку поглядеть да вот веников наломать, старуха наказала.

– Ну как нынче травушка? – спросил отец.

– Пожалуй, получше, чем в прошлом году, – ответил Данилыч, а затем, похлопав Петьку по плечу, шутливо спросил, – А что ты, не страдовать ли?

– Да, тоже травушку поглядеть. Попутно хотим вот лыка надрать на мочало, две липы на поляне зря торчат, – ответил отец и добавил, как показалось Петьке совсем не серьезно, – да вот Петруська еще хочет крючьев на щуку поставить. Авось какая-нибудь дурочка и клюнет.

– Щука должна клюнуть, только вы зря время не теряйте: рыбы я вам дам, мне сегодня хорошо подфартило!

С этими словами Данилыч откинул «защитку» и показал свой улов.

– Хорошая рыбка! – похвалил отец.

– Давайте вашу посуду, на уху дам.

– Не надо, Данилыч, мы как-нибудь сами.

– Это еще неизвестно, поймаете или нет. Давай, Петруська, котелок тащи!

– Тогда, Данилыч, дай нам лучше с десяток мелочи на насадку, а крупных мы сами.

– Дам и мелочи, не жалко, чего там... Она у меня еще, кажется, живая: недавно поймал.

Отец зачерпнул в котелок воды и опустил в него несколько сорожек. Рыбешки, зевая ртами, зашевелились. А Данилыч, выбрав несколько крупных окуней, бросил их в лодку Степановых и отчалил от берега.

– Петруська, подожди тут, пока я крючья поставлю, потом на покос к балагану пойдем.

Продвигаясь на лодке вдоль берега, густо заросшего пестовником и осокой, отец одновременно ставил снасть на щуку.

Поставив крючья, отец подплыл к берегу, втащил лодку далеко на сушу.

– Ну, вот и мы поставили свою снасть. А теперь, Петруська, пойдем к своему балагану. Иди за мной след в след, чтобы траву зря не мять, – забрав всю ношу, наказал отец.

Петька взял из лодки свое «ружье» и пошел за отцом.

Шаг у отца широкий, и чтобы попасть «след в след», Петруське пришлось прыгать.

– Ты чего скачешь, как козел? – спросил отец, обернувшись

– След в след делаю.

– Ладно уж, иди так, только в стороны и вперед не забегай, тут уже нахожено.

Петька шел за отцом, еле поспевая, и всё оглядывался по сторонам, отыскивая старых знакомых: «Вон сосна, сучковатая, коренастая, что выросла на краю елани, стоит себе и Петьку не узнает. Да ты что? Это ведь я – Петка! «А! – отвечает Сосна, – я сразу тебя и не признала. Ты вон какой большой стал!» – «А как же, я плавать научился!» – похвастался Петька перед старой Сосной.

А вот и Липа с большим дуплом. Интересно. Есть ли нынче в этом дупле гнездо или нет? «Есть, есть! – отвечает старая Липа. – Только ты не подходи близко, а то синичку можешь спугнуть!» – «А я и не собираюсь подходить, – мысленно отвечает Петька, – я уже не маленький, мне шестой пошел!» А вот и кривая береза! Там наш покос начинается... напротив березы кедр, а под кедром родничок... Отец его «ключиком» называет. Это для Петьки немного странно, так как ключиком отец открывает свой столик, где он хранит документы, и на тебе! Здесь... в лесу! Тоже ключик... смешно.

– Ну, вот и пришли, Петруська! – объявляет отец.

Петька совершено не удивился, так как и сам увидел, что они пришли на свой покос к балагану.

Шалаш, или как называл его отец «балаган», стоял на своем месте. Около кострища наросла высокая трава.

Отец снял с елки спрятанную еще в прошлом году косу, подколотил ее, подправил, поточил специальными брусками и подкосил около балагана, затем повесил косу на прежнее место, на елку.

– Так лучше будет, просторнее.

Поправив вешало над кострищем и поставив корзину в шалаш, отец расстелил язям и предложил Петьке отдохнуть с дороги.

– Я не устал, папка. Давай лучше по воду схожу.

– Сходи, – охотно согласился отец, – а ты не забыл, где ключик-то?

– Вон у кедра, куда ему деться! – серьезно ответил Петька, – вытащив из корзинки берестяной бурак.

Петька деловито, по-хозяйски, открыл крышку, понюхал в бураке. Из него пахнуло квасом и ягодами. Оставшись до-

вольным, отправился к знакомому ключику.

Старая тропка к кедру заросла новой травой и была еле заметной. Чуть, было, не сбившись с нее, Петька стал ориентироваться на старый кедр, который был виден сравнительно хорошо сквозь высокую траву.

Здесь, около ключика, было прохладно и приятно, поэтому Петьке не хотелось торопиться. Зачерпнув воды и закрыв крышку бурака, Петька решил посидеть, отдохнуть на толстом шершавом корне кедра, но не тут-то было. Сразу же, как только он уместился на этом лесном «стуле», на него набросились злющие и голодные комары. Их было так много, что Петька решил не связываться с ними, а идти скорее к балагану.

– Попей, папка, свеженькой! – предложил Петька, подавая бурак отцу.

– А сам-то что, не хочешь?

– Я там, у ключика, напился, холодная, зубы ломит.

– Давай, немного хлебну.

Отец отпил несколько глотков, а Петька смотрел в это время, как отцовский небритый «кадык» передвигался в такт каждого глотка.

– Не пей много, еще заболеешь, – посоветовал Петька.

– Пожалуй, ты прав, вода холодная. Дважды-два простуду прихватить, – согласился отец.

Бережно закрыв крышку бурака, отец поставил его в тень, во внутрь шалаша, и неожиданно спросил Петьку:

– Ты, наверно, спать хочешь? Вон как глазами хлопаешь.

Петьке действительно вдруг захотелось прилечь, отдохнуть, но только не спать, и он ответил, немного подумав:

– Спать я не буду, но немного отдохну, – но, видимо, решив, что ответ у него получился неубедительным, добавил, – дома высплюсь, на то и ночь бывает.

– Ладно, – согласился отец с Петькиными доводами. Затем разостлал язям в балагане, – ты отдохни, а я схожу, липы уберу с елани. Они старые, только свет загораживают, и трава под ними плохо растет. Молодняк оставлю, пусть поднимается.

Петьке страшно хотелось посмотреть, как отец будет «убирать» старые липы, как будет снимать с них лубки, но глаза, как назло, слипались, ноги становились тяжелыми и чужими, и он невнятно пробормотал:

– Я... потом...

Отец, взяв топор, ушел на большую елань покоса. Петька, было, приободрился, слушая удаляющееся шуршанье о траву отцовских сапог, снял с сучка свое деревянное ружье и для острастки «пострелял» в воображаемых волков. А когда сапоги совсем стихли и раздались глуховатые удары топора, Петька перевел огонь своего ружья, ставшего к этому времени ручным трофейным пулеметом, по ворвавшимся к ним на покос белогвардейцам.

– Просыпайся, Петруська, уха закипает!

Петька проснулся и удивился тому, что белые, гладкие обрубки стволов липы уже стояли приваленные к внешней стороне балагана, издавая приятный запах свежего дерева и липового сока, а в висевшем над костром котелке кипела уха. Окуни с побелевшими от взвара глазами, обмываемые белой дымящейся пеной, чуть шевелили вареными хвостами. Отец разбил, как положено, два яйца, слил в одну из кружек, чуть добавив холодной воды, тщательно размешал содержимое кружки, затем тонкой струей, одновременно помешивая уху, влил эту болтушку в кипящий котелок. Затем расстелил теперь уже освободившийся язям недалеко от костра, нарезал хлеба, разложил ложки, зеленый лук. Попробовав уху на соль, и, видимо, оставшись довольным варевом, снял с вешала котелок, поставив его рядом с разостланным язямом – прямо на землю. Затем, мелко нарезав лукового пера, щедро бросил его в котелок.

Запах ухи, свеженарезанного хлеба и зеленого лука по-особенному поразил Петьку. И не потому что в этот момент ему здорово хотелось есть, нет, совсем было другое. Так вкусно еще никогда в его жизни не пахла любая еда! Только единственное, что смущало его, так это котелок – такой большой и только на двоих!

Но Петькины опасения были напрасны – сначала уха, а затем и Данилычевы окуни были съедены ими до последнего хвоста! «Только косточки остались!» – удивившись, подумал Петька.

– Наелся? – спросил отец.

Петька удивился такому вопросу. Ему казалось, что всё было настолько понятно, что и спрашивать не надо, но он ответил:

– До отвала! – сказал и погладил свое «пузо», – а я-то думал нам ни за что не съесть всю уху!

– В лесу всегда так. Вроде не хочешь, а как начнешь зевать – не успевают подавать, в лес идешь на день, а хлеба бери на неделю. Вот так-то... Собрав рыбьи кости, очистки и бросив их в костер, отец извлек из шалаша приготовленный заранее порядочный липовый прут. Прикинул на глаз, что из него получится и начал быстро резать острым ножом, отделяя, срезая всё лишнее. Затем, надрезав кору и вкруговую постучав по ней черешком ножа, ловко снял трубочку. Затем отрезав белую гладкую чурочку, чуть стеснул с ее боку полоску и вставил обратно эту пробочку в трубку до сделанной заранее на коре зарубки. Затем он еще срезал такую же пробочку, только чуть подлиннее и вставил с другого конца трубки. И... к удивлению Петьки, свисток был готов!

– На, попробуй! – предложил отец.

– Петька с замиранием сердца, следивший за отцовской работой, взял свисток из рук отца

и, прикоснувшись губами, легонько подул. И вдруг только что сделанная дудка, пять минут тому назад бывшая обыкновенным липовым прутом, издала такой нежный и чистый, как этот покосный воздух, звук.

Петька подул сильнее, и дудка его послушно загудела на весь покос.

Потом отец сделал еще три «дуделки», «по две штуки на брата», как сказал он. А это значит, что ему, Петьке, две дуделки и две дуделки Васютке.

Потом отец сходил до ключика, набрал свежей воды:

– Отвезем домой, пусть наши покосной воды попьют.

Собрав все в корзину, он сказал Петьке:

– Пошли, Петруська, к лодке, домой пора.

– А лыко мочить когда? – спросил Петька.

– Лыко на месте.

Когда они подошли к берегу, Петька удивился. Оказывается, пока он «отдыхал» в балагане, а если сказать по правде, спал, отец всё приготовил, как следует.

Лыко, зажатое под крестовины кольев специальными перекладинами, уже намокало, погруженное на самое дно.

Уложив всё в лодку и усадив Петьку в носок долбленки, отец отчалил от берега.

– Посмотрим, Петруська, что попало нам с тобой на крючья, – подмигнув хитро, сказал отец.

Подъехав к одному из шестиков, отец привстал на лодке, сматывая шнур и, видимо, почувствовав щуку, слегка поддернул шнур, а затем стал не торопясь подтягивать упирающуюся щуку к лодке.

Петька замер, ожидая, что произойдет дальше. А дальше всё было просто. Петька не успел и глазом моргнуть, как щука оказалась в лодке. Отец взял ее сильными руками поперек туловища и надломил хребет.

– Теперь не уйдет, наша! – спокойно сказал отец.

– Большая! – удивился Петька. Глянув на зевающую щуку.

– Фунтов на восемь будет.

На следующем крюке также оказалась щука, только значительно меньше размером.

– Щуренок, фунта на три, – предположил отец.

На следующих крючьях насадка была не тронута.

– Здесь, видимо, тоже ничего нет, – подъезжая к очередному шесту, косо воткнутому в илистое дно, сказал отец, перебирая ослабевший шнур, тянущий куда-то в сторону под носок лодки. Но вдруг, видимо, почувствовав тяжесть, слегка поддернул шнур и неожиданно сказал Петьке:

– На, попробуй, вытяни! Только осторожно, из лодки не выпади!

Петька взял из рук отца мокрый шнур и стал его подтягивать к себе, перебирая руками, как это делал отец, и тут же почувствовал упругую, живую тяжесть.

Петька было вскочил на ноги, но отец тут же осадил его:

– Не вставай! Делай всё сидя и спокойно, а то из лодки вылетишь!

– Щука, – с замиранием сердца прошептал Петька.

Неведомая рыбина упиралась, ходила то вправо, то влево и, наконец, выскочив из воды у самой лодки, шлепнулась и ушла в глубь.

– Сорвалась! Ушла! – бросив шнур, ревом заревел Петька.

Нижняя губа его задрожала, а слезы сами собой полились из его глаз ручьями.

– Ты чего, Петруська, так расстроился? Потяни-ка ещё, может не ушла, – посоветовал отец.

– Я же видел, как она сорвалась! – еле выговаривал Петька, расстроенный до предела, и нехотя стал перебирать брошенный шнур. И вдруг снова почувствовал знакомую живую тяжесть.

Быстро, с неожиданной для него самого ловкостью, он вытащил из воды и бросил в лодку уже слабеющего окуня!

– Да это же окунь! – обрадованно крикнул Петька. – Какой большой!

– Большой, Петруська, большой! Фунта на два, не меньше потянет. Вот, а ты говорил, ушла... Никуда бы он от тебя не ушел, вон как заглотил, – отцепляя окуня, повторял отец. – Ишь, ты, хотел от рыбака уйти! Нет, дружок, у нас не сорвешься.

Еще на одном крюке было пусто. И только на последнем, десятом крюке оказалась еще щука. Она была намного больше первой, и поэтому отцу пришлось долго повозится с ней, чтобы, в конце концов, она оказалась в лодке. Аккуратно смотав шнур на деревянные мотыльки и положив их в самый конец лодки для просушки, отец сказал:

– Поплыли домой, Петруська! Хорошо мы с тобой порыбачили, лучше не надо!

– Хорошо! – охотно согласился Петька, – мама обрадуется.

Петька тут же вспомнил про большого окуня, которого он изловил. Мама, наверно, спросит: «А кто окуня-то поймал?» А отец обязательно ответит: «Петруська поймал, я щук ловил» А вдруг отец скажет: «Твой Петруська сегодня опростоволосился, окуня чуть упустил, заревел, как Зорька, так что губа задрожала». Представив такое, Петька ужаснулся, но подумал: «Нет, не скажет этого отец, потому что окуня я все-таки поймал! А если поревел немного, так это всё пустяк... с кем не бывает! Вот, например, у тетки Фелинсаты курица под колесо попала, а она ревела: «Ой, курицу задавили! По курице, окаянные, проехали!» Думала, пропадет курица, а ей хоть бы что! Просто перепугалась, свалилась на полянку и глаза закрыла, как мертвая, а потом, как только тетка Фелинсата перестала голосить, курица глаза открыла, встала и пошла, только чуть прихрамывая. Тетка зря ревела, стыдно ей, наверно,

было. Вспомнив про бедную соседку – тетку Фелинсату, Петька успокоился. «Не скажет отец, как я нюни распустил, не должен».

Обратная дорога с покоса была для Петьки не менее интересной, чем на покос. Берега теперь смотрелись совсем по-иному. Мыс и лес сосновый, когда ехали туда, был справа, а Нелобское устье – слева, а теперь всё наоборот. Как узнать, какая сторона правая, а какая левая? Это для Петьки пустяк, а не вопрос. Правая рука – это та, которая ложку держит. Это Петька знает давным-давно.

– Парит, Петруська! Дождь будет! – прервал Петькины размышления отец.

Петька оглядел небо со всех сторон и, не увидев ни одного облачка, сказал:

– Откуда ему взяться, туч-то нет?

– Нет, так будут, – добродушно заметил отец, слегка увеличив темп и силу гребков.

Вспомнив про дождь, Петька продолжал свои размышления: «Хорошо бы сейчас пошел дождь! Такой сильный-сильный, а их с отцом вымочило, как следует... Они бы приехали домой на своей долбленке, а на берегу Манька, мама с Васюткой и все наши ребята. Мать обязательно бы сказала: «Выбрали времечко, когда траву смотреть, вон как вымокли, сухой нитки на вас нет!» А потом бы мать увидела щук и окуня, которых они поймали, удивилась бы и тогда по-другому сказала: «А я думала, вы зря только время провели». А ребятам бы я рассказал, как окуня на пять фунтов поймал. Отец говорит, что на два, но он ошибается, окунь тяжелее, на все пять потянет. Панко бы от зависти чуть не лопнул! А то он всё время зазнается, как ребята про рыбалку начнут говорить. Помнишь, Алешка, как я фунтового окуня на пристани поймал? Алешка еще глупый, потому что совсем маленький, ничего толком не понимает, хотя и говорит: «Помню, помню, Паска!»

Вспомнив про гуделки и про младшего брата Васютку, Петька подумал: «Надо пока не поздно выбрать себе две лучшие гуделки, а то потом беды не оберешься». Петька вытащил их из-за пазухи и поочередно попробовал на звук. Делал он это с такой тщательностью, как будто решал очень важную задачу. Наконец, выбрав себе две положенные гуделки, тщательно начертил на них ногтем довольно заметные черточки: «Это будут мои, а это – Васюткины». Оставшись довольным таким разделом, Петька уже хотел перейти к каким-нибудь другим важным размышлениям. Но, вспомнив лицо младшего брата, представив его улыбающегося и обрадованного свистульками, сразу передумал: «Нет, пусть Васютка выберет себе свистульки сам, какие хочет». А если ему понравится, пусть три берет! Он еще маленький, ему надо!» Петька погудел еще немного во все четыре гуделки, перепробовал на звук и положил их в самый носок лодки, там, где лежала отцовская снасть на щуку.

Зной и тишина. На вожде ни одного рыбьего всплеска. Пруд, как зеркало, тихо отражает берега, голубое белесое небо. Где-то там, за покосом, за далеким лесом, ставшим от отдаления голубовато-мглистым, чуть гремит. Петька, повернувшись к отцу, вопросительно смотрит не него и спрашивает:

– Папка, что это?

– Гром, гроза за нами идет, надо поторапливаться.

– Успеем до дома-то?

– Нет, Петруська, до дома не успеть. Перед Махониным мысом повернем на берег. Там переждем грозу.

И только теперь Петруська увидел, что они плывут не посредине, как это было несколько минут назад, а двигаются к берегу и притом очень быстро. Так Петька еще ни разу не ездил быстро на лодке.

Услышав очередной, довольно внушительный звук грома, Петька оглянулся назад и увидел над тем местом, где был лес и их покос, высоко в небе горбатое, большое, сизое облако. Вершина этого облака, освещенная полуденным солнцем, была ослепительно белой, а средина и низ его сливались с дальним лесом в одно бесформенное фиолетово-синее пятно.

Отец тоже оглянулся и, как показалось Петьке, даже немного успокоился и стал чуть тише грести.

– Значит, успеем! – подумал Петька, отец знает, что делает.

И он решил больше не оглядываться.

Но лодка, не доплыв еще до Махонина мыса, круто повернула налево. Ветер, порывистый, резкий, рассыпал по водной глади полосы серебристой ряби, затем эти полосы слились в одно тревожное месиво всё увеличивающихся волн. Лодку сносило, и отец греб, низко наклонившись, уже только с одной правой стороны.

Петька тоже наклонился, прижавшись ко дну лодки. И вдруг стало совсем темно, как поздним вечером. Петька посмотрел на небо и увидел огромную, темную тучу, закрывшую половину неба. И в это же мгновение, сверкнув яркой малиново-красной молнией, оглушил сильный раскатистый гром. Треск его был настолько громким, что у Петьки заложило на какое-то мгновение уши. Он увидел, что отец шевелил губами, значит, говорил о чем-то, а Петька не слышал. Ему стало страшно. Но постепенно слух его восстанавливался, и он уже услышал, что говорит отец:

– А вот мы и подъезжаем. Нас не возьмешь на пушку! Не возьмешь!

Причалив к берегу, отец быстро вытащил лодку вместе с Петруськой далеко на берег ближе к ольховым кустам. Петька выпрыгнул из долбленки, как заяц. Выгрузив ящик и сложив

в него всё, что можно, а затем, перевернув лодку вверх дном, отец сунул Петьку под лодку и забрался под нее сам.

– Прижимайся плотнее, сейчас дождь пойдет!

Петька прижался к отцу, прислушиваясь к свистящему ветру, к приближающейся грозе. Крупные капли дождя, вначале редкие, а затем всё более учащенные, стучали по дну лодки. Лес, видимый отсюда, на противоположном берегу шумел и качался на упругом ветру. Несколько раз вспыхнула молния, и треск грома раскатывался по лесу. Плотная завеса дождя закрыла всё, что видел Петька, находясь в этом укрытии. Теперь уже тяжелые градины зло стучали по дну лодки, пытаясь раскрошить ее в щепки. Крупные градины, похожие на белых зайцев, прыгали у самой лодки, а некоторые заскакивали, видимо, из любопытства прямо под лодку. Петька брал их в руки, пробовал на вкус, они холодные, пахли зимой и небом. А Петьке совсем не было страшно, так как за спиной был отец, а их долбленка оказалось крепкой-крепкой. Никакой град ей не страшен. Ветер понемногу начал стихать, а потом совсем перестал шуметь, дождь прекратился. И неожиданно появилось солнце.

– Всё, Петруська, отгремело! Давай вылезать!

Перевернув лодку и уложив все пожитки, отец столкнул ее по мокрой траве. Она легко скользнула и оказалась на воде. Сев в лодку, Петька осмотрелся. Туча уже ушла далеко. Да и это уже была не туча, как заметил Петька, а всего-навсего клочья от нее, да и те растерялись, не зная, что им дальше делать. После грозы дышалось легко-легко!

А лодка, повернув за Махонин мыс, уже плыла к родному Петькиному берегу. Хотя было уже далеко за полдень, но солнце вновь жгло немилосердно.

– Парит! К ночи опять дождь будет.

Петька уже не возражал. Он знал: раз говорит отец, значит, так и будет. Но все-таки спросил:

– Успеем до дому-то до грозы?

– Успеем! – утвердительно ответил отец.

Миновав Масленников мыс, а затем и Долгий лог лодка приближалась к дому. Совсем неожиданно отец спросил Петьку:

– А ты, Петруська, плавать умеешь?

Петька, обрадованный такому вопросу, не задумываясь, ответил:

– Умею! Да еще как! Не хуже Сашки Ездохина.

– А отсюда до самого берега доплывешь?

Петька критически оглядел пространство, что отделяло их от берега, уже сдержанно ответил:

– Пожалуй, доплыву!

– Ну, ты хватил! Даже мне, пожалуй, отсюда до берега не доплыть. Тут с полверсты будет.

– Да, папка, я тут «хватил», – согласился Петька.

Между тем лодка плыла, приближаясь к берегу.

– Ну, а отсюда? – снова задал коварный вопрос отец.

Петька, чуть привстав и держась за борт лодки, смело ответил:

– Отсюда доплыву, это раз плюнуть!

Отец почти полностью погрузил весло так, что только торчала из воды лопасть или «перо», как называл его отец и, воткнув в податливое дно, спокойно сказал:

– Что ж, снимай штаны и рубаху, плыви, а я следом за тобой. Посмотрю, как ты плаваешь.

Петька посмотрел на отца, определяя, шутит он или говорит правду?

Но отец был почти серьезен, только чуть-чуть улыбался. Это успокоило Петьку, и он разделся.

Только ты сразу не ныряй. Держись вот за весло и за борт лодки. Осторожно опустись в воду и плыви. Понял?

– Понял, – не совсем уверенно ответил Петька, держась за борт лодки, осторожно сползал в воду, кое-как преодолевая страх.

– Ну чего ты уцепился, вон, даже пальцы побелели. Давай плыви, плыви! – командовал отец.

Наконец, Петька разжал пальцы, отцепился от лодки и, погрузившись в воду, торопливо заработал руками и ногами, поглядывая на отца расширенными глазами. Булькаясь около лодки, он не плыл, а только держался на воде, притом на одном месте, совершенно не передвигаясь.

– Не бойся, плыви к берегу, – спокойно говорил отец, как будто всё, что сейчас происходит с Петькой, было самым простым и обычным делом.

Спокойствие отца в его родном голосе передавалось Петьке. Вспомнив, как он вчера, не касаясь дна, проплыл на пристани такую уйму шагов, Петка поплыл к берегу.

Отец, выдернув из вязкого дна весло, поплыл рядом с Петькой чуть в стороне и подбадривал его:

– Молодец! Плыви, не оглядывайся, – поучал и похваливал Петьку.

Присутствие рядом лодки, в которой плыл отец, его спокойствие и неторопливый голос умножали Петькины силы, и он плыл к своему родному и очень знакомому берегу. Туда, где стояла старая черемуха и стройные цветущие рябинки... Тревога и боязнь воды, столько терзавшие Петьку, исчезали в нем навсегда.

– Хорошо плывешь! Немного потише, а то я не успеваю за тобой, – подбадривая, хитрил отец.

А Петька, хотя он и прислушивался к тому, что говорил отец, но ему начинало казаться, что он уже не нуждается ни в каких наставлениях, так как плывет уверенно и может плыть еще долго-долго... Но вот, совсем неожиданно руки коснулись дна, и ликующий Петька встал на ноги! Он хотел закричать от радости, от этого «великого» успеха, но, поглядев на отца, который уже

втаскивал лодку на берег и, казалось, вовсе не разделял Петькиного восторга, спросил спокойно и деловито:

– Папка, сколько тут сажень будет?

Отец поглядел на водное пространство, как бы прикидывая и измеряя на глаз расстояние, которое проплыл Петька, спокойно и так же деловито ответил:

– Да, сажень сорок, сорок пять будет.

– А если шагами? – уточняя, спросил Петька

– Если шагами, то, наверно, около сотни будет.

– А до той стороны?

– До той далековато... шагов сто пятьдесят.

– Ого-го! Ничего себе!

– Много что ли? – спросил, улыбаясь, отец.

– Порядочно, – сдерживая удивление, ответил Петька. «Видимо, еще рановато на ту строну, – подумал он. – Но если не сейчас, то к концу лета одолею я этот Крутой лог, переплыву на ту сторону».

Поздно вечером у Степановых были пироги со щукой и желанный гость всех Степановых – дедушка Игнатий.

Петька, улучив момент, когда разговор пошел о рыбе, похвастался.

– Дедушка, а я сегодня сам окуня на три с половиной фунта поймал и проплыл сорок пять сажень «с гаком» до нашего берега!

– Да неужели? – удивился дед Игнатий

– Не веришь, так спроси папку.

– Проплыл, проплыл! – подтвердил отец, только на счет окуня прихвастнул малость, два фунта добавил, – засмеялся отец и шутливо заметил, – видимо, рыбак из тебя, Петька, хороший будет!

Петька малость застыдился насчет окуня, но всё равно он был доволен прошедшим днем. Столько проплыть, да еще на самой глуби! Поймать такого окуня! Такое ведь случается не каждый день!

После ужина, под веселое Васюткино гуденье в липовые свистульки, которыми он завладел полностью, Петька уснул мгновенного. И приснился Петьке сон. Плывет он, Петька, «на ту сторону» через Крутой лог, плывет быстро, ходко, а за ним плывет красный с белыми разводами пароход и никак не успевает. А механик Никанорыч, по прозвищу «крот», кричит ему: «Потише, Петька, от тебя волны большие, пароход укачивают». Петька улыбается и плывет чуть потише. А пароход свистит, видно, доволен, что Петька сбавил свой ход.

К концу лета, сначала за лодкой, в которой сидел Петькин отец и легонько греб веслом, Петька проплыл туда и обратно Крутой лог. А после проплывал его самостоятельно в день по несколько раз: «Что ни говори, а вода не страшна».

ГЛАВА 7
ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ ОТЦА

Много было друзей у Петькиного отца, а особенно таких, которые вместе с ним на войне были в Гражданскую.

Как узнал позже Петька, отец был командиром небольшого партизанского отряда. Петька об этом от матери узнал, а потом и сам догадался, когда к отцу его друзья приходили и об этом рассказывали. Отец про себя не любил рассказывать, только когда другие про него начнут вспоминать, уже тогда вставит свое слово, да и то не всегда.

«Патрак»

Разговор о войне начинал давнишний товарищ отца Сутырин Алексей, по прозвищу «Патрак», друживший с отцом еще с детства.

– Помнишь, Ильич, как мы белых из той деревни вытряхнули?

И тут дядя Алеша подробно рассказывал, как это всё произошло, и как Петькин отец первым на своем коне ворвался в этот поселок с криком: «Батальон, за мной!» А их всего в отряде у отца человек двадцать... Отец останавливал дядю Алешу:

– Стой, стой, Сутырин! Откуда ты всё это знаешь? Ведь ты в отряде у меня не был!

– Ну и что, что в обозе? Я от других знаю. А помнишь, как ты меня выручил? – продолжил Патрак, – а то зарубил бы меня беляк, ей Богу, зарубил... Под холмиком ваш Патрак на чужбине бы лежал. Как сейчас помню: беляк на меня с шашкой, хотел зарубить, прет, глаза вылупил, хорошо, ты подоспел, его самого так шарахнул, что только мокрое место осталось!

– А что мне оставалось тогда делать? – ответил, посмеиваясь, отец.

Петька всегда с удовольствием слушал разговор дяди Алеши Сутырина с отцом и удивлялся: «Почему отец сам никогда не рассказывает об этом подробно? Интересно было бы узнать, как там всё у них на войне было», – размышлял Петька.

Петьке очень нравится дядя Сутырин. Он немножко «чудак», как говорил отец, но всё равно хороший, только ростом «подгулял», по сравнению с отцом – не вырос. Так маленьким и остался. Если бы не усы да борода, которую дядя Алеша редко бреет, да еще морщины на лице, то можно подумать, что он совсем еще молоденький. Зато жена у Патрака, Настасья, большая и толстая. Ее поэтому соседки «баржей» зовут. Тетка Настасья очень сильная. Когда Сутырин, отдыхая в огороде, уснет, она его найдет и подмышкой домой унесет, как мешок с овсом. Спит крепко! Но дядя Алеша не злой. Он всегда веселый и песни поет про свою жену: «Ой, Настасья, ты Настасья, отворяй-ка ворота!» Да всякие смешные истории про себя рассказывает, просто обхохочешься. Дядя Алеша охотник и рыбак. Он сам рассказывал, как на охоту ходил за тетеревами,

это птицы такие величиной с курицу. Они в лесу живут и на полях.

– Вышел с ружьем, еще совсем темно было, выбрал место, куда тетерева прилетают, спрятался и сижу: сидел, сидел и уснул, а когда проснулся, то уже и день кончается, домой надо бежать. Прибегаю домой, а Настасья меня спрашивает: «Ну как поохотился?» – «Хорошо, – говорю, – раз десять поддул, а тетерева, как завороженные, сидят себе и всё тут. Я опять прицелился, а они «хоть бы хны». «Эх ты, охотничек, чем ты стрелял-то? Патроны-то дома забыл!» Вот тут я и спохватился. Действительно, патроны-то я дома оставил!

У дяди Алеши и лодка для рыбалки имеется, только старая очень и воду пропускает. Дядя Алеша всё время чинит ее, только толку нет, лодка всё равно пропускает. «Ничего, – говорит дядя Алеша, – рыбачить можно. Отъеду недалеко от берега, сетёшку заброшу, ботну раз, другой и на берег. Не затону! Должен успеть до берега доскыркаться!» Но каждый раз, не доплыв до берега, тонет дядя Алеша на своей лодке. Его рыбаки всё время из воды вытаскивают и посмеиваются: «Ты чего, Сутырин, лодку не починишь, как следует? Ведь так утонешь когда-нибудь!» – «Не беспокойтесь, не утону, тут мелко! Напрасно старались!» – посмеивается дядя Алеша.

А то еще рассказывал про то, как при царском режиме было. Алеша очень бедно жил со своей Настасьей. С работы его, как он говорил, «вытурили» за то, что мастера «хамлом» обругал, а как вытурили – больше не принимали. Тогда дядя Алеша придумал дробь катать и пули из свинца отливать для охотников. Заработок небольшой от такой работы, но все-таки лучше, чем совсем ничего нет. Вот однажды сосед, богатый мужик, говорит дяде Алеше: «Иди ко мне в работники, всё равно без дела болтаешься. Дрова мне перепилишь, переколешь, в поленницу уложишь. А я тебе за работу три рубля дам». Дядя Алеша сходил, посмотрел, работы много, недели на три. Отказался. «Да ты ведь с голоду пропадешь! Может, тебе мало показалось? Хорошо. Я тебе так и быть двугривенный добавлю. Наживайся на мне!» – «Не надо мне твоих денег! У меня своих... куры не клюют!» – «Откуда они у тебя», – посмеивается богатый сосед. «А я ведь и сам отливаю да чеканю по ночам!» – ответил дядя Алеша да ушел домой. «Ага, – подумал богатый сосед, – вот почему ты отказался». Сходил в полицию и заявил об услышанном. Пришел урядник с двумя полицейскими. «Здесь, – говорит, – Алексей Сутырин живет?» – «Здесь, здесь! Проходите, гости дорогие!» – отвечает им дядя Алеша. «Мы к тебе с обыском». «А я давно вас поджидаю, уж хотел уходить, было! Что ж, давайте обыскивайте, милости просим!» Обыскали полицейские весь дом, все переворошили, но ничего подозрительного не нашли. Урядник тогда говорит дяде Алеше: «Ты всё равно от нас не выкрутишься, мы люди ученые – нас на мякине не проведешь. Говори лучше сам, признавайся, где все эти приспособления прячешь? На чем деньги делаешь?» – «Каюсь, братцы, всё в подполье у меня хранится, всё там, забирайте! Мне ведь уже и самому тошно, надоело под страхом жить. Да и работа эта тяжелая, хотя и выгодная, вон какие мозоли на руках! А всё от жадности, будь она проклята!»

Спустились полицейские в подполье, все матрицы, в которые дядя Алеша пули для охотников заливал и весь запас свинца для дроби и пуль, забрали. Хоть и тяжело было тащить, но всё унесли, дядю Алешу тоже увели – взяли под стражу. «Вот, – говорит урядник приставу, – поймали и привели к вам фальшивомонетчика! Сам признался. Только вот денег нашли у него мало. Сорок копеек серебром, да три медных пятака обнаружили». Посмотрел пристав на всё это дяди Алешино «хозяйство» и засмеялся. Полицейских и урядника обругал и дураками обозвал. «Пусть, – говорит, – этот ваш «фальшивомонетчик» проваливает отсюда на все четыре стороны и «хозяйство» свое забирает. «Нет, – говорит дядя Алеша, – мне одному это «хозяйство» не дотащить до дома, пусть полицейские отнесут, а то я на них в суд подам!» Пристав подумал немного и говорит уряднику: «Делать нечего, придется всё нести ему домой, а то позору с таким «фильшивомонетчиком» не оберешься». Так полицейские и сам урядник принесли дяде Алеше тяжеленые матрицы и весь свинец весом больше пуда. А богатый сосед в окно выглянул и удивился, что так быстро «опасного преступника» домой вернули! Мало того, урядник оштрафовал этого богатого мужика «за введение в заблуждение» и напрасное беспокойство должностных лиц – на пятнадцать рублей!

Еще у дяди Алеши на правой руке пальца указательного не было. Это, конечно, совсем не смешно, он его на войне потерял, пулей белогвардейской его оторвало. Но дядя Алеша и от этого не унывает и про свой палец всякие смешные истории придумывает и каждый раз всё по-разному. «Вот однажды...» – начинает свой рассказ дядя Алеша, и в это время все младшие Степановы уже окружают его со всех сторон, уши навострили. А он совсем коротко про свой палец расскажет. «Вот однажды... поковырял я в носу, а палец возьми да и отломись! Потом чихнул, а он улетел куда-то. Так и не мог его отыскать. Вот и всё ребята». С этими словами дядя Алеша приставлял свой «обрубок» пальца к ноздре, и получалось совсем смешно. А то еще расскажет, что у него щука палец откусила, когда он воду со своего плотика пробовал – холодная или уже на-

грелась? А щука тут как тут и... пальца как не бывало!

«Данилыч»

Сосед, Федор Данилыч, тоже давнишний товарищ отца, как и отец, с детства в Береговушке живет, в самом конце на нижнем порядке. Федор Данилыч грамотный, четыре класса кончил. Приходит он к отцу, чтоб сообщить какую-нибудь новость, вычитанную в газете. Говорит по-городскому, не то, что дядя Алеша. Данилыч всегда поправляет Сутырина. «Не «палкам», а палками надо выражаться». «А я так и говорю, – не возражает дядя Алеша, – накидали воз коечем: сучкам, веткам и ...палками, а лошадь и ногам не шевелит!»

Данилыч летом и зимой в собачьей яге ходил. Это такой тулуп мехом наружу, а сам в сандалиях на босу ногу. Приходил Данилыч к отцу и начинал разговор с того, что спрашивал:

– Читал, Ильич, вчерашние известия?

– Нет, еще не читал, некогда было.

Тогда Данилыч рассказывал всё, о чем в газете написано, и в то же время излагал свои соображения. Отец слушает и не перебивает Данилыча, а когда тот закончит, скажет:

– Хоть ты и ученый, Федор Данилыч, а ума у тебя как у нашего мерина. Не может советская власть по-другому идти. Это всё меньшевистские замашки у тебя... Как был ты меньшевиком, так и остался! Тебя всё время тянет на их сторону!

– Это несправедливо! Напрасно ты так думаешь! Я давно к большевикам переметнулся. Еще ведь в двадцатом с меньшевиками порвал!

– Это ты только с виду перекрестился! – продолжал отец, посмеиваясь, а внутри как был троцкист, так им и остался!

Данилыч отмахивался от таких неприятных для него слов, как от мухи, и уже без всякой запальчивости, с какой начал «свои собрания», заканчивал спор:

– Да ладно уж, Ильич, я ведь так... к слову!»

Спор отца с Данилычем идет давно, еще с тех пор, как в Сладу заявились белые. Отец сказал тогда Данилычу:

– Пойдем, Федор, партизанить, беляков с тылу «подтыкать»! Наша всё равно скоро возьмет!

– Иди, Ильич! А я дома посижу, посмотрю, что и как. Да и мое ЦК не давало никаких указаний воевать со своими русскими.

– Ну и сиди тут со своим меньшевистским ЦК, жди, когда тебя белые, как клопа, придавят, – сказал на прощание отец Данилычу и ушел партизанить.

Белые пришли и тут же взяли в оборот Данилыча. Били его и сколько раз в «кутузку» сажали. Хорошо, что живым оставили. А когда красные пришли и отец вместе с ними, то Данилыч сказал ему:

– Напрасно я тебя ослушался, натерпелся тут среди беляков. Все время в подполье и скрывался от них.

Но всё равно Данилыч хороший человек, не злой и «отходчивый», как говорила Петькина мать. Особенно он нравился младшим Степановым. Да и как не нравится, если у него были вставные зубы. Когда он спорит, то они у него во рту щелкают и говорить мешают. Тогда Данилыч их, к удивлению и восторгу младших Степановых, вынимает изо рта и, завернув в носовой платок, прячет в карман. Больше всего эта «картина» нравится Петьке. Он с восхищением смотрит на Данилыча и, осмелившись, спрашивает:

– А почему у вас такие зубы «вынимные»?

– Тебе что, мои зубы понравились?

– Еще как! – с завидным восхищением ответил Петька.

– Тогда давай меняться.

– А они у вас молочные или еще какие-то?

– Нет, не совсем молочные.

– Не меняйся, Петруська, прогадаешь. Его зубами только манную кашу можно жевать, – вступает в разговор отец.

– Ну, так как, будешь меняться?

– Ладно уж, в другой раз, а сейчас, пожалуй, не буду, мои зубы приросли и совсем не вынимаются.

– Правильно делаешь, что не меняешься, со своими лучше, – соглашается Данилыч, посмеиваясь.

– Но вы их покажите мне.

– Пожалуйста, – охотно соглашается Данилыч и вынимает из кармана сверток, выкладывает на ладони протезные зубы.

Петька с удивлением и страхом смотрит на них и заключает:

– Нет, я и в другой раз не буду с вами меняться.

Покончив с вопросом о Данилычевых зубах, Петька задает ему давно интересующий его вопрос.

– А почему вы всё время в яге ходите, сейчас ведь лето!

– А! В яге! Как тебе сказать, наверно, потому что я еще той зимой замерз и до сих пор не могу отогреться. Всё время мерзну.

Удовлетворенный ответом Петька уходит от Данилыча. Всё, что его интересовало, он узнал, а теперь пусть отец с ним разговоры ведет. Пусть спорят о политике, ему до этого пока нет дела.

Федя – «Кадило»

Федор Гурьянов, по прозвищу «Кадило», не был большим другом отца, но приходил к Степановым довольно часто, когда отец что-нибудь мастерил во дворе, открыв ворота.

Гурьянов был неторопливый, степенный старик с большой окладистой бородой. Он заходил к отцу, садился на крылечко и задавал всегда один и тот же вопрос:

– Какой сегодня улов, Ильич?

– Никакого! – отвечал отец. – Я сегодня не выезжал.

– А я думал, выезжал.

– Нет, не пришлось.

– Похоже, надо вверх съездить, там попробовать, – помолчав, высказал свои соображения Федя-«Кадило».

– Что ж, поезжай! Вверху, может, и подфартит тебе.

– Похоже, там лучше, – соглашается «Кадило».

На этом весь разговор и заканчивался, но Гурьянов не уходил, продолжал сидеть на крылечке, не зная, видимо, что еще сказать. Веки его глаз постепенно закрывались, он дремал. Голова «Кадило» сама собой клонилась и клонилась вниз, а затем внезапно падала ему на грудь. Старик вздрагивал, ошалело оглядывался вокруг себя и ругался:

– Черт! Похоже, приснилось! Будто я уже на воде! Испугался, думал, из лодки вывалюсь.

В эти минуты Петька успевал с любопытством рассматривать дядю Федора, обложенного такой лохматой бородищей, из которой торчал только один синерозовый нос. Больше ничего не было видно, даже глаз, потому что над глазами вместо бровей у Феди-«Кадило» тоже были две сросшиеся бороды. А на голове спутанная копна волос. И только на самой макушке, гладкая, розовая, величиной с чайное блюдце, плешина.

Петька, преодолев робость, решил наконец поговорить с дядей Федором, чтобы выяснить назревшие вопросы:

– Вам жарко в вашей бороде сидеть?

Дядя Федя, посмотрев на Петьку, потрогал зачем-то свою бороду, ответил:

– Похоже, жарко.

– А вы ее остригите, – не задумываясь, предложил Петька, – я вам сейчас овечьи ножницы принесу. Они тут недалеко, в чулане на гвозде висят.

– Нельзя, Петька.

– Почему?

– Похоже, меня Марья домой не пустит без бороды, не узнает, похоже.

– А вы приходите к нам жить, пока борода у вас не вырастет.

– Пожалуй, незачем ее обрезать. Пусть уж так и будет.

– Так вы же сами говорите, что вам жарко в бороде, а сейчас лето.

– Правильно. Лето, пожалуй.

– Вот, вы ее подстригите, она к зиме у вас опять вырастет.

– А ты, пожалуй, верно рассудил! Она и впрямь к зиме вырастет.

Петька сиял от того, что наконец-то осмелился поговорить с дядей «Кадилом» и даже посоветовать ему, как освободиться от «жаркой» бороды. И пока Гурьянов еще продолжал сидеть на их крылечке, Петька задает старику давно интересующий его вопрос:

– Дядя Федя, а почему вас «Кадилом» называют?

Гурьянов поднимает высоко лохматые брови-бороды так, что Петька даже глаза увидел у старика и удивился: они, оказывается, у него синие-синие!

– Это, Петька, давно было. Пожалуй, лет шестьдесят тому назад. Я маленький был. Пожалуй, меньше тебя. Меня мать-покойница к попу подвела и шепчет мне на ухо: «Иди, говорит, Федко, поклонись батюшке, он тебе счастья в жизни намолит, попросит у Бога, значит». Вот я и бросился к попу, да так, что стукнулся об его кадило, которым он размахивал, и из кадила весь жар «высыпался». Мне тогда даже рубаху в трех местах прожгло. Я в рев, конечно. Вот и всё счастье! С тех пор, пожалуй, меня и зовут Федя-Кадило.

– О чем же ты так долго с Гурьяновым Федором разговаривал? – спросила мать Петьку.

– О его бороде, да еще узнал, отчего его зовут «Кадилом», о чем же еще?

– Он, наверно, наговорился с Петькой на целый год, – посмеялся отец. – С Федором поговоришь, у него один разговор и один ответ: «Похоже, так», «Похоже, нет».

Протокин

Веселого, вечно подтрунивавшего над собой и собеседниками Николая Протокина в доме Степановых любили все: и взрослые, и дети. Хотя дядя Коля и жил на другом конце Слады, но к Степановым приходил довольно часто, чтобы встретиться с отцом, с которым они вместе воевали, а потом вместе служили в милиции. Когда приходил Протокин, то сразу, узнав об этом, к Степановым заходили «на огонек» Алексей Сутырин и обязательно Федор Данилыч поговорить с гостем о политике. Дядя Коля приходил всегда с карманами, полными всяких гостинцев: орехов, пряников, конфет. Одаривал всех ребятишек, начиная с самых младших. Конфеты были в ярких обертках, напоминающих о большом веселом празднике. Прежде чем угостить кого-нибудь из ребят, дядя Коля обстоятельно беседовал с ним, как будто затем и приходил, чтобы поговорить с ребятишками.

– Ну, давай, Василий, поговорим. Давно с тобой не калякали.

– Давай покалякаем, – охотно соглашался Васька.

– Скажи мне, Василий: какие бывают лошадки?

– Всякие бывают.

– Ну, уж и всякие! – удивляется дядя Коля, – а какие, к примеру?

– Например... деревянные! – несколько озадаченно, подумав, отвечает Васька.

– Деревянные не бывают.

– Бывают!

– Не, не бывают.

– Бывают! – настаивал Васька и, взяв за руку гостя, вел его к лошадке, которую смастерил когда-то для Петьки дед Игнатий. – Вот, гляди! Я тут нарочно дырку расковырял и сразу узнал, что она деревянная.

– Смотри-ка, верно, деревянная! А я и не подумал бы! Ай да, Василий! Тогда скажи мне: а какие еще лошади бывают?

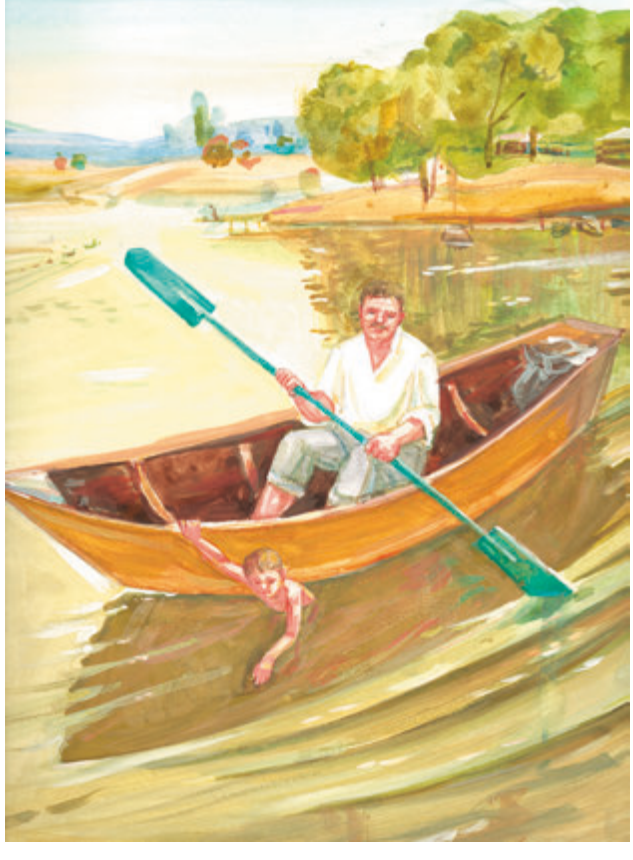
– Бывают еще настоящие, на которых дрова и сено возят.

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 4 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 5 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 6 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 7 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 9 главе

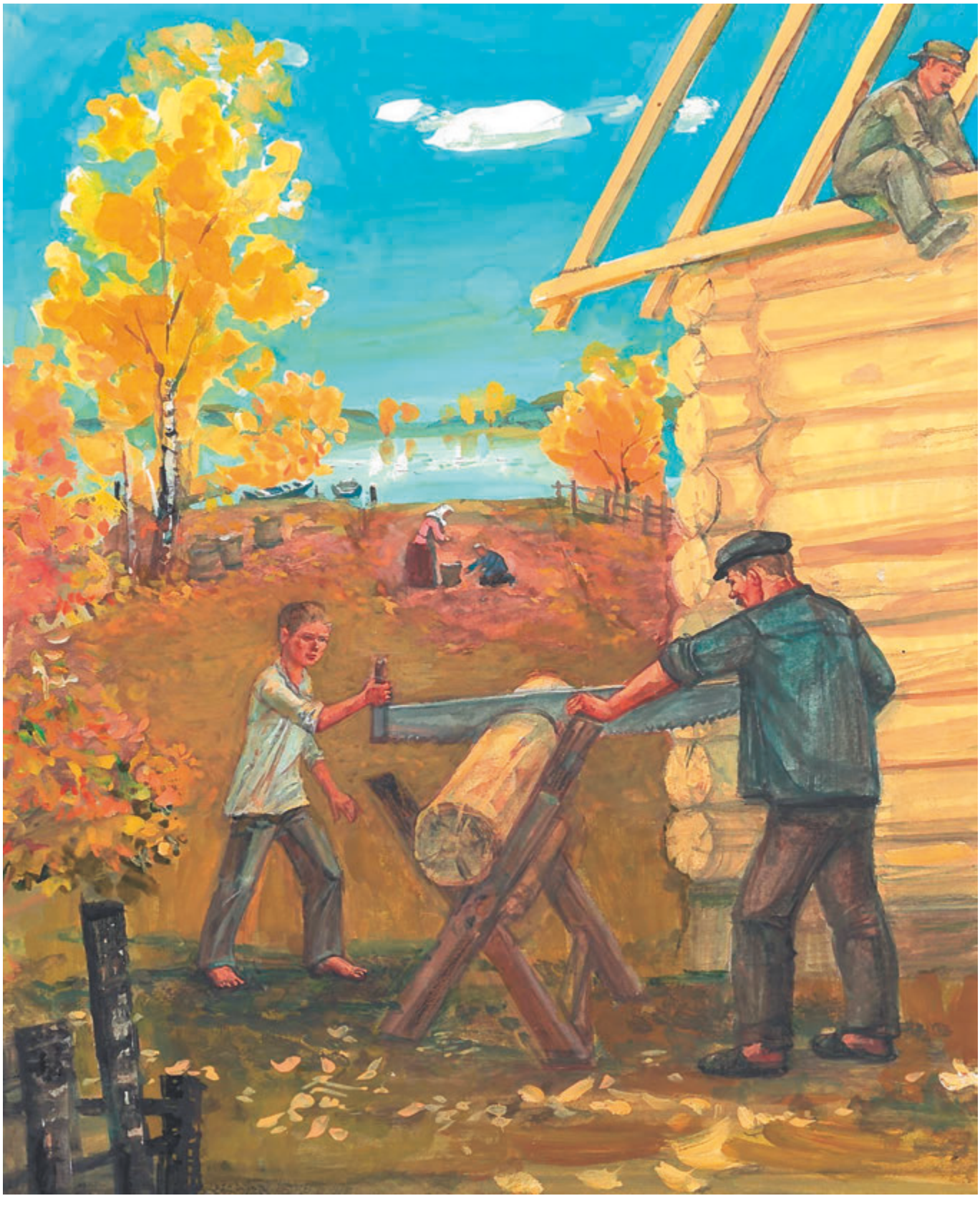
Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 10 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 11 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 14 главе

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 14 главе

– Всё правильно! – хлопнув себя по бедрам, с восторженной досадой заключает дядя Коля, как бы давая всем понять, что не смог уличить Васютку в некомпетентности дела о лошадях.

Дальше очередь доходила до Петьки. Дядя Коля уже поглядывал на него, делая вид, что не знает, с какой стороны подойти к нему и какой задать вопрос, поскольку даже самый младший – Васька «сразил» его своими ответами.

А Петька с замиранием сердца ждал, о чем его спросит дядя Коля, и в то же время ему было интересно узнать, какими гостинцами он наградил брата Васютку.

– Ну-ка, скажи, Петруська, только подумай хорошенько: какая рыба водится у нас в пруду?

– Окунь, щука, сорожка, ёрш и еще чебаки! – не задумываясь, ответил Петька.

– А еще?

Петька помялся немного, почесал в затылке, как это делают взрослые, отыскивая ответ, не очень уверено ответил:

– Еще пескари бывают, но они в Крутом Логу живут.

– Смотри, всё правильно! А как насчет китов? Водятся ли они у нас в пруду или нет?

– Киты, дядя Коля, не рыба, а животное, млекопитающие! – вступает в разговор Манька, приходя на выручку брату.

– А тебя не спрашивают! – вступается в разговор Шурка, дернув Маньку за рукав.

– Ладно, Петруська, ты всё ответил правильно, а то я гляжу, нас с тобой скоро самих экзаменовать будут Манька с Шуркой, а я даже не знаю, есть ли в нашем пруду треска. И водится ли вобла.

– Не водятся, дядя Коля! – подтверждает Манька.

Дядя Коля, наградив Петьку за приличный ответ, теперь уже спрашивает Маньку:

– Про всякую рыбу и животных, вижу, ты хорошо знаешь, тут уж мне и соваться нечего. Тогда скажи мне, какие бывают действия в математике?

«Вот это вопрос! – со страхом подумал Петька, – нет, наверно, Манька на него не ответит».

– Умножение, деление, сложение и вычитание! – слегка покраснев, ответила Манька.

– Всё! Больше вопросов нет, – выгружая карман с орехами и угощая Маньку, сказал дядя Коля. – Только теперь Александра осталась. Ей тоже экзамен устроим!

Шурка вспыхнула разом, лицо у нее стало красным и стыдливым.

– Да, ладно уж, дядя Коля! – отмахнулась Шурка, как бы говоря гостю: «Да что вы спектакль детский устраиваете! Я уж вышла из этого возраста!»

– Сейчас, сейчас, я и тебя кое о чем спрошу. Сейчас... сейчас. Только дай подумать. Ах, вот, наконе-то вспомнил, о чем тебя хотел спросить! Скажи, Александра, скоро замуж-то пойдешь?

Такой неожиданный вопрос, видимо, польстил Шурке, хотя она ответила не сразу, но было видно по всему, что она рада тому, что ее не смешивают с остальной малышней, говорят с ней по-взрослому. Она ответила:

– Вот, закончу курсы поваров, там видно будет.

Шурке, конечно, больше всего хотелось сообщить дяде Коле, похвастаться, что она на курсах учится, а это значит – продолжает образование, которого у нее пока еще всего два класса. Шурка всем так говорит, кто ее спрашивает: «Курсы поваров это повыше среднего образования, там всё надо по-ученому... Не то, что мы у своей «упечи»: бултых картошки, луку нарезал и шлеп его! Соли бросил и готово! У нас на курсах всё по норме, не с бухты-барахты, а по-ученому. Вот, закончу курсы, сразу в Москву «робить» поеду главным поваром в «лесторане».

– Сиди уж, «лесторан», – одергивает ее мать, – хоть бы в столовку на заводе официанткой приняли, и то хорошо!

– Скажешь тоже – официанткой!? Зачем тогда я на курсах учусь, мучаюсь? Официанткой можно совсем неграмотной «робить». А я уже скоро курсы заканчиваю! Скажешь тоже! Официанткой!

Ответив дяде Коле на такой приятный вопрос, Шурка слегка поправила прическу и, подобрав свои толстые губы, чтобы рот казался поменьше, посмотрела на Маньку, как бы она не испортила ее такой многозначительный ответ, так как домашние задания на Шуркиных курсах ей пишет под диктовку Манька. Шуркин почерк настолько плох, что она и сама прочитать не может, не то, что тот, кто дает Шурке домашнее задание. Да и тут как-то Шурка придралась к Маньке с претензией:

– Ты чего там мне написала? Какая «кисея», когда я тебе про кисель толковала, как готовить его.

– Ты ведь проверяла и сказала, что всё ладно, – огрызнулась Манька.

– Так я про твой почерк тогда говорила.

– Почерк, почерк! Не буду больше за тебя писать. Пиши сама про свои нормы раскладки!

Но потом Манька всё равно согласилась за горсть изюма и снова писала Шурке для ее курсов эти «нормы».

Угостив Шурку конфетами и наговорившись с младшими, дядя Коля, посмотрев на свои часы с серебряной цепочкой, щелкнув крышкой, предложил всем взрослым сыграть в «подкидного».

Взрослых, которых набралось, чтобы провести вечер в доме Степановых, было довольно порядочно: Петькин брат Николай с женой Зиной, старшая сестра Лида со своим Стратоном, Данилыч и, конечно, Алексей Сутырин с женой Настей, да еще Петькин отец. Даже Шурка на правах взрослого садилась за

стол играть в карты «в подкидного».

Петькина мать в карты никогда не играла: «Пустое дело в карты играть», – говорила она.

В карты, как всегда, больше всех выигрывал дядя Коля Протокин, когда после «подкидного» играли в «мушку» на спички и мелкие медные монеты.

Дядя Коля забирал кучу спичек и нес их на кухню матери, ссыпая их в какую-нибудь банку, предусмотрительно приготовленную матерью, приговаривая:

– Возьми, Игнатьевна, мой выигрыш! Дарю безвозмездно, пригодится в хозяйстве. Мне не надо, я не курю.

А выигранные медные монеты ссыпал в холщовый мешочек и совал на полку, в самый дальний угол за Манькины книжки.

– Это до следующей игры пусть тут поохраняться. Вот наиграю полный мешок, тогда домой унесу, а тяжело будет, так с тачкой приду! – шутил дядя Коля.

Но он никогда не уносил домой своего выигрыша. Если мешочек заполнялся «чересчур», как говорил дядя Коля, он горстями одарял младших Степановых:

– Идите в первый номер за конфетами! Налетайте, ребята, разоряю свою казну! А то еще запишут меня в буржуи! Детей всё равно у меня нет, я хоть на вас глядя, порадуюсь! Налетай, ребята, налетай! Пока не раздумал! Вон, какое богатство! – раздавая мелочь, громко кричал дядя Коля, – тут, наверно, больше рубля наберется! Подходи смелей!

Попив чаю, гости расходились домой. А иной раз дядя Коля и Федор Данилович оставались еще «довечеривать» у Степановых, поиграть в шахматы, которые дядя Коля всегда носил с собой.

Когда они садились за эту игру, словоохотливый дядя Коля сразу замолкал, становился молчаливым и серьезным, только иногда произносил тихонько: «Так, так, так...» И, напротив, Данилыч за шахматами становился разговорчивым. А иной раз заспорит с дядей Колей: «Кто дороже? Конь или офицер?» Дядя Коля говорит Данилычу:

– Конь дороже офицера, он оперативнее!

А Данилыч, наоборот, говорит: «Офицер дороже и лучше!»

«Что тут спорить? – думает Петька, – когда и так всё ясно. Офицер обязательно белогвардеец, как же он может быть лучше коня? Конечно, конь дороже! Тут и спорить нечего!»

Вот и сейчас Данилыч суется со своими офицерами:

– А я тебе, Николаша, офицериком р-р-раз! И турки твоей как не бывало!

– Шах, шах тебе! Убери своего офицерика! – отвечает ему дядя Коля.

– А-а-а! Шах! Шаха, я, Николаша, не заметил... Подишь ты, верно, шах... Жаль, если шаха не было, тогда бы офицериком... Но поскольку шах, то офицерика мы беспокоить не будем... Шах... Ах ты, беда, верно, шах! А что же мне делать?

– Сдавать надо партию, Федор Данилович! – тихо предложил дядя Коля.

– Погоди сдавать! Ишь, какой прыткий! У меня еще есть «лезервный» ход!.. «Лезервы»... «Лезервы», – мычал Данилыч.

– Какие там резервы? Сдаваться надо!

– А верно ведь! Как ни прискорбно, но, видимо, надо сдаваться.

Петька смотрел с печки за шахматистами и ничего не понимал: «Хорошо бы научится играть в шахматы! Я бы Петьку Журавлёва сразу в мат загнал, как дядя Коля Данилыча. У Журавлёвых точно такие же шахматы. Надо попробовать поиграть с Петькой... Может, получится?

Размышляя о шахматах и о себе, как он будет играть с Журавлёвым, Петька уснул, а когда проснулся, то ни Данилыча, ни дяди Коли Протокина уже не было – домой ушли.

– Раздевайся, Петруська, да ложись, как следует.

Неохота Петруське раздеваться, к чему это, можно и так спать. А завтра не надо одеваться: проснулся и уже готов – одетый. Но он разделся, как велели, и тут же уснул.

Утром, когда уже было время вставать, Петьке приснился сон: будто он играет в шахматы с Федором Данилычем. Вместо шахматной доски у них разостланная на полу Данилычева Яга, разрисованная клетками. Петька скачет по ней на своем коне с мочальным хвостом и кричит Данилычу:

– Шах! Шах тебе, Данилыч!

А Данилыч достает свои «вынимные» зубы и отдает Петьке.

– На, возьми, ты выиграл! Мне они всё равно не нужны. Они молочные. А манную кашу я и без них съем.

Петька проснулся, а на дворе уже давно утро начиналось.

– Петруська, вставай! Умывайся да иди завтракать. Манная каша сегодня на завтрак. Тебе, как имениннику, полную чашку положила. С маслом каша, да еще сахарного песочка посыпала. Давай, побыстрее, а то остынет.

– Не остынет, я быстро!

– Позавтракаешь, снова умойся. Да вот одень новую рубаху и штаны новые. В школу с тобой пойдем, – объявила мать.

– Уже в школу? – удивился Петька.

– В школу записываться, а осенью будешь сам ходить, когда занятия начнутся.

– Как же так, в школу? У меня даже книжек нет.

– Не беспокойся, всё выдадут вам, как занятия начнутся. Вот только одна беда – школа-то далеко от нас, придется тебе рано вставать, чтоб не опаздывать.

– Не опоздаю! Я могу очень рано встать.

– Ладно, давай ешь. Каша-то, поди, совсем остыла?

– Нет, в самый раз!

ГЛАВА 8
ШКОЛА

Быстро пролетело беззаботное лето. Отшумели потемневшие тополиные кроны. Замолкли трескучие раскатистые грозы с теплыми грибными дождями и цветастой радугой. Торопливое лето уступало место тихой, тоскливой поре, оставив о себе только воспоминания. А осень уже бросала по утрам сизую седину инея на поля и огороды сладинцев, почернив на межах крапиву и ботву картошки на грядках. Радовалась только прохладе озимая рожь, капуста выделялась от пожухлого соседства сочной изумрудной зеленостью.

Еще за неделю до начала занятий Петька раза три самостоятельно, с замиранием сердца приближался к зданию своей будущей школы. «Хорошая школа, большая! – с робким восхищением думал Петька, – только почему она называется поповской?» – не нравилось ему такое название.

Однажды в одно из таких путешествий Петька познакомился с такими же, как он, будущими первоклассниками: с Афонькой Голановым и Сашкой Волиным. Оказалось, что они оба его соседи – живут на соседних улицах в кержацком конце! И тоже записаны в первый класс! Петька так обрадовался, что сразу предложил Афоньке:

– Давай, я за тобой буду заходить, и вместе в школу пойдем, веселее будет!

– Хорошо придумал! Я тебя каждое утро буду ждать, только ты не забывай, что в школу надо каждый день ходить!

– Не забуду, не беспокойся! – серьезно ответил Петька.

А Сашка Волин тоже договорился с ним, что утром будет заходить. Ему совсем оказалось просто: из переулка вышел на верхнюю улицу, и Афонькин дом маячит. Всё хорошо получилось! Школа, правда, далековато от их домов, но ничего! Петькин отец сказал: «Привыкнешь, будет близко казаться!»

Все трое договорились: завтра еще раз всем вместе проделать путь до их будущей школы.

На следующий день, еще и восьми утра не было, а Петька заявился к своему новому другу Афоньке.

– Ты больно рано! – удивился Афонька. Погоди, я оденусь. Может, и Волин скоро подойдет, проходи в избу, на улице вон какой иней, холодно.

– Ничего, я тут посижу, Волина покараулю!

Но Сашку Волина, оказалось, незачем было «караулить» и ждать, он сам заявился.

– Вон и Сашка топает! Легок на помине! – сказал Афонька, обрадовавшись появлению Волина. – Подождите, я быстро.

Афонька не задержался и двух минут. Вытерев с губ остатки картошки, скомандовал:

– Пошли!

– Надо запомнить, где ходить будем, – предложил Волин, когда они направились в первый попавшийся на пути переулок.

– А чего тут запоминать: переулок и немного по улице до следующего проулка и опять также! Всего три раза так и сразу к церкви выйдем, а там школа рядом. Меня сестра водила, показала, как ходить. Да я и сам бы разобрался, чего тут мудреного? – поделился своими соображениями Афонька. – Вот с нашего переулка и будем начинать, и Волину сподручно будет.

– Сподручно, – согласился неразговорчивый Волин.

– Конечно, сподручно! – вставил свое слово и Петька, добавив для убедительности, – попали как раз в хороший переулок, тут кузница есть, я уже с кузнецом разговаривал. Хороший мужик!

– Я этого кузнеца тоже видел, когда с сестрой ходили, но мне он не очень... Страшный и злой.

– Это потому что он в копоти, в саже бывает, а так он вовсе не страшный.

– Я бы лучше пропустил этот переулок и по-другому пошел, чтобы не встречаться с вашим кузнецом.

– Почему не надо встречаться? – удивился Петька.

– Он, может, вовсе и не кузнец, – усомнился Волин.

– А кто, по-твоему? – насторожился Афонька.

– Кто его знает? Может, колдун какой или домовой. Оказавшись в переулке, где была кузница, ребята замолкли, но продолжали идти вперед, чуть замедлив шаги.

А кузница, пятившаяся в огород, черная, прокопченная, похожая на большую баню, уже была рядом. Перед открытой дверью стояли четыре вкопанных в землю обгрызенных столба с перекладинами наверху (это была «стайка» для привязки лошади во время ее ковки, как узнали позже наши герои). А в это время из кузницы донеслись до ребят звуки гремящего железа, вздохи какого-то загадочного существа. Синий дым, пахнущий самоваром и еще чем-то незнакомым – горелым, струился из низенькой трубы, распространяясь вокруг.

– Давай зайдем к кузнецу, посмотрим, – предложил Петька, услышав уже знакомые ему звуки. Не бойтесь! Это он огонь раздувает, я уже видел такое! – поделился Петька.

Афонька согласился сразу, а Сашка отказался наотрез:

– Идите, если вам так хочется, а я подожду вас. Только не задерживайтесь!

Петька довольно смело подошел к дверям кузницы, и в этот же миг увидел, как кузнец выхватил из горящих углей своей печки длинную, раскаленную железяку и, положив ее на толстую и тоже железную штуку, начал колотить увесистым молотком так, что с железяки посыпались искры. Поколотив сколько надо эту железку, кузнец сунул ее снова в огонь. А сам в это время стал дергать за какую-то веревку так, что сбоку у печки зашевелилась и задышала часто-часто какая-то штука,

похожая на смешную гармошку.

– Пух-х-х! Пух-х-х! – шипела и пухала гармошка.

– Здорово! – сказал Афонька, выглядывая из-за Петькиного плеча.

– Ага, здорово, – подтвердил Сашка.

Оказывается, и он не струсил. Тоже заглядывал в страшную кузницу. А сейчас, стоя вместе с товарищами, размышлял: «А кузнец-то вовсе не страшный, это мне показалось. Хорошо, что ребята осмелились сюда заглянуть. С такими товарищами не пропадешь!»

Между тем кузнец три раза проделал одно и то же: нагревал длинную железяку, наотмашь стучал по ней молотком, затем измерял складной железной меркой и снова совал железяку в огонь. А потом, видимо, устав изрядно, присел на деревянный чурбак и неожиданно спросил:

– Что, интересно?

– Конечно, интересно! – ответил за всех Петька.

– А вы куда собрались?

– В школу! – хором ответили ребята.

– А что так рано? До первого сентября почти неделя.

– Мы так, просто, чтобы дорогу запомнить, – ответил за всех Афонька.

– Вас, что ли в поповскую записали?

– Да, в нее, в поповскую, – без явного удовольствия ответил Петька.

– В первый класс, значит?

– В первый! – в три голоса ответили ребята.

– Ну что ж, пусть в первый, это тоже неплохо, – согласился кузнец. – Всякий путь, даже большой, всегда с первого шага начинается.

– Дядя Кузнец, а вы еще ковать будете? – робко спросил Петька.

– А как же иначе? Обязательно буду. Вот сейчас обод для колеса загибать буду, а потом соединю оба конца на заклепку и на колесо попытаюсь поставить. Как же, как же, робить надо...

– А вас как зовут?

– Иваном Семеновичем. А тебя как?

– Меня Петька, а вот его – Афонька, да еще Сашка.

– Это который самый боязливый-то?

– Я не боязливый, а стеснительный, – тихо ответил Волин.

– Ну, это другое дело! А я подумал ты боязливый, – улыбнулся кузнец.

– Иван Семенович, а можно за веревку подержать, чтобы ваша гармошка опять зашипела? – совсем осмелев, спросил Петька.

– Ишь ты, чего надумал. Ладно, погоди, как только будет нужно, подергай. Только это не гармошка, а кузнечный мех.

– А вот это? – показал Петька на толстую железяку с длинным носом.

– Это наковальня. А вон там, – показал Иван Семенович на свою печку, – кузнечный горн.

И тут на Ивана Семеновича посыпались вопросы, как горох: «А это?», «А это?», «А то?» Кузнец успевал отвечать на бесконечные «А это?»

– Это щипцы, это бродок, это гладился, это клещи.

Потом Иван Семенович сказал:

– Хватит, ребята, за один раз всё равно не запомните!

– Запомним, не беспокойтесь! – смело заявил за всех Петька.

– Хорошо, сейчас проверим! Ну-ка, вот ты, Петька, отвечай, что это? – показывал Иван Семенович поочередно то на один, то на другой предмет. – Ну, Петька, нигде не ошибся, только кузнечные клещи назвал «кузнечными кусачками».

Афонька тоже ответил, как положено. Да и Сашка не опростоволосился, ответил, только чуть замялся, когда нужно было назвать кузнечные меха, и назвал их «кузнечной гармошкой». Но Иван Семенович не посчитал это за большую ошибку, поставил и Сашке «отлично» за такой серьезный экзамен.

Потом ребята по очереди дергали за веревку – раздували кузнечные меха и всё увидели: как кузнец изогнул железную полосу через чурбан, сделав ее совсем круглой, примерял ее по колесу, как пробил дырку и склепал концы, получился настоящий обод. Увидели, как посадил этот еще горячий обод на колесо!

Петька даже не утерпел тогда, посоветовал Ивану Семеновичу:

– Вы бы подождали, когда остынет эта железяка, обод, а потом бы его и одели, а то можно обжечься.

– Правильно заметил, Петька, молодец! Только так, когда горячий обод на колесо поставишь, надежнее получается. Потому что, когда он остынет, ободто, обожмет колесо, и его тогда не стащишь. Потому что, когда он остынет, станет меньше.

– А почему меньше он станет? – не унимался Петька.

– Это вам всё в школе скажут. На это и ученье, чтоб всё знать. А мне пора идти, – сказал Иван Семенович, посмотрев на ходики-часы, которые висели на столбе в кузнице.

Если бы Иван Семенович не торопился, ребята бы, наверное, еще бы долгое время торчали тут, но было по всему видно, что кузнец торопится. Умыв руки, он сказал напоследок:

– Вы, наверно, про свою школу совсем забыли?

– Не забыли, Иван Семенович, не беспокойтесь! Мы пойдем. До свидания!

– До свидания, до свидания!

Из переулка, где была кузница, дорога для ребят была уже знакомой, и они шли довольно уверенно, разговаривая между собой.

– Я уже все буквы выучил и давно читать научился, – похвастался Афонька.

– Я тоже давно буквы выучил, только складывать их еще не умею, – поделился своими знаниями Петька.

– А я читаю еще с прошлого года, только еще не все буквы знаю, – тихо подтвердил Сашка, поддерживая серьезный разговор.

– А как же ты читаешь, если не знаешь букв? – удивился Петька.

– Догадываюсь, – коротко ответил Волин.

Такого еще ни Петька, ни Афонька не слыхивали, но возражать не стали, замолкнув до самой школы.

Когда они подошли к зданию их будущей школы, встали у крыльца, Петька первый раз увидел над входом вывеску, раньше которую не замечал.

– Давайте прочитаем, что тут написано, – предложил он.

– Чего тут читать, и так всё ясно и понятно! – возразил Афонька, – поповская школа первой ступени, вот и всё.

– А я все-таки попробую. Может, тут по-другому написано? А то поповская, поповская! Нехорошо получается! Мы ведь не попы!

– Давай, давай, попробуй, – засмеялся Афонька.

– Шы-кы-ооо-ллл – школа! – догадался Петька.

– Школа, – повторил Афонька, – я сразу сказал, что школа, тут и читать нечего.

– Пы-ее-рры-вы.., – продолжал Петька, не обращая внимания на Афонькино пренебрежение к чтению вывески.

– Давайте я дочитаю! – предложил Сашка.

– Афонька и Петька, видимо, сразу согласились с Волиным и тут же замолкли, ожидая, как тот будет читать слова, состоящие из букв, которые Сашка не знает.

– Школа! – довольно уверенно начал Сашка и продолжил просто и убедительно, – школа, первый класс.

– Что, ребята? Прочитать не можете? – спросила «чтецов» какая-то нарядно одетая тетенька.

Ребятам стало совсем стыдно, они молчали, вспоминая, видимо, о недавнем хвастовстве по пути в школу. А теперь, когда оказалось, что они совсем не умеют читать, стало стыдно.

– Я прочитаю вам. Тут написано: «Школа первой ступени номер два». А вас что, сюда записали учиться?

– Записали, – ответили ребята хором, как там в кузнице.

– Вот и хорошо! Приходите первого сентября к девяти часам утра. Не забудьте! – сказала нарядная тетенька и, отворив дверь школы, вошла в нее, как хозяйка, без всякого страха.

– Не забудем. Чего учить нас, как маленьких, – недовольно проворчал Афонька. – Вывеску бы тоже сами прочитали. Скажет тоже, «прочитать не можете». Мы тоже с усами.

Еще с вечера мать приготовила Петьке всё, что полагалось для завтрашнего дня. Прогладила Петькину рубаху и штаны, проверив надежность пуговиц. Починила старые Таськины сандалии, приготовила шерстяные коричневые носки, заштопав прокошенные пятки. И еще, как ни возражал Петька, приготовила ему на завтра Манькину панаму, чтоб одеть на голову, и Манькино пальто с большими «девчоночными» пуговицами, которые Петька решил завтра же оборвать, чтоб «не срамиться».

– Хлеба мне заверни, а то я там есть захочу, – посоветовал Петька.

– Зачем сегодня! Завтра утром и заверну, – возразила мать, – а то еще засохнет.

– Не засохнет! А то еще забудем утром положить, – побеспокоился Петька.

Взять с собой обед, как это делал отец, уходя на работу, было чуть ли не главным на сегодняшний день во всех этих сборах для Петьки.

Мать, отрезав порядочную горбушку ржаного хлеба, посолила ее хрустящей солью, завернув в газету, подала Петьке.

– На, положи в сумку! А то еще спать всю ночь не будешь.

Прежде всего, Петька положил в холщовую Манькину школьную сумку сверток с хлебом, еще раз проверил содержимое круглого деревянного пенала, где покоилась ручка и огрызок карандаша. Незаметно от матери сунул в школьную сумку донышко от зеленой бутылки. «Афоне и Сашке покажу, когда в школу пойдем! Интересная штука! Будто совсем лето вернулось! Ребятам понравится, это уж точно!»

– Можно тебя завтра проводить до школы-то?

– Мама, не надо! Мы же договорились. Я специально сто раз до школы ходил, чтобы научиться, как туда ходить, а ты опять за свое. Я ведь не маленький. Один дойду. Мы же с Афонькой Голановым, да еще Сашка Волин с нами!

– Мало ли чего ты скажешь. Всё равно надо проводить. Все так делают, не мы одни. Провожу, мне не впервые! – настоятельно сказала Манька, как будто только этим и занималась, что провожала в школу первоклашек.

Не хотелось Петьке, чтобы его кто-то провожал, но против Маньки он возражать не стал: «Манька школьные порядки знает! Ей можно поверить! Она на этом деле, как говорит Коля, не одну собаку съела. А тут еще и Васька, с завистью взиравший на Петькины сборы, высказал свои соображения:

– Пусть тебя, Петруська, Манька и мама проводят, а то еще потеряешься где-нибудь вместе с пеналом.

Но на следующее утро все Петькины опасения оказались напрасны: Афоньку и Сашку провожали их матери. Они даже спрашивали Маньку, как там бывает в школе, когда первый раз приходят? Манька, конечно, как и предполагал Петька, ответила на все их вопросы. Недаром же он согласился, чтобы Манька

провожала его. «Она у нас грамотная, четыре класса в школе отбухала, а сейчас вот еще на какой-то рабфак готовится».

Всех первоклашек вместе с родителями пригласили в класс. Это комната такая большая со смешными столами и лавочками вместе, тут они теперь будут учиться. Учительница познакомилась со всеми и себя назвала: «Таисия Андреевна». Оказалось, что тетенька, которая им вывеску прочитала, вовсе не тетенька, а их настоящая учительница – Таисия Андреевна! Хорошо, что они тогда ей ничего плохого не сказали, а то была бы сейчас стыдобушка! Афонька сказал тогда, когда она в школьную дверь вошла: «Прочитаю, да прочитаю! Как будто мы сами не можем!.. Мы и сами с усами! Читать умеем, разобрались бы не хуже тебя!»

После знакомства всех родителей из класса выгнали. Ну не совсем выгнали, конечно, а только сказала им учительница:

– С вами всё, идите домой, за них не беспокойтесь.

Таисия Андреевна, наша учительница, очень добрая, она как наша мама. Всем тут же буквари новые выдала и по одной арифметике, да еще по две чистых тетради. Даже спросила: «У кого ручки нет?» Но у всех оказалось, что ручки были, только одна девочка, ее Нюська зовут, сказала, что у нее была ручка, да пропала. Таисия Андреевна выдала ей новую ручку даже с пером. «Тоже мне, пропала, это ведь не овечка! Наверно, этой Нюське надо было сказать, что ручка потерялась у нее, а она – «пропала». Чудачка! Хорошо, что Таисия Андреевна догадливая, сразу сообразила».

Первый урок совсем смешной был. Даже совсем ничего не писали и не читали, хотя буквари всем выдали. А только всё спрашивала Таисия Андреевна: «Как твое имя? Когда родился? Как зовут отца, маму? На какой улице живешь?»

Петька, когда дошла до него очередь, всё ответил Таисии Андреевне, только немного запнулся, когда спросили его о дне рождения. Но он все-таки вспомнил, как мать когда-то говорила: «В капустную копку наш Петруська на свет появился». Петька так и ответил. Таисия Андреевна посмеялась немного, но похвалила Петьку за сообразительность. Другие и этого не ответили. Нюська, которую Таисия Андреевна посадила за парту рядом с Петруськой, ответила такое, что весь класс смеялся:

– Я не родилась, – сказала Нюська, – а меня папа с мамой в капусте нашли.

Про капусту Нюська, наверно, догадалась сказать потому, что после Петьки отвечала. Он ведь тоже про капусту говорил.

– Ну как, Петруська, первый день в школе прошел? – спросила мать.

– Так себе, ничего не писали и не читали, наверно, завтра начнем.

– А что же вы там делали?

– Спрашивали нас. Я на все вопросы ответил, даже мама меня похвалила.

– Какая мама! Чего ты мелешь? – удивилась Манька.

Петька стушевался, когда сообразил, что ляпнул не то, но попытался вывернуться:

– Ее почти все так зовут, нашу Таисию Андреевну.

– Ну а ты как? – посмеиваясь, допытывалась Манька.

– Вот пристала. Ошибся, чего тут особенного?

«Ох, и заботливое это дело – учиться! – думал про себя Петька, – вставай всегда вовремя, думай, чтоб в школу не опоздать. Когда не надо было никуда идти, просыпался рано, а теперь вот его всё время будят... и так каждый день...» Вот и сегодня разбудили ни свет, ни заря:

– Разве сегодня не воскресение?

– Какое тебе воскресение? Сегодня только среда еще, – ответила Манька.

– А я не опоздал?

– Не опоздал, но ты всё равно пошевеливайся! – посоветовала мать.

Петька заходил за Афонькой всегда немного рано:

– С тобой не опоздаешь! – удовлетворенно замечал Афонька. – А я еще и не позавтракал.

– Завтракай, я подожду. Глядишь, и Волин подойдет.

– Да он, наверно, давно под окошками сидит, ждет, – ответил Афонька набитым картошкой ртом.

Когда Афонька и Петька вышли из Голановского дома, Сашка действительно сидел на завалинке.

– Давно ждешь? – спросил Афонька.

– Давно, – ответил Сашка.

– Надо было в избу зайти.

– А мне не холодно, пиджак у меня теплый.

– Давайте поднажмем, а то еще опоздаем, – предложил Петька.

– Поднажмем, поднажмем! – заорали все трое и, перегоняя друг друга, побежали по знакомой дороге ближе к школе.

За две недели ученья Петька «накрепко» запомнил с десяток букв и теперь дома читал собственный букварь, каждый раз от страницы к странице забираясь всё дальше и дальше в его глубины, подумывал: «Вот как прочитаю весь букварь, так буду читать не хуже Маньки. Жаль, что буквы по чистописанию совсем по-другому пишутся, но ничего, я их тоже освою!» Сегодня Таисия Андреевна его опять похвалила: «Молодец, Степанов! Всегда так старайся! Все бы у меня такие были, как Степанов да Вера Костина, я бы и горя не знала!» Верку за то похвалили, что ее Валька Рамцов за косы оттрепал. Вроде бы этот Валька в шутку это сделал, а Верка сразу нюнить... Я бы, конечно, заступился за Верку, потому что девчонок за косу дергать не положено, но Валька Рамцов инвалид. У него ноги совсем не ходят, а сапо-

ги сморщились, как будто там в них совсем и ног-то нет. Поэтому он на костылях ходит, его самого жалко. Конечно, если бы он был нормальный, то можно было бы и его за девчонку поколотить. Но всё равно Таисия Андреевна узнала про это и при всем классе строгим голосом сказала:

– А я и не знала, что в нашем классе поселился еще один ученик. Имя ему… несправедливость. А нам в школе этой несправедливости не надо. А теперь все встаньте. А ты, Рамцов, можешь извинится перед Костиной.

Валька молчал и долго ничего не говорил. В классе совсем стало тихо.

– Ну так как, Рамцов?

Валька исподлобья посмотрел на стоящих в ожидании ребят и, видимо, почувствовав себя совсем одиноко, тихо сказал:

– Больше не буду.

Тогда Таисия Андреевна сказала:

– Садитесь. Продолжим занятие.

Через несколько дней Петьку опять похвалили на уроках арифметики. Таисия Андреевна сказала тогда:

– Слушайте внимательно. Нарисуйте в своих тетрадях, занимая не больше трех клеток по высоте, какие-нибудь предметы. Например, яблоки, морковки, грибочки. Сначала, например, два грибочка, потом пишите знак «прибавить», а следом опять нарисуйте три предмета, какие вы себе выберите, затем напишите знак равенства или «получится», как мы с вами говорили. Вот и всё! Остается только сосчитать ваши нарисованные предметы и написать ручкой, конечно, полученную цифру. Всем понятно?

– Понятно! – загалдели ребята, так как подобные примеры уже бывали. Только Таисия Андреевна предлагала тогда нарисовать что-то определенное, яблоки, например.

– Задача пустяковая! – подумал Петька, только грибы я рисовать не буду, а нарисую маленькие валенки… Только можно ли их назвать предметами? Ну, да ладно, попробую! И Петька старательно нарисовал два малюсеньких подшитых валенка с запятником, как положено, старательно вывел знак.

Почти весь класс нарисовал грибы, морковку и яблоки, и только один Петька нарисовал валенки. Когда справились с заданием, Таисия Андреевна похвалила всех, а про Петьку сказала так, что ему даже стало «совестно»:

– Всех лучше сделал Степанов! Молодец! Как настоящий художник нарисовал, – похвалила Таисия Андреевна и всему классу показала его тетрадь.

После уроков Таисия Андреевна попросила Петьку подождать ее внизу около учительской, которая находилась слева от входа в школу, у самой лестницы.

– Пошли домой, чего тут ждать ее? – предложил Афонька, как только увидел понуро стоящего у лестницы Петьку.

Петька молчал, не зная, что ответить, но Сашка, слышавший наказ учительницы – подождать ее, сказал, посмеиваясь:

– Это она, наверно, дрова пилить Степанова пригласила.

– Это уж точно! – подхватил Афонька и добавил для убедительности. – Они любят дурачков! Слыхал, как ученики в других классах своим учителям дрова пилят, хорошие отметки зарабатывают.

«Ну и что? Пусть дрова! Чего тут особенного? Я умею пилить дрова, – подумал Петька. – А почему только меня? – спрашивал он себя.

Ребята уже хотели уйти и оставить своего дружка: «Потом сам расскажет, зачем он понадобился?» – решили они. Но в этот момент из двери учительской вышла Таисия Андреевна и, увидев всю троицу, сказала:

– Вот и хорошо, что вы все в сборе. Я давно заметила, что вы дружите, пойдем все вместе.

Теперь уже Афонька и Сашка недоумевали: «Зачем они понадобились Таисье Андреевне? Выходит, сами напросились дрова пилить! Что теперь делать? Не бежать же!»

Дом, где жила учительница, был совсем недалеко от школы, но за этот короткий путь Таисия Андреевна успела сказать ребятам, что она вполне удовлетворена их прилежанием к учебе. Заодно она спросила Петьку:

– Кто тебя научил так хорошо рисовать?

– Никто, я сам научился, – ответил Петька, недоумевая, как это можно научиться у кого-то рисовать?

Когда ребята пришли на квартиру своей учительницы, разделись, то оказалось, что их пригласили не дрова пилить, а, наоборот, в гости пить чай и не какой-нибудь морковный, а настоящий, фамильный с леденцами, вареньем и сдобными витушками. После чая Таисия Андреевна показала картинки, которые она сама нарисовала на хорошей бумаге акварельными красками. Это те, которые на воде разводятся. Картинок много и все они разные, а называются они не картинки, а на-тюр-морты! Пусть они даже так называются по-смешному, но они очень всем понравились, особенно Петьке. Он не вытерпел и сказал Таисье Андреевне, когда она спросила: «Нравится?»

– Еще бы! – ответил Петька с восторгом и добавил для убедительности, – совсем как живые!

Потом Таисия Андреевна дала им всем троим по одинаковой книжке про Филипка и наказала:

– Пусть вам взрослые прочитают эту книжку, а потом, когда вернете, дам вам другие книжки. Вот у нас и будет с вами библиотека.

Потом Таисия Андреевна объяснила, как надо хранить и беречь книги, чтобы другие могли их читать, и отпустила ребят домой.

– Напилили дров Таисье Андреевне! – поглаживая удовлетворенно свое брюхо сказал Афонька.

– Хорошие дрова с малиновым варением! – подтвердил, посмеиваясь, Сашка Волин.

Петьке тоже понравилось и варение, и чай с витушками, но он сказал о другом:

– Здорово нарисовала Таисия Андреевна все свои... натюрморты!

За два месяца пребывания в школе Петька преуспел во многом: заполнил «пробел» еще не твердо знакомых букв и теперь мог, забегая вперед, прочитать в букваре любую страницу. Он прочитал самостоятельно уже две книжки из библиотеки Таисии Андреевны. Узнал, наконец, почему их школа, номер два, называется «поповской».

– Это потому, – сказал отец, – что раньше, при царе, тут жил поп!

– Ничего себе! – удивился Петька, – один человек занимал столько места!

В школе, где началась новая Петькина жизнь, было четыре класса. Первый, где Петьке и его сверстникам, проучившись год, предстояло стать второклассниками, был забит до предела приземистыми, покрашенными черной краской партами, на которых разместилось тридцать пять учеников. В других классах было чуть свободнее, но не очень... Школа двухэтажная. На первом этаже расположились два самых шумных, вечно гудящих, как потревоженные ульи – второй и третий классы. На втором – первый и четвертый. Дверь в старший – четвертый, была посередине стены с левой стороны первоклашек, потому что как только прозвенит звонок сторожихи – тети Зои, четвероклассники, сшибая друг друга, сломя голову, бежали занять свои места до прихода в класс Таисии Андреевны. Ведь она, входя в класс, тотчас же закрывала входную дверь на огромный железный крюк. И поэтому вход опоздавшим, за исключением учительницы четвертого класса – Полины Владимировны, был закрыт до звонка на перемену. Опоздавшие, слегка потянув на себя дверь, убеждались, что она закрыта. Где они прятались в течение всего урока, никто не знал. А прятаться таким нужно было обязательно! Попасть на глаза даже сторожихе – тете Зое, которая могла отвести тебя в учительскую, а там представить самой Вере Петровне, зав. школой, было равносильно медленной казни в течение всего пропущенного урока со слезами и обязательными обещаниями: «Больше не буду!» Мало того, Вера Петровна такому ученику еще устраивала настоящий экзамен по всем положенным предметам. Так что таким провинившимся никто не завидовал.

По мнению Петьки, самым строгим существом в «поповской» школе была сторожиха – тетя Зоя, страж чистоты и порядка. Каждое утро тетя Зоя, вооруженная березовым голиком в правой руке и мокрой тряпкой в левой, стояла у входа в школу и придирчиво приглядывалась к обуви школьников, пытающихся любым способом пронырнуть в дверь. А тем, кто не выполнял ее справедливых «указаний», тетя Зоя, не задумываясь, наотмашь хлестала голиком или мокрой тряпкой по «хлестким местам» неряшливых «клиентов». Так она называла учеников, которых еще не знала по фамилии, или тех, кого иногда путала с кем-то другим. Долгое время тетя Зоя работала прислугой при «чайной», которая еще в царское время располагалась в большом угловом доме на рыночной площади Слады. При советской власти «чайную» закрыли и организовали в ней школу первой ступени, и она называлась у сладинцев просто «чайная школа». Поскольку бывшую «чайную» знали почти все, то и к новому названию школы привыкать не нужно было – «чайная школа» и всё! В бывшей чайной тетя Зоя привыкла называть своих посетителей, как и положено, «клиентами». Употребляла она это слово и на новом месте своей работы, в школе № 2 или, как называли ее по-прежнему, «поповской».

– Горбунов, вернись! Вытри как следует! – придиралась тетка Зоя к очередному «клиенту».

– Я уже два раза вытирал!

– Я тебе дам два раза! – замахиваясь голиком на третьеклассника, возмущалась тетка Зоя, отталкивая его от двери.

Горбунов нехотя возвращался к грязной, донельзя замызганной тряпке, в которой едва угадывалось пришедшее в абсолютную негодность чье-то пальто, пытаясь носком ботинка найти более чистое место. Но тряпка во всех складках была забита грязью настолько, что Горбунов тут же раздумав воспользоваться ей, шмыгнул в дверь, улучив удобный момент вслед за девчонкой в новых желтых ботинках, к которым тетя Зоя совсем не придиралась.

– Проходи! Проходи! – слышалось вслед за учеником в опрятной обуви, – а ты, клиент, вернись, вытри, как следует! – строго заметила тетка Зоя Афоньке, пытавшемуся с независимым видом проникнуть в школу.

Афонька неубедительно что-то пробурчал себе под нос, пошоркал для виду подошвами своих ботинок по грязной тряпке, посмотрел на тетку Зою, тихо спросил:

– Можно?

– Как твоя фамилия?

– Голанов.

– Проходи, Голанов!

Надо отдать должное стражу чистоты и порядка – тетке Зое: спросив фамилию «клиента», она уже ни разу не ошибалась, называя его. За исключением тех учеников, которые были слишком похожи друг на друга. В таких случаях, чтобы не терять время

на «воспоминания», тетя Зоя называла таких «клиентами». Но в конце концов и они приобретали настоящие имена.

Петька всегда, еще издали заметив тетку Зою, вытирал свои сандалии с особой тщательностью о полянку на порядочном расстоянии от входа в школу и представал перед взором стража чистоты и порядка в самом лучшем виде.

– Проходи, клиент!

С первых дней пребывания в школе Петька помнил и никогда не забывал наказ матери: «Будь послушным, вежливым и всегда здоровайся с учителями!» Первое время Петька терялся, принимая за учителей некоторых старшеклассников: «Ой, сколько их! Только успевай здороваться!» Но делать нечего, надо выполнять материн наказ! И Петька выполнял с нескрываемым страхом и уважением, принимая некоторых четвероклассников за настоящих учителей. Но однажды такой «учитель» спросил Петьку после того, как он поздоровался с ним:

– Тебе показать Москву?

– Ага, покажите! – тихо попросил Петька.

«Учитель», сжав пальцы в кулак, с силой провел им по Петькиным вихрам от лба до затылка, а затем перед самым носом чуть не плачущего от боли и обиды Петьки показал кукиш.

Чуть позже Петька уже без особого труда отличал настоящих учителей от великовозрастных учеников старших классов и сделал вывод: «Учителей настоящих в школе всего четыре, и их бояться не надо. Они добрые, как наша Таисия Андреевна. Но здороваться и уважать надо, мама правильно учила!» И еще есть самая главная учительница – Вера Петровна, ее заведующей называют. Она строгая и на мужика смахивает, потому что здорово выросла, но она всё равно женщина, так как сарафан и кофту носит, ботинки женские.

Но самым строгим, самым требовательным существом в школе, по мнению Петьки, была все-таки тетка Зоя – сторожиха, уборщица и она же еще и повар. Тетка Зоя была тоже, как и заведующая, высокой, тощей, как жердь, и тоже «смахивала» на мужика. Строгости тетки Зои могли позавидовать даже работники милиции поселка Новая Слада. Поэтому большинство школьников, особенно младших классов, побаивались сторожихи не менее, чем самой зав. школы – Веры Петровны. Еще издали, заметив у входа длинную, прямую, как оглобля, фигуру в синем застиранном халате, ученики вздрагивали, а их ноги как бы сами собой искали что-нибудь такое, чтобы немедленно вытереть ноги. Но несмотря на Петькин вывод, самой строгой и самой требовательной, как и полагалось, была все-таки Вера Петровна, зав. школы. Ростом и худобой она не уступала сторожу, но, не в пример ей, была одета всегда строго, нарядно и аккуратно: в черный шерстяной сарафан и светло-серую кофту с нарядной брошкой, пришпиленной к тощей груди – плоской, как у чахоточного мужика. Вера Петровна каждое утро обходила школу неторопливой степенной походкой, слегка покачивая вправо и влево седую, с короткой прической голову. Казалось, что ее серые, немигающие глаза ничего не видели, но это было обманчиво. Увидев беспорядок, Вера Петровна, не повышая голоса, тут же делала замечание:

– Исаев, подбери бумажку!

И бумажка в один миг исчезала.

– Гущина, поправь воротничок!

И тут же воротничок Гущиной приобретал положенный вид.

При появлении «зава» в классе или же на лестничной площадке, где школьники наслаждались короткими переменами, играя в «чехарду» и другие «культурные мероприятия», становилось настолько тихо, что была слышна бившаяся в окно над лестницей муха, невесть откуда взявшаяся в такое позднее время года.

За глаза Веру Петровну школьники называли коротко «зав», вкладывая в это короткое слово неминуемую угрозу или сигнал «бедствия».

– Убирай, ребята, зав идет! – шипели школьники-сигнальщики, завидев седую короткую прическу Веры Петровны, поднимающейся по лестнице.

Если же по лестнице шла тетка Зоя, сигнал поступал несколько измененным:

– Робя, «гав» идет! – и тут же все затихали.

ГЛАВА 9
НЕ РАДУЙСЯ НАХОДКЕ. НЕ ТУЖИ – ПОТЕРЯЛ

Всю ночь моросил мелкий дождь. Мглистое, серое утро и без единого просвета небо расстроили Петьку.

– Как я доберусь до школы? – вопрошал он, выйдя из дома. – Афоньке хорошо, у него калоши... Мама обещала тоже купить мне калоши, но что-то не получается с этим делом. Видно, денег нет. А может, калоши в «Первом номере» еще не выбросили.

Осторожно ступая по грязной размокшей тропинке, обходя стороной большие лужи, чтобы не запачкать свои старые сандалии, Петька наконец-то вышел на Афонькину улицу.

– Не пойдет сегодня Афонасий: насморк у него и голова болит, – объявила тетка Анна, Афонькина мать.

Петка размышлял: «Как же так? Еще вчера они с Афонькой делали клетку для ловли синиц, а тут вдруг... заболел! Что делать, ждать Сашку Волина или пойти в школу одному?»

Но тетка Анна, догадавшись о причине Петькиной растерянности, добавила:

– Волин заходил, я его в школу направила, что ему тут под дождем торчать? И ты иди, а то

еще опоздаешь. Дорога-то, вон какая – грязь сплошная!

Петька довольно благополучно прошел весь путь до переулка с кузницей, не запачкав своих сандалий и уже ликовал, что у входа в школу к нему не придерется тетка Зоя. «Может даже похвалит!» – подумал он. «Вон клиент Степанов издалека пришел, а обутки сберег, не то что...» Петьке вдруг захотелось, чтобы на этом месте «не то, что...» был обязательно Борька Башков! – этот холеный, вечно жующий белые ватрушки «клиент». Борька ходит в школу в новых коричневых ботинках, купленных точно по его ноге. Или... пусть Лапин Сашка попался бы, это тоже хороший «непман». У него тоже ботинки новые и в придачу хорошие сапоги. Размышляя таким образом, Петька не заметил, как миновал последний переулок, небольшой отрезок Неумойки и вышел, как всегда, к Александровской церкви, а там до школы – рукой подать! «Не опоздал! – обрадовался Петька. – Вон школьники идут, совсем не торопятся.

Забыв о всякой предосторожности, встретив на пути довольно широкую глинистую лужу, взбитую колесами телег, Петька решил одним махом преодолеть ее. «Еще не через такие прыгал!» – подумал он, увидев к тому же двух девчонок из их класса: Полинку Исаеву и Верку Костину – и... прыгнул! В первое мгновение Петька подумал, что чересчур старался, лужа оказалась не настолько широкой, чтобы преодолевать ее и так стараться... Но в этот момент левая нога, коснувшись глинистой тропы мгновенно скользнула в сторону. Потеряв опору, Петька невольно, чтобы совсем не потерять равновесие, ступил правой ногой в самую середину лужи и пришлепнул левой сандалией, да так, что полетели брызги. Крепко встав на обе ноги, Петька оказался полностью в грязи. «Хорошо еще, что не упал, и девки не увидели, а то бы всему классу наболтали. Ну что теперь делать, «клиент»? – с издевкой над собой подумал Петька. Кое-как выбравшись из лужи, Петька увидел вблизи церковной ограды большую калужину довольно чистой, отстоявшейся воды. Подошел к ней. Быстро разувшись, сполоснул шерстяные носки, вымыл затем сандалии, но надевать не стал, а, свернув все в комок, сунул под дощатый школьный забор, примыкающий выступом к церковной изгороди. Ополоснув в холодной воде ноги и чуть отжав мокрые концы штанов, босиком направился в школу.

Тетка Зоя, глянув на Петькины ноги, совсем не придралась, чего страшно боялся Петька, а только, покачав головой, сказала:

– Проходи быстро!

К половине первого урока Петькины ноги горели, как поджариваемые на костре. Он сидел за партой и прятал их, иногда поглядывая с великой завистью на обувь ребят что сидели слева: «Верка в ботинках, они у нее совсем еще новые и чистые, у Полинки горки и тоже чистые».

Быстро решив задачку, воспользовался моментом, когда близорукая соседка Нюшка, высунув язык, вся прильнув к парте, выводила последние цифры, Петька посмотрел направо, и у него сразу отлегло от сердца: сосед Мишка Новожилов тоже был босиком! Подсохнувшая желтая глина на Мишкиных ногах теперь вполне сходила за приличные ботинки добротно сшитые по нужному размеру. «Зря мыл, – с сожалением подумал Петка, – сейчас бы тоже сидел в таких, как у соседа, «ботинках»!

Четыре сегодняшних урока, как никогда до этого, тянулись медленно, нога из-за ноги.

Две перемены Петька просидел за партой, не показывая посторонним своих голых ног.

– Ты чего, Степанов, сидишь всё время за партой? – с возмущением заметила Петькина соседка Нюшка во время большой перемены. Может, ты ждешь, когда тебе за парту обед принесут? Не велик барин, иди сам получай, а то всё разольют! Вон уже некоторые по второму разу за добавкой лезут!

Петька бы встал, его уговаривать совсем не надо было, так как он уже решил выйти из укрытия с голыми ногами. Но Нюшка, приспосабливая свою чашку с похлебкой на покатой доске парты, стояла уже целую минуту на Петькиной голой ноге.

– Ты чего пялишь на меня глаза, Степанов?

– Вовсе не пялю, а жду, когда ты мне «ботинок» освободишь.

– Так бы и сказал, что я тебе на ногу наступила, а то молчит. Иди скорее!

Петька быстро вскочил, схватил с окна свободную миску с выщербленным краем. Это оказалась Афонькина глиняная чашка, а в Петькиной миске булькался, вылавливая что погуще, Валет – Рамцов Валька, который совсем не имел миски, а пользовался той, какая на сегодняшний день оставалась свободной.

Напрасно Петька переживал, что все будут смотреть на его необутые ноги. Ученики, занятые обедом, даже не заметили Петькиного «греха».

Покончив с обедом, Петька неожиданно заметил, как в классе стало совсем светло.

– Это, наверно, оттого, что я поел, – этим важным «открытием» он поделился со своей соседкой.

– Глупости говоришь, Степанов! От такой похлебки не посветлеет! Светло от того, что на улице уже второй час снег идет. Пойдем смотреть?

И только тут Петька заметил, как многие ребята смотрели в окна, приветствуя раннее наступление зимы.

– Подумаешь, снег! Невидаль какая! – ответил Петька соседке.

После звонка, известившего об окончании уроков, Петька

решил подождать, пока все не уйдут из класса, и одновременно решить домашние примеры по арифметике.

– Степанов, ты почему домой не идешь?

– Сейчас пойду, Таисия Андреевна, вот только пример дорешаю.

– А почему не дома?

– У нас дома керосин кончился, а в электричестве накала нет, – вывернулся Петька. Он вспомнил, как вчера мать мимоходом заметила: «Вот и керосин на исходе!»

– Ну ладно, Степанов, решай, да не засиживайся!

Петька подождал еще немного. Школа затихла. Только в соседнем, четвертом, шел урок. Учительница диктовала интересный рассказ, повторяя, к Петькиному сожалению, одну и ту же фразу по несколько раз. Петка, прислушавшись, ждал, чем там всё закончится, но, вспомнив, что ему предстоял путь с голыми ногами от школьного крыльца до угла забора, где были спрятаны его сандалии и носки, заторопился.

– Только бы не встретить тетку Зою! – подумал прежде всего Петька, спускаясь с лестницы.

Но опасения его были напрасны. В это время, «гавшколы», как единственный «свидетель» голых Петькиных ног, где-то отсутствовала. Если бы тетка Зоя вновь увидела его босиком, то, наверное, подняла шум и скандал: «Куда родители смотрят? Босиком... зимой!» Петьке везло. Тетка Зоя, вооружившись ведром и тряпкой, орудовала у второклассников. Это Петька увидел в полуоткрытую дверь класса и быстро выскользнул на улицу.

В другое бы время Петька обрадовался этой ослепительной белизне первого снега и мириадам пушистых снежинок, плавно парящих и лениво падающих на землю, уже покрытую толстым слоем первого снега. Но на сей раз ему было не до красот.

Быстро, по-заячьи, в несколько прыжков он очутился у того места забора, где прятал свои сандалии и уже представлял, как напялит холодные и липкие, «набухшие» от влаги носки, а затем и сандалии. Но, сунув руку под забор, Петька не обнаружил своей «похоронки». Еще не теряя надежду, он заглядывал под нижние доски, разрывал снег, но всё было тщетно. С унынием и испугом он посмотрел на собственные следы – грязные отпечатки, оставленные и наторенные им около забора, принял «героическое» решение – мчаться во весь дух до самого дома. И тут же подумал, что Мишке Ножилину хорошо, он живет совсем рядом, на Банной улице, а ему бежать в самый конец Слады.

– Добегу до кузницы, а там отогреюсь! Хорошо бы Иван Семенович там оказался! – размышлял Петька, сверкая голыми пятками. – Если бы еще книжек не было, совсем хорошо! Только ноги сильно онемели... Добежать бы до кузницы... там железная колода с теплой водой, где клещи Иван Семенович остужает. Вот и переулок! Ура!

Вот, наконец, и сама кузница, но почему она закрыта?

Подбежав к двери, Петька мельком глянул на свежий след, идущий от двери. «Ушел дядя Ваня!» – с ужасом подумал Петька, не зная, что предпринять. Он, переминаясь с ноги на ногу, еще раз глянул на дверь и увидел не замок, на который обычно закрывалась кузница, а деревянную «затычку», просунутую в пробой, и сразу сообразил:

– Иван Семенович где-то недалеко, если закрыл дверь на деревяшку. Я открою и потом, как отогреюсь, снова так же закрою.

Проникнув в кузницу, Петька прежде всего ощупал воду в колоде: «Теплая! Как раз то, что надо. И тут же забрался в нее, приподняв штаны.

Сначала ноги не ощущали ничего: ни тепла, ни холода. Но, постепенно отогреваясь, Петька ощутил в них живую силу и даже стал чувствовать какие-то мелкие обрубки под подошвами и стал отгребать их в сторону. Минут через пять Петька вышагнул из колоды, вытер насухо какой-то мешковиной ноги и, не мешкая, вышел на улицу. Подождав, пока какая-то тетенька с ведрами, не обращающая на Петьку никакого внимания, минует кузницу, быстро закрыл дверь на прежнюю деревяшку, стремглав бросившись по переулку в направлении к своему дому.

– Ты чего сандалии-то снял? – спросила мать, когда Петька ворвался в избу.

– Промочил немного.

– Как не промочить, вон слякоть какая! Иди скорее в баню! Там отец с Васюткой домываются. Штаны и рубаху на смену принесу сама. Иди быстро!

Бросив сумку с книжками, Петька побежал в баню: «А ноги-то у меня совсем отогрелись! Ну, да ладно, помоюсь заодно!»

После того, как все Степановы перемылись, мать спросила Петьку:

– Куда ты свою обутку дел? Всё кругом обыскала.

– Не надо мне больше сандалии, в них холодно.

– Сама знаю, что холодно. Куда ты их сунул?

Но в это время в окно кто-то постучал, и мать, забыв про Петькины «обутки», подошла к окну:

– Заходите, у нас не закрыто!

Оказалось, что пришла тетка Дуся, старшая сестра Афоньки Голанова, чтобы списать школьное и домашнее задание для больного Афоньки.

– Что с братишкой-то? – спросила Петькина мать.

– С утра жар был, видимо, температура высокая. А сейчас немного получше, бродить по избе начал. Вот послал к Петруське списать задание, отстать боится.

– Вы его горячим чаем с малиной напоите, – посоветовала

мать и уточнила, – малина-то у вас есть? А то дам.

– Есть, есть, не беспокойтесь, тетя Тоня. Мы его уже напоили.

Манька спросила у Петьки, что они делали в школе и какое задание дали на дом. А потом всё списала на бумажку и отдала ее Афонькиной сестре. Дуся попрощалась и ушла домой. А Петруська думал: «Хорошо, что завтра воскресенье, а то бы совсем беда! Может, еще растает снег? Должен растаять! Тогда схожу, посмотрю около забора, может, где-нибудь вытаяли мои сандалии? Если даже их увидит кто-то, всё равно не позарится! Это точно! Кому нужна такая обутка?»

До самого вечера моросил теплый не по-осеннему, дождь. Снег почти стаял всюду. А к ночи дождь перестал. Поднявшийся ветер к утру подсушил тропинки и дороги.

Петька проснулся и, не дожидаясь завтрака, выбежал на улицу: «Сбегаю до школы, посмотрю. Может там еще у забора сандалии мои дожидаются».

Миновав кузницу, на дверях которой висел замок по причине выходного дня, Петька вскоре оказался около школьного забора. Осмотрев всюду, где только можно предположить: заглядывал под забор, во двор школы, во все щели, но всё было напрасно: Петькина «похоронка» исчезла бесследно.

– Ты чего тут шаришься?

Внезапно услышал Петька знакомый голос и оторопел:

– Я... я... я... тут... – мямлил Петька, понуро стоявший перед сторожихой школы теткой Зоей.

– Пойдем! Я знаю, что ты ищешь. Почему вчера не спросил меня и босиком убежал? Разве можно так? Да еще в такую даль. Можно совсем простыть, чахотку в раз заработать! – без умолку говорила тетка Зоя, подталкивая Петьку к дверям школы. – Стой тут! – сказала она наконец, когда Петька оказался внутри, около школьной лестницы.

Тетка Зоя быстро сходила на кухню и вынесла оттуда Петькину пропажу.

– На вот, держи! Всё сухое и чистое. Еще вчера к концу уроков всё сухое было, а ты вот удрал, – покачивая из стороны в сторону седой головой с укоризной, заметила тетка Зоя. Я убиралась, а сама высматривала, когда ты появишься. Смотрю, ваш класс вместе с Таисией Андреевной выкатились, а тебя нет. Ну, думаю, просмотрела клиента! Удрал. Чертенок! Ты сначала вымой ноги, как следует, да вытри. На вот тебе тряпку, – строго советовала тетка Зоя.

Петька молча повиновался, слушая добрую, ворчливую речь тетки Зои и размышлял: «Какая же она злая? Она добрая, это только казалось. Совсем такая же, как моя мама или наша учительница Таисия Андреевна. С такими не пропадешь!»

– Обулся? Вот и хорошо!

– Хорошо! – согласился Петька и, немного помолчав, добавил, – спасибо, тетя Зоя!

– Не за что!

– Я пойду.

– Иди, иди, голубчик, да осторожней, не запачкай обувь-то.

– Постараюсь, – ответил Петька и направился домой.

Так никто из Степановых и не узнал о Петькиной «потере и находке».

Погода снова наладилась. Ночи стояли прохладные, днем, хотя и не грело, но было солнечно и сухо.

Целую неделю Петька ликовал, что всё обошлось, как нельзя лучше. К тому же совсем выздоровел его дружок – Афонька. Теперь они снова втроем ходят в школу, а иногда заглядывают в заветную кузницу.

В один из вечеров, когда в доме Степановых все были в сборе, за исключением отца, который почему-то задержался на работе, мать спросила Петьку:

– Что бы ты, Петруська, сейчас хотел?

– Картошки жареной с луком и стакан молока, – ответил, не задумываясь, Петька.

– Да я не о том, – засмеялась мать. – Ты скажи, может тебе что-нибудь из обуви надо?

Петька подумал немного и ответил:

– Не надо мне никакой обутки. До настоящего снегу в сандалиях прохожу, а там видно будет, – как можно серьезнее ответил он.

После обеда Петька, выполнив домашнее задание, забрался на печку, где младший брат забавлялся с котом Тишкой.

– Ты мне мышку раздавил! – возмутился Васька.

– Какую мышку? – вскочил Петька, представив под собой настоящего мышонка.

– Какую, какую! Бумажную, на веревочке.

– Так бы и сказал, что бумажную, а орешь, как будто я настоящую раздавил.

– Трудно учиться? – спросил Васька, сморщив лоб и, видимо, ожидая утвердительно ответа, добавил, – я бы так не смог!

– Вовсе не трудно. Я сначала тоже так думал. А сейчас совсем не думаю, учусь, да и всё.

– Если не очень трудно, то на будущую осень и я пойду.

– Учиться никогда не поздно, будем вместе в школу ходить.

В тот вечер, беседуя с братом, Петька не заметил, как уснул. Васька несколько раз будил его, задавая всё новые и новые вопросы, а ответив, тут же засыпал снова. Проснулся Петька от какого-то восторженного шума и громких разговоров:

– Вот это обновка! Будет радости у Петруськи! – с восторгом говорила мать.

Петька спрыгнул с печки и, не веря, что это не сон, с затаенной радостью смотрел на средину избы, где на полу стояли настоящие, на его ногу кожаные сапоги!

А брат Васька уже сидел рядом и примерял на свои ноги новые коричневые ботинки, неумело зашнуровывая их.

– Кому это? – с замиранием сердца спросил Петька, показывая на сапоги.

– Кому же еще, как не тебе?

– Мне!? – удивился Петька, схватив обновку, сел рядом с Васюткой, чтобы тут же примерить.

– На вот, надень сначала носки. С носком они будут тебе как раз! Года на два с лихвой хватит!

Петька торопливо натянул шерстяные носки и ловко обул сапоги, пахнущие новой кожей и дегтем. Радость переполняла Петьку до краев! Он не знал, что и сказать отцу за такую щедрую обновку, но всё же набрался духу и сказал не совсем кстати:

– Сандалии тоже пусть за мной останутся. Пока погода не наладится, в них похожу. Не буду же я новые сапоги по грязи таскать? Сапоги беречь надо!

Но на следующий день Петька не утерпел и вырядился в новые сапоги, а там и совсем «забыл» про свои старые сандалии, ходил в школу в обновках.

ГЛАВА 10
ШКОЛЬНЫЕ ОБЕДЫ

Каждый день, ближе к большой перемене, по всей школе, тревожа голодные ребячьи желудки, разносился дух общественной похлебки. Этот запах, уже ставший привычным, проникал всюду, даже до самого отдаленного четвертого класса.

За пять минут до звонка на большую перемену дежурные из числа самых рослых и ловких школьников мчались вниз по лестнице с «классными» железными бочками за положенным супом. Кухня, тесная и душная от паров кипящей похлебки, соединялась со школой одностворчатой дверью и выходила прямо на среднюю лестничную площадку. Поэтому дежурным с верхнего этажа нужно было вовремя сбавлять свою прыть, чтобы не угодить прямо к кипящий котел. Тетка Зоя, главный школьный шеф-повар, вооруженная большим «конским» ковшом, насаженным на еловый черень, ловко разливала по бочкам дымящееся паром и резко пахнущее перепаренным луком «долгожданное» «едево».

– Смотрите, поосторожней! – советовала она каждый раз провожая взглядом дежурных, подхвативших с кухонного приступка наполненные бочки.

В Петькином первом классе бессменными дежурными по доставке похлебки были одни и те же ученики, рослые и ловкие: Лидка Загоскина, Лёнька Волчков, Колька Рамин, Сашка Козлов и Афонька Голанов. Посуду мыли специальные «дежурные» добровольцы из числа самых «хозяйственных» и доброжелательных учениц. Но в этом не было большой необходимости, так как чашки, миски и прочая посуда вылизывались настолько чисто, что мытье практически не требовалось. Ложки ученики приносили из дома со всеми школьными принадлежностями в сумках и заплечных ранцах. И если ручки и карандаши терялись и ломались, то уж ложки всегда были в исправности и в полной боевой готовности.

Продукты для приготовления обедов приносили из дома каждую субботу сами школьники по соответствующей норме неизвестно кем установленной:

Крупы (любой) – полфунта (200 г)

Лук – 3 шт.

Картофель – 6 штук

Соль и лавровый лист – по желанию

Рыбу и мясо, кусочки которого иногда все же попадали в мисках учеников, доставляло загадочное и недоступное для разумения младших школьников «Районо». Это загадочное учреждение произносилось школьниками в несколько измененном виде «Оно-Рай». Это «Оно-Рай», видимо, было далеко от земных запросов, опекаемых им желудков будущих граждан, так как порой забывало о своевременной доставке «земных» продуктов. В этих случаях общественная похлебка не только не сверкала жировыми блестками, но и не вызывала соответствующего восторга. Мало того, как бы в отместку равнодушному и нерадивому «Оно-Раю» в общественной похлебке обнаруживались иногда головные уборы учащихся: фуражки или шапки – в зависимости от сезона. А однажды тетка Зоя, разливая похлебку по классным бочкам, зацепила валенок с прикрученным коньком-«снегурочкой». Хозяин валенка, конечно, быстро нашелся. Им оказался ученик четвертого класса Мишка Исаев, который, разумеется, как пострадавший, к этой злой шалости не имел никакого отношения. После подобных происшествий дверь кухни стали закрывать на крепкий засов до самого момента раздачи пищи, и поэтому скорость движения на отрезке лестницы перед кухней мгновенно оживилась, так как исчез риск попасть в кипящий котел с общественным варевом.

В горячей пище, приготовленной на школьной кухне, в этой общественной похлебке, нуждались не все: многие жили рядом – недалеко от школы, такие успевали за время большой перемены насытиться у себя дома. Другие, из особо зажиточных, которых ученики называли «нэпманами», приносили с собой бутылочки молока или сливок со всякой сдобной стряпней. Но таких было немного. Забившись куда-нибудь в уголок, чавкали эти «нэпманы», торопливо проглатывая принесенный ими обед, вызывая неподдельную зависть у полуголодных сверстников. А после того, как Исаевская «снегурка» побывала в общественном котле, охотников до школьной похлебки стало и того меньше.

Вере Петровне, заведующей школой, пришлось изрядно поломать голову, прежде чем обнаружить злоумышленника, сделавшего такую непростительную шалость. Об этом же думали с ве-

ликим возмущением все имевшиеся в школе учителя, да и школьники горели желанием наказать «вредителя» по самой высшей мере, только бы он попался! Но время шло, и теперь уже казалось, что никто и никогда не выяснит этого пакостника. Но он все-таки нашелся! «Не зря Веру Петровну самой главной учительницей поставили! Неспроста она зав. школой является! Всё разгадала!» – подумал тогда Петька. Вера Петровна очень хитро сделала: узнала, кто не ест школьной похлебки, тот, значит, шапки и валенок в котел бросил! «Это же просто», – размышлял Петька. Она быстро собрала таких и дала всем по обыкновенной спичке из коробка и сказала:

– Я дала вам всем по одинаковой спичке. Тот, у кого эта спичка немного вырастет, то есть станет немного длиннее, тот и есть пакостник, именно он тот, кто бросает в котел всякую гадость! А сейчас идите! – сказала Вера Петровна. – А через пять минут я вас позову.

Когда прошло пять минут, Вера Петровна отобрала у всех эти выданные спички и тут же сказала:

– Ты, Рамильцев, и ты, Волчков, останьтесь, а остальные можете идти в класс, если вам сказать нечего.

Лешка Волчков и Валька Рамильцев второгодники. Они уже второй год в первом классе, поэтому Лешку Волчкова зовут «дядя Леша», а Рамильцева – «Валет второй». Вот они и побоялись, что выданные им спички обязательно вырастут, поскольку они и есть настоящие пакостники. Поэтому они свои спички немножко пообкусывали, чтобы они показались покороче. Но, видимо, оба перестарались, так как Вера Петровна тут же их самих раскусила:

– Кто из вас бросил в котел валенок? – строго спросила Вера Петровна.

– Я валенок не бросал, – заявил Лешка Волчков, – я только пнул шапку. Она на лестнице валялась... Может, нечаянно попала в котел, я не заметил.

– Я спрашиваю, кто из вас бросил валенок в котел? – снова спросила Вера Петровна.

А сама в это время стала внимательно разглядывать Алешкину и Валькину спички.

Рамильцев тогда поглядел на ладошку Веры Петровны, где была и его злополучная спичка, страшная улика, тут же признался:

– Я, – сказал он, потупившись.

– Оба идите домой немедленно и приведите родителей. Без матери или отца в школу не являться! – строго наказала Вера Петровна.

Всё так и было, как рассказал Петька об этой истории.

На следующий день Волчков привел в школу отца, а тот при всем классе снял ремень со своих брюк и приказал Алешке спустить штаны.

Алешка сначала было заартачился, но, увидев, как его отец перевернул ремень так, что пряжка могла до него достать, быстро расстегнул пуговицу своих штанов и при всем классе показал голый зад:

– Я тебе покажу, как шапки в котел бросать! – приговаривал Алешкин отец перед тем, как очередной раз хлестнуть Алешку. – Я тебе покажу!

И не известно, чем бы это всё кончилось, если бы не Таисия Андреевна. Она подошла к Алешкиному отцу и отобрала у него ремень:

– Он больше не будет, – сказала она. Ведь правда, Волчков, ты не будешь больше бросать шапки в котел?

– Пр-раааа-вдаааа, не-е буудуу! – согласился Алешка.

– Смотри у меня! Дома я еще с тобой побеседую! – сказал Алешкин отец и вышел из класса.

Все первоклассники – свидетели этого показательного урока, обсуждали горячо, хорошо ли обошлись с Алешкой Волчковым? Может, не надо было так сильно бить его? Может, как-нибудь по-другому наказать? А если бить, так полегче?.. И как было бы больней: ремнем с пряжкой сквозь штаны или по голому заду ремнем, но без пряжки? Но в конце концов решили: наказание справедливое! За такие дела, чтобы неповадно было и другим, стоит наказывать. Тем более, что вся школа сидит уже третий день без обеда.

Теперь оставалось подождать, как накажут «Валета». По слухам, распространяемым девчонками, валенок с коньком бросил в котел никто иной, как сам Рамильцев. Интересно посмотреть, как обойдутся с Валетом. С одной стороны, его жалко, как инвалида на костылях, а с другой, как пакостника, наоборот, совсем не жалко.

Но в тот день, когда наказывали Волчкова, Рамильцев в школу не пришел, а заявился вместе с матерью только на следующий день к концу занятий.

Все удивились, какая оказалась мать у Рамильцева, когда она вошла в класс: маленькая, сутулая, неряшливо одетая старушка, сопровождаемая Верой Петровной. Поклонилась удивленной Таисии Андреевне и тихо прошамкала ртом:

– Вот, пришла.

Эту печально-торжественную процессию замыкал сам «Валет». Погремев своими расшатанными костылями и «полупустым» сморщенным сапогом. Он встал, опираясь на костыли, втянув голову в плечи так, что она оказалась на одном с ними уровне.

Но, самое странное, как заметили ребята, Рамильцев ничуть не беспокоился за свою судьбу и будущее. Похоже было, он даже чуть улыбался. И этот факт, определили ученики, был немаловажным. После такого, следующий «показательный» урок мог оказаться не менее интересным.

– Что будем делать с вашим сыном? – обратилась Вера Петровна к матери Рамильцева.

– А «чё» делать? Ясно «чё»! Пороть надо!.. Я «те» дам! – замахнулась она на Вальку, но не ударила.

– Вы как приходитесь Рамильцеву? – видимо, сомневаясь, что перед ней не мать, а бабушка, спросила Вера Петровна.

– Как это приходите? Вы сами вызывали, вот я и пришла. Явилась, не запылилась.

– Вы кто ему будете? Бабушка или мать? – переспросила Вера Петровна.

– Мать, кто еще? Я «те» покажу! – снова она замахнулась на «Валета», но не ударила.

Валет только чуть отшатнулся.

Мы вынуждены будем исключить вашего сына за хулиганство.

При таком заявлении Веры Петровны класс затих, ожидая дальнейших событий.

– Как это исключить? Да разве можно так? – возразила мать Рамильцева и снова замахнулась на него, – я те покажу! До чего довел! Я те покажу!

Видимо, осознав серьезность положения, Валька на этот раз уже не улыбался, и старушка вмазала-таки Валету по рылу, так что у него из носа брызнула кровь.

Вера Петровна брезгливо посмотрела на Вальку и его мать, достала из рукава носовой платок и отдала его Валету.

– Ладно, пока садись Рамильцев, мы еще с тобой поговорим.

– Я больше не буду, Вера Петровна, – промычал, хлюпая носом Валет.

– То-то! Смотри у меня! Я те покажу! Приди только домой! – сопровождаемая Верой Петровной и Таисией Андреевной Валькина мать вышла из класса.

Но не успела Таисия Андреевна закрыть классную дверь на железный крюк, как Валькина мать снова, приоткрыв дверь, высунулась и крикнула напоследок:

– Смотри, Николка! Дома тебе еще не то будет!

Все удивились, почему Валькина мать назвала непутевого сыночка «Николкой»?

Даже Таисия Андреевна удивилась и тут же спросила Рамильцева:

– Почему она тебя так назвала?

– Она всегда меня так называет, когда шибко сердиться, – ответил Валет, шмыгая подбитым носом.

Позже ребята узнали, что приводил в школу Валет вовсе не мать, а совсем постороннюю старуху-нищенку, «нанятую» им «побыть матерью» за рублевку, которую ему одолжил Лешка Волчков под проценты: 10 копеек за каждую истекшую неделю с момента взятия суммы. Но Валет в течение целого месяца не мог вернуть всё возрастающий долг, выражающийся уже трехзначной цифрой – 1 рубль 40 копеек.

А когда положение Валета укрепилось, учителя во главе с Верой Петровной и учащиеся начали забывать его «выходку», Рамильцев отказался платить не только проценты, но и основной долг – рубль.

Тогда обозленный Волчков выдал Валетову тайну всему классу, но было уже поздно – Рамильцев удержался в школе (довольно крепко).

– Я тебе морду набью, если ты мне не вернешь рублевку! – заявил как-то с угрозой Валету Волчков.

– Попробуй только! Тебя за такие дела сразу из школы выгонят. Ты давно у Веры Петровны на примете, – улыбаясь, ответил Валет.

И Волчков смирился, так как Рамильцев ему сказал еще напоследок:

– Рублевку твою я отдал этой нищенке за нас обоих. Пусть помолится за нас, чтобы мы с тобой еще на третий год в первом классе не остались!

ГЛАВА 11
ПОКУШЕНИЕ НА ОТЦА

Тот страшный день Петька запомнил на всю жизнь. И если бы он знал, что могло произойти с отцом в тот запомнившийся мартовский вечер 1929 года, он бы предпринял всё, чтобы отец не ходил в край Береговушки по какому-то странному вызову – «помочь затащить тяжелое бревно на строящийся дом». Да и не только он отговорил бы отца, но и мать, и сестренка Маруся. Петька помнит, что сказала мать тогда:

– Надумали на ночь глядя бревно затаскивать, что им дня не хватило?

А отец ответил:

– Зовут, значит надо.

И он ушел. Ушел, на свою погибель.

Через час, когда уже было совсем темно, прибежала соседка и, плача, кое-как выговорила:

– Антонида, Ильича твоего...

Соседка была так взволнована, что больше ничего не могла выговорить.

– Что произошло? Говори! – спросила перепуганная мать.

– Идите с санками, его, кажется, убили... – выговорила соседка.

У матери подкосились ноги, и она свалилась на пол, как подкошенная, заголосив:

– Ой, Господи! Что они с ним там сделали?!

Придя в себя, мать побежала в конец улицы.

Отец, раскинув руки, лежал на снегу без каких-либо признаков жизни.

Сбежавшиеся соседи попытались было поднять его, но кто-то посоветовал сначала вызвать милицию, а уж потом везти:

– Надо, чтобы следствие было сделано, а уж потом.

– А может, он еще живой, в больницу его надо!

Кто-то принес фонарь «летучую мышь», и тогда Петька увидел окровавленную голову отца. Из-под подбородка торчал

обломок железных вил, вместо рта клуб кровавой пены. Больше Петька ничего не видел, его прогнали:

Какая-то незнакомая женщина отталкивала его:

– Иди, мальчик, нечего тебе тут делать.

Это приказание «куда-то идти» вывело Петьку из оцепенения. Он еще раз глянул в ту сторону, где лежал отец, и увидел лишь освещенную руку. Она была сжата в кулак, и меж пальцев торчал обрывок какой-то тёмной тряпки.

– Иди, иди, мальчик! – снова прозвучал тот же повелительный голос. И Петька пошел домой.

– Что там с папкой? – спросил Васька, как только Петька переступил порог своего дома.

– Ничего. Наверно... в больницу придется, – уклончиво ответил Петька.

Отца действительно увезли в больницу. Там зашили самые большие раны и сделали перевязку.

Мать, вернувшаяся к обеду следующего дня, накормила Ваську и Петьку, в первый раз не ушедшего в школу.

– Как там папка? – спросил, кое-как насмелившись, Петька.

– Пока живой. Но в сознание не пришел. Так что лучше не спрашивайте, – с трудом выговорила мать и заплакала. – Осиротели мы! Ой, Господи! Одни остались!

Петька всю ночь спал урывками, и в этих обрывках короткого сна ему всё время снилось одно и то же. Какой-то знакомый мужик, лицо которого Петька так и не увидел, как ни старался, отбирал у отца кусок лацкана своего пиджака со словами: «Отдай, Ильич! Тебе он ни к чему, а мне еще пригодится!»

Вспомнив про эту темную тряпку, зажатую в отцовском кулаке, Петька спросил:

– Мама, а тряпицу от пиджака, что у отца в руке осталась, ты прибрала?

Мать посмотрела на Петьку с недоумением и ничего не ответила на такой, как ей показалось, «ничего не значащий вопрос».

Видя, что мать не поняла его или не придает значения сказанному, Петька попытался объяснить матери:

– По этой тряпке можно было бы узнать, кто бил папку.

– Не видела я, Петруська, никакой тряпки. А ты что, разве видел эту тряпку? – наконец, сообразив, о чем говорит сын, спросила она.

– Конечно, видел.

– Ладно, Петруська, я узнаю, поспрашиваю.

Мать снова ушла в больницу к отцу. Она несколько раз вспоминала о Петькином сообщении и каждый раз забывала.

Вечером того же дня пришла Таисия, чтобы заменить дома мать, и тут же отругала Петьку за то, что он пропустил занятия.

– Чего толку от тебя дома? Завтра же иди в школу! А то еще отец узнает, что ты уроки пропускаешь, не обрадуется.

Петька совсем не обиделся на старшую сестру – она, конечно, права.

– Что от меня толку? В школе лучше. Только бы отец выжил! – согласился Петька.

Проглотив комок горечи, при воспоминании об отце, Петька твердо решил:

«Завтра обязательно в школу... А потом... всё равно узнаю, кто бил папку. Я знаю, что сделать этому вражине!» И Петька всё свое свободное время придумывал «способы», как наказать этого «убивца».

Две недели не приходил в сознание отец. Однажды врач сказал матери:

– Приводи своих детей, пусть попрощаются, надежды нет, – с печалью посоветовал он.

Все Степановы сходили попрощаться с отцом. Пришла очередь Васютки и Петьки.

Мать привела их в маленькую палату, где на единственной койке лежал отец с забинтованной головой. Открытым от бинтов была только правая щека, нос и правый глаз, плотно прикрытый опухшим веком. Всё страшное, опухшее, почерневшее совсем не напоминало отца. В щель, образовавшуюся между складками бинтов, отец дышал тяжело и учащенно.

– Подойдите поближе. Поговорите с ним. Может, он услышит вас, – посоветовала мать, подталкивая легонько Петьку и Ваську ближе к койке, где лежал их отец.

– Папка, это мы с Васюткой к тебе пришли. Ты не болей! Мне сегодня отлично по математике поставили, – кое-как выговорил Петька, глядя поверх отцовских бинтов.

– Вот-вот, поговорите с ним. Он вас обязательно услышит, – советовала мать, продолжая вытирать ладонью льющиеся слезы.

– А мне «хорошо» по рисованию поставили и по математике обещали «отлично» в журнал записать, – высказался Васька, разглядывая бескровную руку отца, лежащую на синем больничном одеяле.

И вдруг, как показалось Петьке, лицо у отца слегка дрогнуло, тяжелое опухшее веко слегка приподнялось, и слеза выкатилась на темную опухшую щеку. Солнечный свет, падающий из единственного окна палаты прямо в лицо отцу, высветил эту слезу. Она, сверкнув голубоватой искрой, растворилась, исчезла в бинтах.

Заметив перемену в лице отца, пришедшего в сознание, как поняла мать, она быстро шагнула к кровати, наклонилась над лицом больного и уловила в еле слышном хрипящем шепоте:

– Спасибо... идите. Я приду.

Пробуждение отца внесло какую-то маленькую надежду измученной матери. Она проводила сыновей за дверь палаты, вернулась к отцу. Он лежал спокойно и, кажется, первый раз по-настоящему уснул.

А через два дня тот же врач сказал матери:

– Вы простите, Антонида Игнатьевна, что я так напугал вас. Я до сих пор не могу понять, какая сила в этом человеке! Как можно только выжить с такими ранами! Теперь самое страшное позади! Спасибо вам за веру и преданность! Он встанет, теперь я в этом уверен, как никогда.

– Это вам спасибо, доктор! – ответила мать. – А я что? Это моя доля и обязанность быть с ним до конца.

Почти два месяца пробыл отец в больнице. Пришел он домой сам. Бледный и неузнаваемый предстал перед своими. Страшные рубцы от ран на выстриженной голове: наискось по лбу и брови, глубокий шрам над левым глазом. Вместо крепких передних зубов, которыми отец мог когда-то похвастаться, зияла пустота. Когда отец пытался улыбнуться, то отсутствие зубов было страшным, чужим и непривычным.

Вечером пришли навестить отца его друзья: Алексей Сутырин и Федор Данилыч.

– Ильич, ты в суд подал на этих подлецов? – спросил Федор Данилыч.

– Мне не до этого было. Да и так, что толку? Одним словом, не собираюсь. Я сам виноват, – ответил отец.

– Да ты чего мелешь? – удивился Сутырин. – Его избили чуть не до смерти, а он еще себя виноватым считает.

– А то и виноват, что поверил, как мальчишка, клюнул на такую простую уловку. Какая может быть работа в такой темноте. А шел, чтобы отговорить их затаскивать бревно, думая, что в темноте и до беды недалеко. А тут совсем другое было задумано. Это только предлог был. Набросились, но я их всех разметал. Догадался, чем это пахнет, когда увидел у них в руках топоры и вилы. Но всё равно они бы меня не взяли, если бы не лестница, которую они набросили на меня сверху. Тут я немного замешкался, а дальше ничего не помню. Знаю только одно: их было четверо. Четвертый из них, что стоял поодаль, был мой «родственничек». Он и советовал тем, как со мной расправиться.

– Вот-вот, ты всё знаешь, так какого черта жалеешь их всех и этого гада, эту белогвардейскую...

– Не учите, ребята! Я сам знаю, что делать! – остановил отец Данилыча.

– Я то же самое ему говорю, не оставляй этого дела, не попускайся, – вмешивалась в разговор мать, – а он свое...

– Ну что толку? Дадут ему, паршивцу, пять лет и всё, а у него семья: двое ребят. Мне от этого легче не будет. Живой остался и ладно. Может, еще выкарабкаюсь и на работу пойду, – заключил отец, настаивая на своем.

– Не ладно говоришь, не ладно! – хлопнул от досады по коленке Сутырин. – Как будто у тебя семьи нет. Он, паршивец, о твоих детях не подумал, а ты? Не поймут тебя!

– Мы поглядим еще, чья возьмет. Теперь он, как червяк, будет извиваться, просить меня будет, чтобы я в суд на него подал. А я... еще подумаю. Посмотрю, кому лучше будет: ему или мне, как пострадавшему.

Прошло не большее месяца, как отец пришел из больницы. По всему было видно, что не всё хорошо у него со здоровьем. Ночами отец стонал, вставал с постели. Уходил во двор или огород. Целыми часами сидел на берегу на своей всё еще опрокинутой с прошлой осени лодке. И только утром, когда солнце поднималось довольно высоко над заводом, возвращался домой.

– Ребята, надо лодку опрокинуть, а то вся рассохлась. На воду толкнуть, – как-то сказал отец.

Петька и Васька быстро выбежали в огород, подбежали к лодке, но опрокинуть ее, как ни пытались, не смогли.

– Не кожильтесь, а то еще грыжу наживете! – сказала мать. – Сейчас Шурка подойдет, все вместе и столкнем.

Не успела подойти Шурка, как мать с помощью сыновей все-таки перевернула лодку. А чтобы она не «хрястнулась», ее придержал отец.

– Ты бы уж не лез, без тебя справимся, – заворчала мать.

– Не беспокойся! Я ведь еще с умом. Знаю, что делаю! – возразил ей отец.

Но всё равно было видно, что отцу даже такое пустяковое усилие не давалось просто.

Кстати пришла Шурка, и они вчетвером, без помощи отца, столкнули свою старую лодку. В нее тотчас же начала поступать вода.

– Ничего, замокнет, – утвердительно сказал отец.

Вечером того же дня, когда Петька собирался идти спать, к ним кто-то постучался. Отец сам подошел к окну и сказал кому-то:

– Подожди, я сейчас.

– Кто там? – спросила мать.

– Да это ко мне пришел товарищ из Полушат.

– Протокин что ли?

– Протокин, Протокин, – ответил отец и неторопливо вышел из избы.

Отец около часа просидел с кем-то на лавочке около дома. А когда вернулся, то все, за исключением матери, уже спали.

– Чего не пригласил Николу в дом? – спросила мать.

– Приглашал. Говорит поздно, да и торопился он.

– Ничего себе торопился! Больше часу с ним разговаривали. Я вон и самовар вскипятила, думала, в дом позовешь гостя.

Отец ничего не ответил. Но по всему было видно, что настроение у него было неплохое.

– Наверное, от того, что лодку сегодня столкнули, – подумала мать. – А то всё переживал за нее.

Но перед тем, как лечь спать, отец сказал матери:

– Мать, а ты знаешь, кто это ко мне приходил?

– Тебя не поймешь. Ты сам говорил, что Протокин приходил, а сейчас меня гадать заставляешь. Кто? Говори!

– Сам Сашук с повинной приходил!

– Да ты что!? На самом деле, что ли? – удивилась мать.

– На самом. Просил, чтобы я в суд на него подал. Извелся, говорит. Места себе не находит. Или откуп предлагал – пятьсот рублей!

– А ты?

– Что я? Прогнал я его. А он в ноги ко мне... Прости породственному. Всё по пьянке получилось... А я плюнул да и домой ушел.

– Ничего себе родственничек, – возмущенно заметила мать. – Отольются кошке мышкины слезки, недаром пословица говорит, – заключила мать. – Надо, надо было его судить, этого белогвардейского гаденыша. Ну да ладно и так, как ты решил... тебе виднее.

Как узнали несколько позже Степановы, родственник, что был повинен в покушении на отца, выехал вместе со своей семьей из Слады в «неизвестном направлении». Пришлось ему испытать всего, прежде, чем он принял такое решение. Соседи и знакомые отца смотрели на него с презрением всюду, где он только ни появлялся. Наконец, не выдержав презрительных взглядов и прямых угроз за содеянное зло, он уехал. Примерно через год пришла и другая весть. Умер Сашук от чахотки, а жена вышла замуж за другого. Видимо, отец оказался прав, что не подал на родственника в суд. Сашук сам себя наказал.

ГЛАВА 12
НОВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЛИ ЧТО ТАКОЕ КОММУНИЗМ?

Пребывая в «школьных» заботах: не опоздать бы, сделать бы вовремя домашние уроки, не забыть бы чего на следующий день в школу, Петька не заметил, как прошла зима и снова на улице слякоть. Весна – хоть бы хны! У него сапоги! Как только стаял снег, и немного подсохло, сапоги долой. «Поберечь надо, на следующий год пригодятся. Можно босиком в школу бегать, совсем немного осталось, вот-вот каникулы! Хорошее дело каникулы, – размышлял дальше Петька. – В школу ходить не надо. Делай, что хочешь! Можно с Петькой Журавлёвым на рыбалку ходить или просто на улице носиться! Лето есть лето! Хорошо бы перевели во второй класс! А вдруг оставят в первом на второй год? Нет, должно быть, не оставят. Таисия Андреевна только Волчкову однажды сказала: «Ты, Волчков, у меня единственный кандидат на третий год в первый класс!» Да еще Лидке Смолиной сказала: «Смолина, надо тебе поднажать, а то тебе не бывать во втором классе». Меня Таисия Андреевна не предупреждала и Афоньку с Сашкой Волиным тоже. Не один раз хвалила всех троих как примерных, оттого, что мы все трое хорошо примеры решаем.

Через несколько дней Петька прибежал домой восторженный:

– Ура! Меня перевели во второй класс! – крикнул он, вбежав в избу.

– Молодец, Петруська! – похвалила мать. Выучишься, тебе же польза будет. Ученому везде хорошо, а неученому везде плохо. Спасибо, что старался. Меня даже ни разу в школу не вызывали.

Первые дни каникул летели быстро, как ласточки. Петька помогал матери в огороде, купался с ребятами на пристани, ходил на мыс по грибы, побывал раза три на покосе и еще много всего делал, что сразу не вспомнишь. Под конец лета неожиданно заскучал по школе.

– Скоро ли в школу-то? Каникулы надоедать стали. Схожу к Афоньке, сходим с ним до школы, а то совсем скучно стало.

Но Афонька отказался.

– Выдумал тоже – в каникулы в школу ходить. Еще находимся, успеем. Меньше месяца до занятий осталось.

– Если не хочешь, я один схожу.

– Иди, больно мне нужно.

Петька сходил, не утерпел, но разочаровался. Школа стояла тихая, сиротливая какая-то. Ладно, до уроков не так много осталось.

Вот и первое сентября! Весь класс в сборе. Только не было Вальки Рамцова, он уехал вместе с матерью и сестренкой к отцу на Дальний Восток.

– Вот мы и второклассники, – сказала Таисия Андреевна. За лето, вижу, вы все повзрослели и, наверно, многое узнали. Не так ли? А теперь скажите, кто из вас знает, что такое облако? Поднимите руки, кто желает ответить на мой вопрос.

Весь класс молчал, и никто не поднял руки.

– Вот тебе и второй класс! Началось! Так что же такое облако? – обдумав вопрос, Петька робко поднял руку.

Следом за Петькой руку подняла соседка Нюшка, потом Афонька и Мишка.

– Отвечай, Нюра. Что такое облако?

– Облако это такое... это такое... ну как бы сказать... – мямлила Нюшка при затихшем классе, – это как будто молоко, – наконец ответила Нюшка под недоуменное перешептывание учеников.

– Таисия Андреевна, дайте, я скажу! – попросила Лидка Загоскина.

– Скажи, скажи, Загоскина!

– Облако я сама видела, когда с мамой по грибы ходила. Я его даже немного потрогала руками.

После того, как это сказала Лидка, класс сразу затих, ожидая разъяснения, что же такое облако.

– Продолжай, Закоскина, что же ты видела?

– Облако похоже на кисель. Я его рукой пощупала.

Первую минуту Петька позавидовал Загоскиной и опустил руку. Но в это время весь класс почему-то засмеялся вместе с Таисией Андреевной. Значит, ответ Лидки был не совсем подходящий. Он снова поднял руку.

– Степанов, отвечай! Теперь твоя очередь!

– Облако – это пар! – смело и коротко ответил Петька.

Такой ответ был слишком прост и, видимо, ребятам не очень понравился. Они загалдели – «подумаешь, пар, все это знают!»

– Ну что ж, в общем-то, правильно. Облако действительно пар, – подтвердила Таисия Андреевна. – Тогда скажите, кто смелый, откуда этот пар берется?

В классе снова стало тихо. Желающих ответить на новый вопрос не оказалось.

Петька хотел было поднять руку, чтоб дополнить к своему ответу уточнение – туман вместо пар. Но раздумал. Так как Таисия Андреевна тут же задала новый вопрос.

– Может, кто-нибудь скажет, отчего бывают тучи и дождь? Почему гроза бывает? Гром и молния отчего?

Класс продолжал молчать.

– А может кто-нибудь скажет, отчего затмение солнца происходит?

Но и на этот вопрос не нашлось охотника ответить. Но Таисия Андреевна, как видно, совсем не огорчилась. Мало того, она даже улыбалась.

– На такие вопросы не только вы, но и наши соседи третьеклассники не смогут ответить, так что не огорчайтесь, – успокоила всех Таисия Андреевна. – Это нам предстоит всё узнать в недалеком будущем. Для того мы и учимся. Но я хочу, чтобы вы смотрели на всё, что нас окружает (солнце, ветер, снег, град, дождь), с любопытством... Думайте, отчего всё это происходит, и самостоятельно ищите ответ.

На всю жизнь запомнил Петька Степанов эти слова.

Таисия Андреевна, добрая и строгая, всех своих учеников знала «за зубок». Знала, на кого надо иной раз «поднажать», заставить учиться, как следует. Говорила она, когда объясняла урок, совсем негромко, зная, что после того, как всё расскажет, обязательно спросит того, кто слушал не очень внимательно.

– Козлов, расскажи, о чем мы говорили сейчас?

И если ученик не мог ответить, замечала:

– Вот, видишь, ты сам себя наказал своим невниманием!

После этого в классе становилось совсем тихо, и Таисия Андреевна продолжала объяснять урок, не повышая голоса.

Петька и его друзья закончили второй класс с хорошими отметками. А когда пришли в третий класс, огорчились. Оказалось, что Таисия Андреевна покидает их насовсем, уезжает в другой город «по семейным обстоятельствам». Почти все плакали, особенно девчонки. Но Таисия Андреевна успокоила всех.

– Не расстраивайтесь так. Мне и самой жалко с вами расставаться, но что поделаешь, так всё складывается. Надо!

«Конечно, если бы не эти «обстоятельства», то Таисия Андреевна ни за что не покинула бы нас», – подумал тогда Петька.

– Вы не унывайте. Софья Семеновна, ваша новая учительница, совсем не хуже меня! Считайте, что вам повезло!

После ухода Таисии Андреевны из школы Петька долгое время не мог привыкнуть к новой учительнице. Ему казалось, что Софья Семеновна совсем некрасивая, строгая и придирчивая. «Такую мамой не назовешь, – думал Петька. – У нее, наверно, все мы плохие и ничему хорошему нас не научила Таисия Андреевна. Почти каждый день всех спрашивала и ко всем придиралась.

– Скажи, Волин... ответь на вопрос... плохо, надо больше читать. Костина, ты зубришь. Это не надо, мысль своими словами выражай. А ты, Загоскина, невнимательно прочла... А Волчков совсем не читал... Сейчас ловит слова и пересказывает, не понимая смысла.

Всё видела, всё понимала Софья Семеновна. Хотя слова новой учительницы и были справедливы, но всё равно казались какими-то «не нормальными».

Петька продолжал учить уроки: читать, писать, решать, что задано и удивлялся: «Почему его никогда не спрашивает Софья Семеновна. Всех спрашивает, а его обходит. Прошла уже целая неделя, а я только зря учу!» На следующий день после Петькиных раздумий его спросили.

– Степанов, к доске! – неожиданно сказала Софья Семеновна, как только начался урок математики.

Петька оторопел немного, поднялся из-за парты, стараясь не хлопнуть крышкой, очень волнуясь, подошел к доске.

Софья Семеновна порылась в учебнике и стала диктовать пример, поглядывая на Петьку, как тот старательно выписывает в аккуратный столбик цифры.

Продиктовав пример, Софья Семеновна, посмотрев на ручные часы, сказала:

– Решай, Степанов! Пять минут тебе.

Пример хотя и был новый, но Петька справился с ним уверенно в отведенное время.

– Молодец, Степанов! Садись.

В этот день Софья Семеновна еще дважды спросила его, и Петька ответил всё, как положено.

– К тебе совсем не придиралась она! – позавидовала Верка Костина.

В конце последнего урока Софья Семеновна спросила:

– Ребята, кто из вас живет близко к лесу? Поднимите руку.

Всех ближе к лесу жил только Петька. Он поднял руку и недоумевал: «Зачем Софья Семеновна задала такой вопрос?»

– Степанов, ты хорошо ориентируешься в лесу?

Хотя Петьке слово «ориентируешься» было не совсем понятно, но он ответил:

– Да, могу.

– Хорошо! Будем надеяться на тебя, как на проводника. Уточнив, где живет будущий «проводник» и в какой он их лес поведет, Софья Семеновна объявила:

– Собираемся завтра всем классом в восемь утра около заводского сада. Еды взять с собой на целый день. Одевайтесь попроще, «по-рабочему», в лес идем.

Еще не прогудел восьмичасовой гудок, а ребята уже собрались около ворот заводского сада. Иней посеребрил дощатый тротуар около входа. Было довольно прохладно, но солнце уже проглядывало сквозь стволы оголенных лип и сосен, предвещая хороший осенний день.

Все ждали, когда появится Софья Семеновна, и всматривались в прохожих, спешащих к заводской проходной. Это всё были служащие. Рабочие уже второй час стояли у станков, мартеновских печей, вообще, у своих рабочих мест. Но Софья Семеновна не показывалась.

– Может, она передумала? – предположил Новожилин.

– Тоже мне, придумал, – возразила Лидка Загоскина, – ты лучше скажи, что ты такое взял с собой, так много чего?

– Разве это много? Вон у Голанова мешок еще больше...

– У меня в мешке пальто ватное, – объяснил Афонька.

Не успел Мишка сказать Лидке, что картошки, которую он взял, не так уж много, как прозвучал заводской гудок. Петька первый раз услышал его в такой близи, и у него даже заложило уши. Поэтому он не услышал, как неожиданно из ворот появилась Софья Семеновна. Поздоровавшись с ребятами, спросила:

– А где наш проводник?

А Петька всё еще «оглохший» стоял и ждал распоряжений Софьи Семеновны.

– Ну что, Степанов? Веди! А, может, это и есть твой лес? – смеясь, Софья Семеновна показала на заводской парк.

– Нет, надо пройти до конца улицы, а там свернуть в последний переулок. По нашей улице до Крутого Лога... потом тропинкой. Она приведет к самому лесу, на мыс.

– Хорошо, Степнов! Веди!

Когда школьники сверстались с Петькиным домом, он попросил Софью Семеновну, чтобы его немного подождали.

– Ведро картошки вынесу, я мигом!

– Куда ты столько? – удивилась учительница.

Но тут из ворот вышла Петькина мать, поздоровавшись с учительницей и ребятами, сказала:

– Съедите. Вон, вас какая артель! Варите в нашем ведре. Не беспокойтесь, что закоптиться. Мы всегда на покосе в нем картошку варим.

Дорога была сухой и ровной. Ребята через каких-то полчаса были уже вблизи Усова Лога.

– Вот, пожалуй, здесь и остановимся. Лес здесь сосновый, хороший, и река рядом. А сейчас сделаем привал, отдохнем с дороги, – сказала Софья Семеновна, оглядевшись.

Отдыхать согласились только несколько девчонок во главе с Софьей Семеновной, а ребята разбрелись, кто куда. Некоторые совсем не бывали в лесу, таким было всё интересно.

– А волки, Степанов, тут водятся? – спросила Нюшка.

Петька не успел ответить на такой глупый вопрос, так как ему показалось, что соседка по парте над ним посмеивается. Тут же вмешался Афонька Голанов.

– В прошлом году пять коров здесь на этом месте задрали волки, а нынче поменьше, всего одну телку... да пастуха с подпаском, вот и все потери.

– Ты что, Степанов? В своем уме? Куда ты нас завел? – с испугом спросила Нюшка.

– Не слушай его! Не видишь, что ли, Голанов глупости говорит. Какие тут волки? Тут и зайцев-то раз-два и обчёлся.

– Всё равно... зайцы тоже звери! – не унималась Нюшка.

– Звери, конечно, звери! – подтрунивал Афонька. – Позапрошлый год трех собак...

– Всем сюда! – объявила Софья Семеновна, прервав Афонькины «лесные страсти».

У меня есть предложение.

Для ребят это прозвучало странно и совсем неожиданно. Обычно учителя приказывали, что следовало делать в том или ином случае, а тут еще «как они на это посмотрят». А Софья Семеновна между тем продолжала свое «предложение»:

– Все ходят в лес для того, чтобы набрать грибов, ягод, нарубить дров. Это всё допустимо, если разумно. Но не все ходят, чтобы помочь лесу: убрать мусор, ветки, хвою, которая всюду валяется... А вот мы должны оставить после себя какой-нибудь полезный след. Теперь представим, что этот участок леса принадлежит нашему классу, и мы его хозяева! Я понятно говорю? – неожиданно спросила Софья Семеновна.

– Понятно! Понятно! – загалдели ребята.

– А когда мы покинем наш лес, то он скажет нам «спасибо». Да! Да! Именно «спасибо»! Он ведь живой! И об этом нетрудно догадаться. Посмотрите повнимательнее. Видите маленькие сосеночки? А когда-то вот те большие сосны, – показала Софья Семеновна, – были тоже такими же маленькими. Это было давно, когда ваши бабушки и дедушки были такими же, как вы сейчас. А может, это они оберегали этот лес для вас, не уничтожали его. Теперь наша очередь сберечь

эти сосенки для тех, кто придет после нас через много, много лет!

Ребята замолчали. А кое-кому стало стыдно, как, например, Волчкову. Он уже успел загубить сосенку, чтобы сделать из нее фигурную палку-тросточку.

– Поэтому предлагаю, – продолжала Софья Семеновна, – участок леса от Лога вправо на триста шагов и вглубь на триста шагов очистить от всякого хлама, стаскать весь мусор на эту поляну. Потом сделаем костер.

Софья Семеновна назначила дежурными поварами Мишку Ножилина, Лидку Загоскину и Верку Костину. Она сама разожгла костер на готовом кострище и сказала варить картошку.

– Мужчины, помогите нашим поварам. Сходите на речку, вымойте картошку и наберите воды. За работу!

Петька в числе других «мужчин», как назвала ребят учительница, помог перемыть картошку и поставить на камень около уже разгорающегося костра. А потом Петька сбегал в лес, набрал около лога порядочный пучок мха, принес к костру и положил на картошку вместо крышки.

– Ты что, Степанов? С ума сошел! Зачем мох положил? – возмутилась Лидка Загоскина.

– Так скорее свариться. Мы всегда на покосе так делаем, когда картошку варим.

Но видимо Петькины слова совсем не убедили Закоскину. Она схватила прутик и хотела было сбросить мох, но тут вступился Мишка Ножилин.

– Оставь, Загоскина, мы тоже так варим, – подтвердил Мишка.

Но упрямая Лидка хотела настоять на своем, пожаловалась Софье Семеновне.

– Софья Семеновна, посмотрите, что выдумал Степанов. Он же нас отравить может.

– В чем дело? – спросила учительница, но, увидев мох, закрывающий картошку, засмеялась.

– Напрасно беспокоишься, Загоскина! Таежники все так делают, еще никто не отравился. Правильно сделал, Степанов! Так лучше и быстрее сварится наша картошка!

Между тем куча хвороста на поляне росла и росла. Петька совсем не ожидал, сколько всякого лесного хлама могло быть на площадке, которую наметила им Софья Семеновна. И еще подумал о том, как хорошо придумала их учительница – в лесу чистить! Раньше бы он об этом даже не подумал. А в лесу чего только не было: щепа, брошенная после приготовления желобов, обрезки, обрубки бревен гнилые, кем-то брошенные жерди, вершинник со сгнившими ветвями уже вросшими в землю, ветки, гнилые пни. Всё это дружно вытаскивалось на поляну. Увидев большую кучу разного хлама, Софья Семеновна распорядилась разделить ее на две половины.

После трехчасовой работы участок был очищен полностью. Софья Семеновна обошла всё кругом и осталась довольна работой.

– Кончай работу! – крикнула она весело ребятам, еще копошившимся около толстого елового пня. – Оставьте этот пенек, он нам не под силу. Всё, что полагалось, мы сделали на отлично! А сейчас марш на поляну!

А там, на поляне около костра, чуть поодаль, уже разгорался новый костер. Ведро с картошкой, снятое дежурными, остывало, оставалось только слить воду. Софья Семеновна, откинув влажный мох с картошки, ткнула палочкой в одну из них и заключила:

– Хорошо уварилась! Молодец, Степанов, что догадался мхом закрыть, – похвалила Петьку Софья Семеновна, аккуратно сливая остатки воды из-под картошки.

Выбрав ровную, чистую площадку, Софья Семеновна поставила ведро с вареной картошкой на середину. Затем достала из своей сумки свернутую большую клеенку, развернула ее и выложила кусок хлеба и три сушеные рыбины – воблы, кусочек масла, завернутый в вощаную бумагу.

– Выкладывайте свои запасы на общий стол. Сейчас мы устоим маленькую коммуну.

Еще не поняв замысла учительницы, все повиновались. На клеенке появилась разная снедь: вареные яйца, лук, черный и пшеничный хлеб, ватрушки, шанежки и даже кусок вареной курицы. Но больше все-таки было обыкновенного ржаного хлеба.

– Ну как? Может, всё соединим, а затем разделим поровну? – с лукавой усмешкой предложила Софья Семеновна.

– Соединим и разделим! – дружно закричали ребята.

– Сколько нас? Сейчас пересчитаем. Один, два, три. – весело считала Софья Семеновна, – девятнадцать... тридцать два человека. Многовато. Ничего! Так веселее! У кого-то есть нож?

Ножи оказались только у троих: Волчкова, Голанова и Степанова.

С помощью дежурных девчонок Софья Семеновна быстро разделила всю еду, то, что принесли ребята. Было немного смешно смотреть, как в каждой из тридцати трех кучках появились вместе с куском черного хлеба дольки вареного яйца, кусочки разных ватрушек, вяленой воблы, сваренной курицы. Напоследок Софья Семеновна помазала на каждый кусок черного хлеба принесенное ею сливочное масло тонким еле заметным слоем.

– Ребята, а соль у нас есть?

Оказалось, соль никто не взял. «Как же это так, про соль никто не вспомнил? – подумал Петька и на всякий случай осмотрел еще раз свою сумку. К его радости, он обнаружил маленький узелок с солью, предусмотрительно положенный матерью.

– Есть соль, Софья Семеновна! – крикнул Петька, обрадованный такой предусмотрительностью своей матери.

– Ну, Степанов! С тобой не пропадешь, ты настоящий таежник! Всё предусмотрел!

Петька хотел сказать, что это не он предусмотрел, а его мама, но раздумал, решив, не всё ли равно, кто положил соль. Самое главное, что она есть и нашлась вовремя.

Картошка всем понравилась. Она хорошо уварилась и оказалась несказанно вкусной. Даже Лидка Загоскина, переживавшая за варево от Петькиной «крышки», совсем успокоилась, когда съела первую картофелину.

– Есть можно, – сказала она.

А после обеда даже попросила Петьку набрать ей мха, чтобы дома сварить такую вкусную картошку.

– Удивлю своих домашних такой «крышкой», – сказала Лидка. У них глаза на лоб полезут от удивления!

Такой обед всем понравился, даже тем, кто не испытал, на первый взгляд, особой радости от дележки на общий стол их курицы, вареных яиц или сдобной стряпни, взятой из дома!

Когда с обедом было покончено, Софья Семеновна спросила ребят:

– Все наелись? Может, есть недовольные?

Но таких не нашлось. А все в один голос кричали:

– Наелись! Наелись!

– Вот и хорошо, – заключила Софья Семеновна, – будем считать, что мы побывали в коммуне и чуть-чуть прикоснулись к нашему будущему – к коммунистической жизни, которую мы только еще начинаем строить. Работать честно и всем вместе, получать блага от своего труда тоже всем вместе и поровну.

Софья Семеновна очень интересно рассказала о будущей жизни. А ребята задавали ей всякие вопросы.

– Интересная жизнь будет! Хорошо бы всё это пришло! – думал Петька. – Не было бы у нас ни бедных, ни богатых, как это сейчас еще есть! Сегодня даже «непманы» Борька и Сашка были совсем другие! Работали, как все, и ели одинаково! – заключил напоследок Петька.

А Софья Семеновна, как будто догадалась, о чем он подумал, глянув на босые ноги Мишки Ножилина, добавила:

– И одеваться будем хорошо, когда коммунизм построим. У всех будет хорошая обувь, одежда. Каждый выберет себе то, что ему нравится! То, что ему к лицу и по фигуре... Придет такой в магазин и скажет: «Дайте мне вот этот синий костюм». «Пожалуйста, – скажет продавец, – но я бы вам посоветовал не синий костюм, а коричневый или, к примеру, зеленый». И объяснит, почему не синий, а коричневый...

Представив такие блага жизни в своем воображении, Мишка Ножилин, открыв рот, улыбался, поглядывая куда-то на вершины шумящих сосен.

Собрав разбросанные бумажки от обеда, дежурные всё сожгли на потухающем костре, затем Петькиным ведром залил головешки.

– Всё, ребята! Надо идти домой! – сказала Софья Семеновна. – Сделали полезное дело, гуляем смело!

Дорогой, которая теперь показалась короче, чем утром, ребята спорили и донимали Софью Семеновну разными вопросами.

– Софья Семеновна, а как быть, если кто-то из людей не захочет работать, а ему подай всё, как всем... тем, кто хорошо работал?

– Таких не будет, Нюра. Люди будут сознательные, никто не подумает обманывать или лениться. Все люди будут честными и воспитанными.

– Ну а если мне захочется купить в магазине кожаную тужурку, а их там не будет, тогда как?

– Очень просто. Придешь, тебе скажут: «Товарищ Волчков, сегодня у нас тужурок кожаных нет. Но вы не огорчайтесь. Дайте заказ, и мы через пару дней вам его выполним». И даже мерку с тебя снимут...

Польщенный таким ответом, Лешка был на седьмом небе. Он уже представлял себя героем в блестящей кожаной тужурке, а самое главное, что задал такой мудреный вопрос Софье Семеновне.

– Алешка, ты про обувь забыл! – посмеиваясь, сказал Афонька, показывая неровные крупные зубы. – Но ты не унывай, приходи к нам, тебе мой дедушка Карп без всякой очереди лапти сплетет точно по твоей лапе.

Ребята засмеялись, видимо, представив Лешку Волчкова в кожаной куртке и в лаптях, шагающего в новую жизнь.

Ребята смеялись, громко разговаривали, веселились и не заметили, как вышли на окраину Слады. Попрощавшись, Петька взял пустое ведро у Мишки Ножилина и свернул на свою улицу.

– Степанов, скажи своей маме большое спасибо за картошку! – крикнула Софья Семеновна.

– Ладно, скажу! – ответил Петька.

До своего дома Петька шел без спешки и размышлял: «Повезло нам с учительницей. Хорошая она, веселая и знает много. А коммунизм всё равно будет! И люди все добрые и хорошие будут... Это уж точно! Не зря же люди за Советскую власть воевали! Конечно, не зря! Интересно только, когда всё это будет? Жаль, что он постеснялся спросить об этом Софью Семеновну. Ладно, как-нибудь обязательно спрошу в другой раз.

ГЛАВА 13
КОНЕЦ СТАРОМУ ДОМУ

Прошел год после того страшного мартовского вечера. Постепенно забывались, стирались в памяти следы отцовской крови на тающем снегу в конце улицы, больница, где отец побыл на краю своей могилы, и эти беспо-

койные дни, когда он с великим мужеством побеждал смерть. Теперь только рубцы – следы страшных ран на его лице – напоминали об этом.

Физически крепкий, сильный духом, отец постепенно набирал утраченную живую силу и прежнюю тягу к обычному труду, без которого не мыслил себя.

Петька радовался тому, что отец на свои прогулки «до центра» тратил всё больше и больше времени.

– Мать, не теряй меня... Схожу до центра, освежусь немного, – обычно говорил отец.

Однажды, возвратившись из очередной такой прогулки, отец был необычно веселый, каким его давно не видели.

Оказывается, его пригласили работать, а вернее, «принять руководство», как выразился отец, подсобным заводским хозяйством.

– Работа не тяжелая, как раз по мне, пока я такой никудышный, – объяснил он матери.

Мать, заметив приятную перемену в лице отца и его разговоре о новом назначении, одобрила такое решение.

– Дело тебе знакомое. Думаю, справишься не хуже предшественника Рыбакова... Тот не очень-то смыслил в сельском хозяйстве. Наверно, и плуга в руках не держал. Не спроста сняли... Только, я думаю, должность для тебя тоже не легкой будет, работа беспокойная.

– Людей кормить надо. А что касается беспокойства, так оно везде должно быть, если для людей работаешь.

Так решил отец и принял всё это «подсобное заводское хозяйство» на речке «Кривуше» вместе с резиденцией, как он называл маленькую конторку на два оконца, где хранились в несгораемом ящике все важные бумаги и документы: табели, отчеты по проделанной работе и ведомости.

Как только начались каникулы, Петька вместе с братишкой Васюткой навестили новую работу отца.

Подсобное заводское хозяйство располагалось за городом, как теперь называли Новую Сладу, за речкой Кривушей.

Братья обошли всё хозяйство: побывали в мастерской, где чинили плуги, бороны и другой инвентарь, включая единственный трактор со смешным названием «Фордзон-путиловец», даже покатались на нем. Сам тракторист-механик Зенков пригласил их кататься. Потом братья побывали на складах, в овощехранилище и, конечно, в «конторе», где находилось рабочее место отца. Но его там не оказалось.

– Он, как всегда, в поле, только вечером заявится наряды закрывать, – сказал рябой парень.

Вечером, когда заявился отец в свою «резиденцию», где уже было полно народу, Петька не узнал его. Отец был весь пропыленный и веселый, как бывало прежде, шутил со всеми.

Маленькая конторка была забита народом до отказу, а народ – мужики, женщины, подростки, всё прибывали и прибывали. Все шумели, спорили о чем-то, шутили и смеялись. Только как пришел отец, все разом смолкли, прислушиваясь к тому, о чем говорил отец. Он неторопливо и негромко давал указания, что делать на следующий день: кому где быть и что делать. Советовался с рабочими, как выполнить лучше ту или иную работу.

Поужинав в рабочей столовой вместе с отцом, братья ушли домой, довольные сегодняшним днем. По дороге Васька спросил у старшего брата:

– Петруська, ты почему оставшийся хлеб не взял, когда мы поужинали?

– Неудобно было, – ответил Петька.

– Вот чудак! Повариха ведь сказала: «Не стесняйтесь, ребята, ешьте всё! Отец за вас заплатил!»

– Откуда я знал? Она мне этого не говорила.

– На следующий раз бери! – посоветовал Васька, – с хлебом опять туго стало.

Васька был прав, но Петьке не понравилось, как младший брат учит его, когда он и сам прекрасно знает, что с хлебом опять плохо стало. Не хватает. Теперь его по карточкам стали давать. Ему и Ваське, как «иждивенцам», всего по 200 грамм. А двести грамм – это полфунта, а рабочим по 600 грамм. Не разъешься! Но он ответил Васютке:

– Я всё равно наелся!

– Мало ли что наелся! Я тоже досыта поел, – не унимался Васька, – я вот маме отнесу. Хлеб-то вон какой вкусный, буханочный. Она еще такого не едала.

Петька совсем рассердился на Ваську. Другой раз он бы треснул братца за такую назойливость, но на этот раз сдержался, так как считал себя неправым, когда не взял недоеденный хлеб. Попытался вывернуться из затруднительного положения:

– А вдруг кому-то бы не хватило? – спросил он Ваську.

Не успел Васютка ответить на Петькин вопрос, как оба братца услышали колесный стук и тут же увидели спускающуюся с бугра на мостик через Кривушу бричку, на которой сидел отец и возчик, по прозвищу «Булка».

– Садись, ребята, подвезем! – крикнул им ездовой Гришка. – Лучше, чем пешком идти!

Ребята обрадовались! Прокатиться на лошади, да еще в такой роскошной бричке – одна мечта.

В центре, на базарной площади Слады «Булка» предложил отцу:

– Чего, Стефан Ильич, вам до дому пешком идти, давайте подвезу вас до дому, успею лошадь поставить.

– Не надо. Григорий. Мы только до центра, как договаривались. Нам совсем недалеко, сами дойдем, – слезая с брички, сказал отец.

По дороге отец спросил сыновей:

– Как, понравилась моя работа?

– Понравилась! – ответил Петька.

– Мне тоже! – подтвердил Васька и добавил для убедительности. – Особенно лапша с маслом и буханочный хлеб.

Всё лето братья бегали на Кривушу помогать рабочим: занимались прополкой на полях, переборкой картофеля и овощей на овощехранилище и вообще старались помогать там, где в этом была необходимость.

– Хорошие у тебя ребятишки! – похвалил как-то бригадир Петьку и Ваську, обратившись к отцу.

– А я и не знал, что они у меня такие, – ответил, посмеиваясь, отец. – Думал, так себе, баловни!

– Нет, Ильич, не скажи.

Зная, что степановские ребята на Кривушу бегают не ради баловства (об этом все говорили), Латышева, повар столовой подсобного хозяйства, кормила ребят на славу. И даже настаивала, чтобы бригадир выхлопотал у отца законную им зарплату.

Узнав об этом, отец строго сказал бригадиру:

– Рано им еще зарплату получать. Работа у них пока как баловство: час работают, а два носятся, как угорелые, по лесу. Вот подрастут, видно будет. А если обязать их по-настоящему, то они и каникулы не увидят. Да и работать будут не с таким рвением. Пусть уж лучше играют пока в работу. Так полезнее будет. Да и кормят их нормально по рабочему разряду. Так что не надо...

Осенью, когда начались занятия в школе, степановские ребята посещали отцовскую работу редко. Ходить туда по дороге, раскисшей от частых дождей, было мало приятно, да и дома было полно своей работы в огороде. Надо убрать картошку и все остальные овощи. Это была работа не только материна, но и Петьки с Васюткой. Дома работников уменьшилось почти на половину. Шурка уехала в какое-то Алексино и работала после курсов поваром на фабрике. Таисия замуж вышла за Сашку Полухина. Осталась одна Маруська, да и та дома почти не бывала. Всё только ей одно – Рабфак да Рабфак. Тоже, наверно, замуж вот-вот выйдет за Сашку Русина. Они вместе с ним учатся. Парень хороший, степенный, как говорит мать. Он и Петьке нравиться, потому что хорошо рисует. И, конечно, сама Маруська от него без ума. Ну и пусть женятся.

Петька пока жениться не собирается, хотя невест у него в школе хоть пруд пруди. Взять хотя бы Нюшку, соседку по парте. Хорошая девчонка, ничего не скажешь... Только иной раз говорит глупости и носом все время шмыгает. Или Верку, к примеру, взять. Нет, Костина не подходит, пожалуй, она всё время к Петьке придирается по пустякам: «Степанов, у тебя воротничок изогнулся! Степанов, ты сегодня ногти не подстриг». А то еще и скажет, что не причесался. А он, что, виноват, если вихры сами по себе топорщатся. Их хоть зачешись! Нет, пожалуй, лучше Лидки Загоскиной во всей школе не найдешь! Хорошо, если бы ростом она была поменьше, больно вытянулась! А так девчонка, так девчонка!

Учеба в четвертом классе серьезная, не то что во втором или третьем. Всё время учить надо! Только успевай, тут не до девок! Чуть зазевался и тебе «неуд» в тетрадь вляпают. А то еще и в классный журнал, там не исправишь. Самые лучшие оценки «хор» или «отл». У Петьки на половину «хор» и «отл», но «отл» все-таки больше.

В эту зиму Сашке Волину два раза не повезло. Первый раз в декабре, когда было здорово холодно, он отморозил себе руки, когда запрыгнул в деревянную большую бочку, которую называют пожарным чаном. Летом в этот чан закачивают воду, а к зиме воду выкачивают, чтобы не разморозить. Чан давно вкопан на горе около церкви. Ребята постарше на спор запрыгивают в него, а потом каким-то образом ухитряются оттуда вылезти. Вот Сашка и попробовал тоже спрыгнуть, чтобы спрятаться от Петьки и Афоньки, когда они шли из школы.

Петька спросил тогда у Афоньки:

– А где наш Волин? Куда он исчез? Вот только сейчас маячил перед глазами.

– Ясное дело – за чаном сидит, спрятался. Думает, не «дотерпим».

Но когда ребята подошли ближе, то услышали, как кто-то плачет на дне этого чана.

Оказалось, Сашка сидел на дне этой страшной бочки и ревел. Даже не пытаясь оттуда выбраться. Заложив руки в рукава. Он стоял и глядел вверх испуганными глазами.

– Ты чего туда забрался? – спросил Афонька.

– Чего, чего? Спрятаться от вас хотел. Лучше помогите мне вылезти отсюда, я руки отморозил.

Ребята, бросив сумки, свесились через край чана, придерживая друг друга.

С большим трудом они вытащили раза три срывавшегося Сашку. Оказалось, Волин сильно отморозил пальцы, они у него совсем побелели.

– Побежим скорее в школу, там ототрем тебе руки! – посоветовал Петька, когда они вытащили Волина из чана.

– Никуда я не пойду, дома ототру, – скулил Волин, дуя на ледяные пальцы.

– Пошли! – подтолкнув Сашку, сказал Афонька.

Видя, что руки своим дыханием не отогреть. Волин повиновался.

В школе, где было тепло, Афонька и Петька оттерли все-таки Сашкины руки и дали ему свои варежки, по одной каждый.

Теперь, каждый раз, когда проходили мимо «пожарного чана», Афонька предлагал Волину.

– Давай, Сашка, еще разок слазай туда.

Волин сердился и каждый раз отвечал Афоньке:

– Полезай сам, если тебе хочется! А я повременю!

Второй раз Волину не повезло перед самыми зимними каникулами. Ребята шли по обочине дороги, до поворота оставалось совсем немного, а там и школа.

Петька крикнул Волину:

– Сашка, перебегай на нашу сторону скорее, сзади две повозки-розвальни идут!

– Трусы вы! Чего побежали? Лошадей испугались что ли? – крикнул в ответ Волин и, наоборот, остановился на повороте дороги. Видимо, желая показать свою храбрость, он хотел запрыгнуть в розвальни, идущие сзади ездового, но не рассчитал. Сани-розвальни раскатило на повороте и ударило по Сашкиным ногам.

Волин охнул и тут же присел, корчась от боли.

Петька и Афонька подбежали к сидящему на снегу Волину:

– Чего у тебя? – спросил Петька.

– Нога, – только и всего ответил Сашка.

Ребята хотели поставить Волина на ноги, но он так заорал, что Петька и Афонька растерялись, не зная, что предпринять. Хорошо еще, что возчик, ехавший на переднем возу, увидел Сашку и ребят, склонившихся над ним, сообразил и остановил лошадей.

– Что с тобой стряслось, парень? – спросил Сашку подбежавший мужик.

Но Сашка ничего не мог ответить, только орал: «Ой! Ой!»

– Поедем в больницу, парень!

Мужик подхватил Сашку в охапку и, не обращая внимания на его рев, уложил в сани.

– Поехали кто-нибудь из вас, поможете его в больницу отнести.

Сначала Петька хотел один ехать сопровождать Сашку, но Афонька тоже поехал.

Волина затащили в больницу. У него оказалась сломана нога – «закрытый перелом», – сказал врач, осмотревший Сашку. Выйдя из больницы, ребята зашли домой к Волиным и рассказали Сашкиной матери, что с ним приключилось. Мать, конечно, не обрадовалась. Сказала про Сашку такое, что неудобно пересказать... Мало еще забот! Ногу сломал! Хорошо, что больница рядом с Сашкиным домом, а то бы совсем плохо пришлось матери – бегать и навещать больного.

Пока Волин лежал в больнице, Петька и Афонька каждый день заходили к нему, чтобы домашнее задание списать, да и то, что на уроках было, рассказать. За месяц, что Сашка пролежал в хирургическом отделении, он не отстал совсем, так и остался «хорошистом», каким был до больницы. Учительница Софья Семеновна даже похвалила Петьку и Афоньку, что не оставили друга в беде. А как еще иначе? Тут и хвалить нечего. Сашка целый месяц, как старичок, ходил с палочкой.

На улице снова весна. Снег почернел и начал таять. Март есть март. Петька опять в сапоги вырядился. Только они малы ему стали. Шерстяные носки пришлось снять. На босу ногу не привычно, но ничего, терпеть можно. Весь день в классе светло, дни стали длинные.

Последний урок сегодня русский язык. А с крыши каплет, и капли стучат о железку за окном: «Кап-кап. Кап-кап». Мешают Петьке сосредоточиться эти «кап-кап». Хорошо бы скорее урок кончился... Но он только начался, и надо писать. А тут, как назло, кто-то постучался в дверь. Софья Семеновна открыла, а за дверью оказалась сама Вера Петровна. Петька прислушался к разговору и уловил в нем упоминание своей фамилии: «У Степановых... да... да... в конце...»

Сначала Петька подумал, что ему показалось, но Софья Семеновна неожиданно сказала:

– Степанов, иди домой.

Петька растерялся, такого он не ожидал. Не зная, что предпринять, Петька стоял за партой в недоумении: «Почему ему надо идти домой?»

– Я еще не закончил, – промямлил он, – не понимая, зачем его провожают.

– Иди, завтра допишешь! – ответила Софья Семеновна и, как показалось Петьке, с какой-то жалостью посмотрела на него.

Петька, не торопясь, собрал свое хозяйство и всё еще недоумевая, вышел из класса.

– Степанов, у вас дом горит, – сообщила девчонка Валька из третьего класса, что жила недалеко от Афоньки Голанова. – Я специально пришла сказать тебе, только меня в класс не пустили. Меня Вера Петровна выручила, тебя позвала.

– Когда загорел дом-то? – с испугом спросил Петька.

– А он уже сгорел. У ваших соседей на сарае загорелось, а потом на ваш дом перекинулось. Идем скорее, что ты ковыряешься.

Петька бежал, не чуя под собой ног. Вот и последний переулок. Навстречу незнакомые люди. Видимо, идут с пожара. Кто с топором, кто с багром, а кто с ведром. «Видимо, потушили», – подумал Петька.

В первую минуту Петька подумал, когда увидел обгорелые стены своего дома да высокую трубу, было одно: «Хорошо, что сегодня сапоги надел, а то бы остался на лето в маминых старых валенках».

– Всё, Петруська, сгорело. Вот только люди добрые швейную машину из огня вытащили. В чем были, в том и остались. Иди к Коле, там у него поживешь, пока квартиру не найдем. Васютка уже туда ушел.

Петька промолчал, ничего не ответил матери.

Почему и зачем куда-то идти, до него не доходило. Ему еще не верилось, что их дома уже нет. Он хотел спросить мать, как сгорел их дом, но раздумал, так как

хорошо знал, что во время пожара дома никого не было. Отец был на работе, мать тоже на работу ходила красить какую-то контору, они с Васькой были в школе.

Петька посмотрел на соседний дом: тот также пострадал основательно. Как и у их дома остались одни стены, да и те сильно обгорелые. Только на дрова пойдут. С тоской посмотрел на отца, который ломиком ворошил еще дымящиеся головешки, искал что-то. Петьке стало совсем невмоготу: слезы потекли сами собой, и он заплакал: «Не будет у нас больше такого дома! Где мы теперь будем жить?»

Петька помог матери отнести швейную машинку в баню и, видя себя совершенно не нужным на этом родном пепелище, сказал матери:

– Мама, я пойду к Афоньке.

– Шел бы лучше к Николаю, – посоветовала мать, – туда и Васютка ушел. Поживете там, пока квартиру не охлопочем.

– Я к Голановым пойду лучше, мне еще и уроки надо делать, записать не успел их.

– Ладно, иди, Петруська. Мы с отцом пока в бане поживем. Приходи ужинать. Вот картошка, что в подполье была, вся испеклась.

Петька слазил в обгорелый дом, отобрал несколько испеченных картофелин, положил в сумку и пошел к Голановым.

Не успел он подняться до верхнего переулка в Афонькину улицу, как увидел самого Афоньку, идущего ему навстречу. Оказывается, он уже всё узнал у своих:

– Пойдем, Петруська, я за тобой шел.

– А я к тебе.

– Правильно сделал, – похвалил Афонька и тут же спросил, – дом-то совсем у вас сгорел?

– Почти весь. Стены обгорелые остались только. Картошка даже в подполье сгорела. Вот набрал печенок. Одну попробовал, есть можно. Только дымом здорово воняет.

Хотя Афоньке явно хотелось сходить на пожарище, посмотреть Петькин сгоревший дом, но он и виду не показал, посчитав, что главное сейчас – приютить друга.

Целую неделю прожил Петька в доме своего друга. Подружился с Афонькиными братьями: Костей и Витькой, познакомился со старшими сестрами. После школы вместе учили домашние уроки, а вечером играли в голановском огороде «в войну», наделав в снежных сугробах разные траншеи и окопы. А еще играли в палочку-«застучалочку». Эта игра Петьке здорово понравилась. Она совсем простая: сначала надо сосчитать, чтобы «галильщика» высчитать. Этот «галя» встанет в углу, у задних ворот и считает до двадцати пяти. А как сосчитает – «Двадцать пять, я иду искать!», то все уж давно попрятались. Чтобы было слышно, как стучит «галельщик», он ударяет по воротам этой «палкой-застучалкой». Надо опередить «галю» и первому схватить палочку, постучав ей по воротам. Тогда считается, что ты «вышел из игры», то есть «застукался». Если все остальные тоже «застукаются», то старый «галя», снова ищет, то есть продолжает галить. А если «галя» «застукает» первого попавшегося и других, то последний может выручить этих «застуканных», если спрячется умело. Лучше всех прятался Петька: он зарывался с головой куда-нибудь в снег и прислушивался, как «галя» ходит мимо, не замечая его и лишь покрикивая: «Афонька, выходи, ты на бане сидишь! Витька, ты в траншее, у тебя валенок торчит! Остался только Петруська, но мы его найдем, найдем! Куда он денется!» А в это время Петька лежал в сугробе и ждал, пока «галильщик» Костя, старший брат Афоньки, отойдет подальше от «палочки-застучалочки». А Петька выпрыгнет, как тетерев, из снега и к палочке, всех «выручит» «застуканных». У него это здорово получалось. А однажды Петька даже забрался в печку бани и заслонку за собой закрыл. Галил тогда младший Афонькин брат Витька. Тот, конечно, не мог даже подумать, куда спрятался Петька и сдался:

– Выходи, Петруська – крикнул Витька, – сдаюсь! Буду еще галить.

А когда Петька вышел из бани, то Витька был страшно удивлен. Он раза два заходил в эту баню и всё кругом там осмотрел, но Петьку не видел. И только Костя догадался, куда он спрятался, так как Петькина нога был в саже, а руки перепачканы в золе, но не сказал об этом никому. Зато с следующий раз, когда Петька снова забрался в каменку, Костя сразу же его обнаружил.

Старший Афонькин брат Костя очень хороший товарищ, совсем не хуже Афоньки. Справедливый и честный. Он всегда всякие игры придумывал и песни пел. Правда, песни, которых он знал множество, пелись им на один мотив. Сестра Дуся говорила про Костю, что ему медведь на ухо наступил, но Костя не унывал и отвечал ей: «Ты и так не умеешь!» А она, смеясь, отвечала ему: «Так петь, так лучше совсем не петь!»

Младший Афонькин брат Витька был немного похуже «набалованный», как говорил Костя. Он иногда капризничал, когда ему приходилось «галить» по несколько раз подряд: «Не хочу играть в вашу дурацкую игру!» – скулил Витька. Но, в общем, тоже неплохой парень этот Витька.

На Афонькиной улице у Петьки появилось много новых друзей: Сенька Винокуров, Арик Шарабитов, Камиль Сарминаев, Валька Чёрный, Иоффе Игорь и еще много друзей, всех не перечтешь. Только жаль, что житье на Афонькиной улице быстро закончилось. Петькиному отцу предложили квартиру в доме бывшего дьякона по фамилии Гагарин.

Всей семьей приходили Степановы смотреть новую квартиру. Дом большой, отделанный и покрашенный голубой веселой краской. Со стороны огорода два этажа и большая веранда. Огород, правда, небольшой, но зато весь занят садом и ульями. Сам хозяин – Гагарин, живут рядом во флигеле. Оба дома соединяются двором, крытым железом. Хозяин, хотя и дьякон бывший, но хороший. Он сам показал весь дом и посоветовал:

– И не раздумывайте даже, переезжайте и живите. Какникак соседи. И нам будет спокойнее, когда вы тут жить будете. Семья убавилась, сыновья старшие Федко и Панко учиться уехали в институт. Остался младший Васька, глядишь, с твоими ребятами подружатся. Так что не раздумывайте, переезжайте.

– Нам, Федор, и переезжать не надо. Имущество всё на нас. Даже постелей нет, так кое на чем спим.

– О постелях не беспокойтесь. Барахла накопилось, всем хватит. Сейчас распоряжусь до конца всё приготовить. Переезжайте.

У бывшего дьякона Гагарина семья состояла теперь из четырех человек, как старшие сыновья Федко и Панко уехали учиться. Сам Гагарин, старая и больная мать, жена Марфа и сын Васька примерно одних лет с Петькой.

В тот же вечер Степановы перебрались в Гагаринский дом.

Больше всего Петьке понравился балкон-веранда, с которой виден был весь пруд и всё, что делалось в огороде. И в тот же вечер Петька познакомился с хозяйским сыном дьякона Васькой и подружился с ним.

– Меду хочешь? – спросил новый товарищ.

– Меду можно, если не шутишь, – согласился Петька.

– Зови своего брата.

Петька сбегал за Васькой, который устраивал уже себе постель на новом месте, на веранде.

Васька даже совсем не стал раздумывать, когда Петька ему сказал про мед.

– Давайте сначала условимся, – предложил Васька Гагарин. – Пусть ваш Васютка называется Василий Первый, а я буду Василий Второй, так лучше будет, а то одна путаница.

– Ладно, – согласился Васютка, – пусть буду я – Первый, а ты – Второй.

– Пошли за мной, только тихо! Спрячьтесь вот тут, за кирпичами, я быстро вернусь, ключик принесу.

Когда Василий Второй исчез во флигеле, Василий заметил:

– Он, наверно, спать ушел, этот Василий Второй, а мы будем сидеть тут, как дурачки.

Петька даже не успел ответить Васютке, как тут же показался в дверях флигеля Василий Второй с порядочным куском белой булки. Он ловко открыл дверь амбарчика, большим фигурным ключом, который назвал «ключиком».

– Ничего себе ключик, – подумал Петька.

– Пошли, – прошипел Василий Второй, шмыгнув в дверь амбарчика.

Петьке и Ваське ничего не оставалось делать, как тоже последовать за хозяином.

В амбарчике было темно и душно. Густой запах меда и еще чего-то знакомого и необъяснимого сразу поразил степановских ребят.

Привычным движением Василий Второй извлек откуда-то спички и огарок свечи, тут же зажег и поставил в стеклянную баночку. Стало совсем светло.

Петька удивился множеству ульев, рамок и всякого другого добра, связанного с разведением пчел. Все полки и полочки амбарчика были заставлены этим добром.

Василий Второй сунул руку в один из ящиков и вытащил оттуда огромный кусок пчелиных сот. Разломив его на две, половину дал обоим братцам.

– Ешьте, только воск не выплевывайте, а собирайте выжимки. Потом мне отдадите.

С этими словами Василий Второй разломил булку, порядочный кусок которой он вытащил из-за пазухи и тоже разделил между братьями.

– А сам разве не будешь?

– Я – вот! – показал Василий Второй ребром ладони на свое горло. – Идите, дома полакомитесь, завтра встретимся.

В тяжелых обломках пчелиных сот было столько слезящегося душистого меда, что Петька и Васька не могли съесть даже одной трети.

– Где вы это взяли? – испуганно посмотрела мать на пчелиные соты, разложенные братьями на тарелке.

– Нам сам Василий Второй дал, – ответил за обоих Васька.

– Какой еще Василий Второй? – удивилась мать.

– Это Василий Гагарин, дьяконов сын, значит. Он сам нас угостил, – пришел на выручку Петька.

Мать собрала оставшиеся соты в одну тарелку и тут же побежала во флигель к дьякону.

– Сейчас будет дело! – подумал Петька, представив, как мать прибежит к дьякону и будет извиняться.

– А мы-то тут при чем? Нас угостили, не отказываться же от меда, – возмущался Васька, тщательно облизывая пальцы.

Но мать вскоре вернулась, неся на руках тарелку с медовыми сотами и еще кусок белой булки.

– Напрасно я так плохо подумала. Оказывается, Федор сам разрешил своему сыну вас угостить. Только вы уж воск не бросайте, а собирайте в одно место. Вот хотя бы в эту кружку, – показала мать.

– А мы туда сами плюем этот воск, его ведь всё равно не едят, – ответил за всех Васька.

Петька и Васька устроились спать на веранде. На новом ме-

сте, да еще снова вдвоем было весело и необычно хорошо!

– Здорово мама перепугалась! – сказал, смеясь, Васька перед тем, как уснуть. – Надо не перепутать, как-нибудь, кто Первый Василий, а кто – Второй.

Опять каникулы летние наступили. Петьку перевели в пятый класс. Со следующего года он будет учиться в самом центре города Слады в школе второй ступени. Васютку перевели в третий класс с хорошими отметками. В гагаринском огороде мать посадила только один лук, а всё остальное, самое важное, на своем огороде «горелого дома». Петьке надо везде поспеть, как-никак он старший из братьев. Дрова пилить с матерью или отцом, да и с Васюткой они тоже пилят. Гагаринский дом холодный, много дров «жрет», только успевай готовить. Для игр времени совсем мало.

– Давайте хоть в «палочки-застучалочки» поиграем, – предложил Васютка, когда пришел навестить их Афонька.

– Поиграем, только недолго, пока мать на рынок ходит. Как придет, полоть грядки надо идти. Она наказала, чтобы никуда мы не уходили.

Лучше всех прятался Василий Второй, потому что он, как хозяин, все закоулки знает.

– Пойдем, робя, за мной! Афоньке нас ни за что не найти! – прошептал Василий Второй, потянув за рукав Петьку.

– Я не полезу наверх. Там, на лестнице, одной ступеньки не хватает! – отказался Васька. – Я тут спрячусь.

Василий Второй быстро, как кошка, в один миг оказался на сарае. Петька тоже последовал за ним.

– Иди сюда! – прошептал Василий Второй. – Здесь нас не найдут до Второго Пришествия!

– Вот сюда заберемся и крышку за собой закроем, – прошептал заговорщически Василий Второй.

Петька уже было собрался лезть следом за хозяином в какой-то длинный ящик под крышку, которую любезно придерживал Василий Второй, как тут же в сумрачном свете, струящемся из маленькой отдушины, узрел на этой крышке рельефно выступающий крест и всё понял. Ящик, в котором хотел спрятаться Василий Второй был ничем иным, как обыкновенный дощатый гроб.

– Ты прячься... тут, а я в другом месте попробую, нам тесно будет!

– Ничего не тесно, мы тут по трое прятались.

Преодолев какую-то неожиданную оторопь, Петька повиновался и устроился рядом с Василием Вторым.

– А тут свободно, – заметил Петька, чтобы прервать тягостную минуту молчания.

– А ты думал. В самой крышке вон сколько места. Только ты тише, а то тут, как в балалайке, всё слышно. Смотри через щель.

Петька глянул по совету Василия Второго и тут же увидел Афоньку, взирающего с последних ступеней лестницы в глубины сумрака. И, как показалось Петьке, смотрел он чересчур долго, видимо, «приучал» глаза к темноте. И вдруг Афонька, выпучив от удивления глаза, посмотрел в сторону гроба, где прятались Василий Второй и Петька, мгновенно исчез, «пересчитав» пузом все ступеньки круто поставленной лестницы.

В первую минуту Петька подумал: «Всё! Афонька обнаружил их!» и поделился этим с Василием Вторым.

– Молчи, – прошептал он, – не догадается!

– Пойдем, Васька, мне надоело играть. Да и мама, наверно, с рынка пришла. В другой раз поиграем.

– Как хочешь, – ответил Василий Второй.

– А для кого этот гроб? – спросил Петька. – И почему он тут у вас на сарае?

– Это нашей бабушки. Он давно тут стоит. Меня еще и на свете не было... Их тут два было. А как дедушку схоронили, остался один.

Петьке было удивительно, как Василий Второй говорил про такие «загробные» вещи просто и равнодушно, как про панки, биты или пчелиные соты.

– Бабушка совсем плохая стала! – продолжал Васька. – Как только умрет, мы уедем отсюда к отцовой сестре в Сызрань, а дом свой продадим.

– Это который?

– Флигель, конечно. А тот дом, в котором вы живете, государству перешел.

– Вы что там балакаете? Слезайте, я вас давно застукал! – крикнул Афонька и добавил с осуждением. – Тоже мне... нашли место, где спрятаться.

– Афонька брюхо себе расцарапал, – сообщил Васютка. – Он гроба испугался.

– Сам ты испугался! – ответил Афонька и добавил, – отыгрались на сегодня. Тетка Тоня с рынка пришла, Петьке с Васькой грядки надо идти полоть. А мы уже всё пропололи, скоро окучивать будем.

До половины зимы мерзли в дьяконском доме Степановы. Потом перебрались на новую квартиру на той же улице – Береговушке. Гагаринский дом купил товарищ отца – Миша Исаев, а свой уступил отцу, пока сделает ремонт в Гагаринском.

Дом оказался удобным и теплым на две комнаты и маленькую кухню. Он вполне устроил семью Степановых. Но самое главное все-таки – было тепло. Старый его хозяин, Исаев, часто приходил погреться и каждый раз приговаривал:

– Прогорел с этим шикарным «дьяконовским» домом, ночью зуб на зуб не попадает.

– Живи вместе с нами, – предлагал отец, – места всем хватить. – А мы скоро свой закладывать будем. Вон, старый амбар у Махониных сторговал, страховку

за старый получил, будем с Петруськой свои хоромы возводить.

Отец не бросал слов на ветер. Каждое свободное время тратил на приготовление столбушек на фундамент будущего дома, делал всякие заготовки для будущих дверей, окон, приспосабливал и обгоревшие бревна. Петька тоже старался помогать пилить, обтесывать уголь со старых бревен.

Видимо, от перенапряжения, от заботы, которой у отца прибавилось с возведением нового дома, отец часто болел, хватался за сердце, а после таких приступов сидел где-нибудь тихий, неразговорчивый и побледневший. Но, видимо, отцу снова становилось легче, и он продолжал что-нибудь делать – «пеньшить», как говорил отец.

С переездом в исаевский дом отец временно отказался от работы на подсобном хозяйстве. Он нашел себе замену и ушел оттуда. Теперь работала одна мать. Она в летнее время нанималась красить в какой-нибудь школе или в заводской конторе. Петькина мать была большой мастерицей, поэтому ее приглашали всюду.

Снова наступило тяжелое и голодное время. Опять хлеб был «холготной», как говорила мать, и опять не досыта. Мать придумывала, соображала, как накормить оставшихся двоих сыновей – Петьку и Васютку. Когда они были маленькими, было проще, а теперь, когда они росли, как на дрожжах, было нелегко. Двести граммов, что полагались братцам, как они ни старались «растянуть» на целый день, ничего не получалось. К обеду у обоих не оставалось даже маленькой крошки. А вечером они уже ждали: «Мама что-нибудь придумает и накормит».

А что могла придумать мать, когда во всем доме ни картошки, ни овощей и никаких съестных припасов? Хлебный паек, выдаваемый по продуктовым карточкам, составлял в общей сложности на всю семью около полутора килограммов, «львиная» доля которого шла, благодаря опять же всяким «ухищрениям» матери, ребятам и больному отцу. Отец обычно возражал в этих случаях:

– Ты чего это, мать, меня кормишь, как на убой? Ешь сама-то!

– Я сыта! Меня на работе хорошо покормили, – отговаривалась мать.

Ночами мать стонала, хваталась за желудок, пила выписанные фельдшером Устинычем порошки «от желудка», а утром уходила на работу.

Еще после пожара, когда уже нехватка продуктов чувствовалась во всем, мать беспрестанно топила в бане «каменку» и сушила впрок испеченную пожаром картошку.

– Чего ты возишься с этим? – возмущался отец, видя, как мать обшелушив картофелину раздавливала ее деревянной колотушкой и клала на железный противень.

– Ничего, пригодиться. Если сами не съедим, так скотине уйдет. Может овечку или поросенка заведем, – не обращая внимания на замечание отца, продолжала свое дело мать.

Наготовив несколько противней, мать ставила их на «больную» каменку, а высушив, складывала в мешочки.

Картошка, которая оставалась на еду до новой, вся ушла на семена, поэтому погреб опустел. Даже обычная квашеная капуста быстро ушла в дело, оставив после себя только запах.

Петька несколько раз пытался выручить своих домашних, ходил на рыбалку, а иногда звал с собой брата Васютку, но тот, зацепив однажды сам себя за губу удельным крючком, не проявлял большой охоты.

– Ты иди, Петруська, порыбачь, а я дома тебя подожду. А если поймаешь, то завтра обязательно пойду.

– Ладно, сиди дома, «сидёха». Ты бы червяков накопал мне.

– Я есть хочу, а ты мне про червяков толкуешь. Иди скорее, у тебя еще старых червяков на две рыбалки хватит. Иди, не задерживайся, я ухи хочу! – сказал Васька.

Петька, забрав удочку, банку с червяками и котелок, шел в огород своего «горелого дома». Здесь всё еще пахло пожаром, было тоскливо и грустно.

«Надо было пораньше выйти», – подумал Петька, устраиваясь на своем излюбленном месте, около края обруба соседской «долгоруковской» межи. Насадив червя, Петька закинул удочку. Поплавок лег между круглыми листами лилий. «В самый раз угодил! – мысленно похвалил себя Петька. – Если он тут, то обязательно должен клюнуть!» – настраивал себя Петька на удачную рыбалку. Но прошла минутка, две, пять, а этот «он» и не думал клевать. «Не хочешь, не надо. Еще посижу немного и дяде Афоне на обруб, там попробую... два дня тому назад... А где мой поплавок?» – прервал размышления Петька и тут же заметил, как леска натянулась. «Только бы не оборвал, леска всего в четыре волоса!» – с испугом подумал Петька, предпринимая всё, чтобы не упустить клюнувшую рыбину. А та упиралась или металась из стороны в сторону, не желая оказаться на сухом берегу. «Надо в заливчик повести, через обруб не вытащить, а там как на зло кто-то наставил лодок, обрадовались, что нет хозяев!» – с возмущением подумал Петька и потянул удочку вверх. Крупный окунь взметнулся над водой и, повиснув на какое-то мгновение над лодками, оборвался и... шлепнулся в воду с крючками.

От досады Петька бросил удочку и заплакал: «Накормил Ваську ухой! Надо было посильнее размахнуться, чтобы за эти лодки его выбросить, а я замешкался. У меня всегда что-нибудь да не ладно: то оборвет, то отстанет, то за корягу зацепиться. Плохой я рыбак! – продолжал

казнить себя Петька. – Ладно, черт с ним, с окунем, крючок жалко, фабричный был!»

Петька взял снова в руки свою удочку, осмотрел ее:

– У самого грузика оборвал, – сказал он вслух.

– Ну как клев? – неожиданно услышал Петька за спиной чей-то незнакомый голос и обернулся.

Перед ним стоял незнакомый мужик с верхних улиц.

– Ты чего, не слышишь?

– Слышу, не глухой. Окунь сорвался вместе с крючком!

– Бывает, – сочувственно заметил незнакомец и тут же спросил:

– Ты Степанов?

– Степанов, – охотно ответил Петька.

– Я сразу же по колодке тебя узнал! – объявил незнакомец и добавил. – Я тут без спроса похозяйничал, лодку приткнул, ты скажи отцу: Бедич шитик поставил на вашем берегу временно, конечно.

– Ладно, скажу.

– Вот и хорошо. А я сейчас воду вычерпаю. Ты подожди меня. Потом ко мне домой сходим, я тебе пару крючков дам. У тебя есть запасные-то?

– Нет, да и тот оборвался вместе с окунем.

– Ты дай, Степанов, мне котелка, воду вычерпать, а то баночкой провожусь до морковкина заговенья.

– Возьмите, не жалко.

Петька отдал «Бедичу» пустую посудину и стал наблюдать, как тот ловко стал вычерпывать воду из своей лодки. Делал он это очень быстро и умело. Вода на виду убывала и убывала. И вдруг «Бедич», бросив котелок на дно лодки, стал почему-то шарить в воде, скопившейся в корме лодки, приговаривая: «Стой, стой, не брыкайся!»

И тут Петька увидел в руках «Бедича» своего окуня!

– Напрасно ты переживал, Степанов. Не ушел твой окунь! В лодку угодил. На! Держи его и вместе с крючком.

Совсем не ожидавший такого поворота дел, Петька так обрадовался, что, схватив окуня, собрался было бежать.

– Ты куда? А котелок? Подожди, я сейчас, немножко уже осталось. Да и за крючком ко мне сходим, как обещал. А то с одним крючком что за рыбалка.

Пока «Бедич» вычерпывал воду, Петька любовался своим уловом. Окунь был весом не менее фунта, красноперый, горбатый. «Будет у нас с Васюткой сегодня уха, обязательно будет!» – с радостью подумал Петька.

«Бедич», наконец, вычерпал воду, отдал Петьке котелок и втащил свой шитик подальше на берег. А Петьке не терпелось бежать домой, уху варить и в то же время хотелось получить эту неожиданную совсем «пару» крючков.

Оказалось, новый Петькин знакомый живет совсем недалеко в Первой Неумойке. Идти прямо вдоль «поповского» переулка, а потом направо, второй дом.

Петька подождал немного, когда его новый знакомый «Бедич» ходил за крючком. Он все любовался своим окунем, напоминавшим о себе внезапным взбулькиванием в котелке, наполовину заполненном водой.

– Чего брыкаешься! – благодушно разговаривал Петька с окунем. – От меня, брат, не уйдешь. Я еще не таких ловил!

Что касается Петькиного замечания и хвастливого заявления: «Не таких ловил!» – преувеличение его рыбацких успехов. На самом деле такую крупную рыбу Петька поймал впервые.

– На! Держи, Степанов! – выйдя из ворот, его новый знакомый подал Петьке сразу четыре крючка, воткнутые в кусочек ткани. – Кованые, седьмой и восьмой номер, как раз на окуня.

– Спасибо! – ответил Петька и, зажав в кулаке тряпицу с крючками, стремглав побежал домой, расплескивая воду из котелка.

В тот день Петька накормил не только себя и братишку Ваську «знаменитой» ухой, но и матери с отцом еще осталось.

– Ты меня разбуди пораньше завтра, я тоже на рыбалку пойду, – заявил Васька, когда они укладывались спать.

– Ладно, договорились. Я так и знал, что раззужу тебя таким здоровенным окунем. Удочку тебе приготовил заранее.

А утром следующего дня Васька снова отказался от этого «рыбацкого мероприятия».

– Ты чего это ни свет, ни заря меня разбудил? Я так с тобой не договаривался. Да мне еще во сне оладьи снились.

– Оладьи, оладьи, – передразнил Петька, – вот и спи, ешь свои сонные оладьи, а я за окунем пойду, пока ты дрыхнешь. Наловлю рыбы, сварю у нас в огороде в бане и сам съем.

– Не съешь!

– Нет, съем! – одевая кепку, сердясь на брата, крикнул Петька и выбежал за дверь.

Васька полежал немного, забрался было снова под одеяло, но раздумал. Разговор с братом касался главного – еды. И он подумал: «Чего доброго Петька на самом деле может сварить без него пойманную рыбу и съесть. Правда, такое не свойственно Петьке, но кто его знает. Он ведь теперь тоже всё время голодный! А голод не тетка!»

Васька быстро вскочил с постели, умылся и подошел к столу, на котором под сложенным в несколько раз полотенцем лежало два кусочка хлеба. «Для нас с Петькой мама приготовила!» Проглотив слюну, Васька отломил малюсенькую крошку от «своего» куска и положил в рот. Скулы заломило, но он разжевал эту крошку и проглотил: «Хорошая штука – хлеб! Сейчас бы запросто оба куска в один миг сжевал. Но это на целый день нам обоим. Пусть лежит до обеда!»

Приняв такое героическое решение, Васька выбежал на ули-

цу, огляделся. «Рано еще! Это хорошо! Сейчас самый клев!»

– Садись рядом. Я твою удочку закинул. Только проверь червяка. Я на твой поплавок давно не смотрел, – сказал Петька, мельком взглянув на появившегося брата.

– Клюет? – спросил Васька.

– Тише ты! Два раза дернуло! – прошипел Петька.

– Вытащил?

– Одного маленько зацепили.

Ребята просидели часа четыре, но всё безрезультатно. Ходили по берегу, забрасывали тут и там, но всё было напрасно.

Выловив еще одного маленького окунишка, который съедал насадку на Петькиной удочке раз пять, Васька сказал:

– Хватит, Петруська, пойдем уху варить. Я здорово есть захотел.

– Да ты чего? Обалдел что ли? Какая уха из двух малюсеньких рыбок?

– Всё равно пойдем варить. У меня уж давно кишка к кишке не сходятся. Я проголодался. Ты придумай чего-нибудь.

Петьке и самому хотелось есть. Сматывая удочки, он «придумывал», как советовал ему Васька.

– Ладно, держи ножик, почисти рыбу, а я приварком займусь.

Признаться, Петьке нравилось, когда Васька просил его «придумать» что-нибудь насчет еды. И каждый раз, вкладывая в это «придумывание» изобретательство, находчивость, Петька к удивлению младшего брата, не оставлял его запрос без внимания.

В другой раз бы Петька подумал: «Может ли он решить эту, почти не разрешимую задачу – накормить голодного?» В ответе на этот вопрос Петька не сомневался после того, как побывал на покосе с голановскими ребятами, и знал способы и ухищрения старшего из голановских братьев – Кости, который кормил всю братию явившихся к ним на покос пацанов – друзей Афоньки и его самого. Каждое утро Костя, отправив всех на очередную рыбалку в «пойме», не подавал сигнала на обед до тех пор, пока этот «обед» не был полностью готов. Голодные рыбаки, напрягая слух, ждали условного сигнала – звенящего стука в обломок рельса, подвешенного к сучку лиственницы у самого входа в покосную избушку-землянку.

Что и из чего делал Костя свое «варево», никто не знал. Но похлебка, которую он подавал, была изумительно наваристой и вкусной. Наевшись, ребята ложились спать на широких нарах просторной землянки, а Костя, собрав утренний улов всей братии, снова колдовал. Чистил, солил, сушил, толок в большой деревянной ступе какие-то корни, из сушеной рыбы делал «котлеты», которые шли вместо хлеба. «Лесной народец» или «зулусы», как называл Костя свою братию, держались на речке Ломовке до недели, а иной раз и того больше. Но заскучав, в конце концов, о настоящем хлебе, удирали домой. Только однажды Петька открыл Костин секрет приготовления таких изысканных и «непостижимо» вкусных блюд. Но сделал вид, что ничего не заметил.

Перед самым обедом Петька по легкой нужде зашел за избушку и неожиданно увидел целый ворох лягушачьих лапок и голов, а также кучу рябой шелухи птичьих яиц, и все понял…

За обедом, старясь сохранить полное равнодушие к своему неожиданному открытию, Петька стал наблюдать за Костей. А тот, совершенно не подозревая о раскрытии его «тайного» промысла, сам черпал большой деревянной ложкой из общего котла, облизывая свой «инструмент», как он называл ложки.

После обеда, спустя некоторое время, Петька решил поделиться своим открытием с младшим братом Голановых Витькой как самым брезгливым и привередливым. Пригласил его прогуляться за избушку.

– Пойдем, Витька! Я тебе такое покажу! – интригующе заявил Петька, потянув Витьку за рукав.

Но когда он привел его на то «место», где он обнаружил «страшные улики», там уже ничего не было. Костя убрал всё своевременно.

– Ну чего? Говори, – спросил Витька.

– Я знаю место, где щурята клюют, – вывернулся Петька.

И вот сегодня вновь представился Петьке случай выкрутиться, но только по-другому случаю – накормить брата Ваську. И он, отобрав у Васютки нож, забрался в борозду и стал подрывать картошку. Нащупав в теплой земле семенной срезок картошки, Петька подсовывал нож и обрезал маленькие кусочки серой, перепачканной землей, картошки. Пройдя таким образом по ряду, он набрал с пригоршни этих земносерых срезок, затем нарвал листьев крапивы и пучок бутуна. Вернувшись на берег, увидел, что Васька сидит, приготовив всё для костра в ожидании Петькиного «колдовства».

Перемыв всё и мелко накрошив на краю плотика, Петька ссыпал всё это месиво в котелок, где уже болтались два почищенных Васюткой окунишка, поставил на костер.

А Васька тем временем сходил в баню за спичками:

– Зажигай, Петруська! У тебя это лучше получается.

Петька поджег приготовленную Васькой бересту, и костер весело запылал еле видимым на солнце огнем.

– Лаврового листа, жаль, нет, – посетовал Петька, а то бы совсем хорошо получилось.

– Ладно и без лаврового, – возразил Васька. И так густо, подсовывая щепки под котелок, Васька добавил. – Ты последи тут, а я за ложками в баню схожу.

– Не ходи! Как сварится, мы котелок туда унесем, там поедим. А потом заедать на новую

квартиру пойдем. Там мама нам хлеба приготовила.

– Давай я лучше сбегаю за ним, с хлебом-то лучше!

– Не надо, лучше потом заедим. Варево не очень-то хорошее получится.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! – сморщившись, ответил Петька, помешав в котелке черемуховой палочкой.

– Хватит варить. Вон уже кипеть начало! – застонал Васька. – С тобой только свяжись, не дождешься!

– Да ты чего? Очумел что ли? Только еще закипать начало, а ты уже «хватит» орешь.

– Вот у окуня глаз побелел!

– Сам ты побелел. Подожди немного, пусть уварится!

Наконец, как предположил Петька, варево было готово:

– Пошли! Я котелок понесу, а ты костер заплещи.

Поскольку кострище было совсем рядом с водой, Васька ногами поднял такой каскад брызг, что можно было затушить ими десяток таких костров.

Достав ложки, которые всегда теперь после пожара хранились здесь вместе с другой посудой, ребята вылили своё «варево» в большую миску и приступили к обеду.

– Ну как? – спросил Петька.

– Нормально! – ответил Васька, только ты перцу переложил, немного горчит.

Петька, конечно, догадался откуда взялась эта горечь. Но промолчал. Отхлебнув две-три ложки, согласился с братом:

– Да, есть малость. Переложил перчику!

– А это что такое черное? – спросил Васька, вытащив на ложке сваренный лист крапивы.

– Ешь, не оскомыливайся! Тут всё съедобное!

После такого обеда Васька заметил:

– За такой обед ставлю тебе Петруська «уд» с минусом, потому что в брюхе знобит и по-настоящему есть хочется. Пойдем лучше всё это хлебом заедим.

– Пойдем! – охотно согласился Петька.

«Сегодня не получилось у меня с обедом, – размышлял Петька, – продукты не важные. Но это всё равно лучше, чем ничего!»

На следующий день рыба совсем отказала клевать. А Васька опять приставал к Петьке с очередным «придумай что-нибудь». И Петька придумал.

На этот раз ему повезло. Отщипнув с капустного куста зеленый хрустящий лист, Петька мелко искрошил его, пользуясь своим складным ножом, сделанным отцом из обломка старой косы. Васька, взиравший на Петькины приготовления, сразу заявил:

– Это я есть не буду.

– Ты не торопись, подожди. Сегодня я тебя летятиной накормлю!

– Какой летятиной? – без особого интереса спросил Васька.

– Летятина всякая бывает: утки, гуси... куры тоже к летятине относятся. Потому что птицы, хоть и почти не летают.

После такого заявления Васька замолк и безропотно стал наблюдать за братом. А тот, искрошив капустный лист, высыпал его на вытоптанную площадку около задних ворот их горелого дома, снял с бани решетку, предварительно заткнув пучками травы отверстия решетки, служащие ручками.

– Знаю, чего ты надумал! – заявил Васька, увидев Петькины приготовления.

– Знаешь, так помогай! Тащи шнурок, он в предбаннике, где мама рубахи сушит.

– Знаю, не учи.

– Васька быстро сбегал за шнурком, отдал его Петьке.

Петька вырезал палочку-сторожок, привязав к нему конец длинного шнурка, и приказал Ваське спрятаться.

– Ничего не получиться! – прячась за ворох обгорелых бревен, заявил Васька.

– Получиться! Только подождать надо.

С этими словами Петька, набрав горсть капустного крошева, стал приговаривать, как это делают иногда хозяйки, приглашая своих кур:

– Цып-цып-цып...

Проделав такую операцию несколько раз, Петька, взяв осторожно свободный конец веревочки, спрятался рядом с Васькой за бревнами.

– Не прилетят. Их совсем не видно.

– Тише, помолчи, прилетят.

Сначала братьям явно не везло. Залетевший было воробей под решетку, клюнул раз, два и тут же улетел.

– Рано дернул! – заметил с сожалением Петька.

– Дай лучше я. У меня рука твердая, – заявил Васька.

– Ладно, попробуй, – согласился Петька, вспомнив материну поговорку: «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало».

И в этот момент стайка с ходу села у самой решетки. Охотничий азарт разом охватил Петьку. «Зачем я Ваське доверил дергать за шнурок? Он обязательно прозевает или дернет слишком рано!» С этой мыслью Петька потянулся было за шнурком, чтоб перехватить его у братишки, но Васька локтем оттолкнул Петькину руку. Петька не успел даже сообразить, как поступать ему в этом случае, как Васька неожиданно дернул за шнурок.

– Готово! – крикнул он победно и торжественно.

– Что, готово? – спросил Петька, заметив, как несколько воробьев пролетело над их головами.

– Не меньше десятка штук прихлопнул!

Петька засомневался в Васькиной удаче, но на всякий случай принял все предосторожности, подвинув под решетку с большой тщательностью старый лист железа.

– Понесем осторожно в баню, посмотрим, что поймали.

Васька настолько был уверен в своей удаче, что пока они несли

решетку на этом листе до бани, раза три рассказал Петьке о своих охотничьих успехах.

– Гляжу, а они туда! Хорошо, думаю. Давай, еще... и тут как... дерну. И всё! Почти всю стаю зацапал. Я гляжу, а они...

– Ладно тебе! Рассвистался! Посмотрим, что за стая там у тебя.

– Посмотри, посмотри. Штук десять, не меньше. Только я их всё равно есть не буду.

Когда ребята принесли решетку в баню, закрыв дверь и отдушину, увидели, что вместо предполагаемой там стаи оказалось всего два воробья.

Изловив их, Петька всё сделал, сам ощипал. Опалил в каменке, выпотрошил под Васькино беспрестанное «гуденье».

– Я всё равно это есть не буду.

– А лягушек будешь?

– И лягушек никогда не ел и не буду.

– А на Ломовке у Голановых на покосе ты что думаешь ел?

– Откуда я знаю?

– Вот в том и дело, что не знаешь. Ты там лягушек ел!

– Скажешь тоже, лягушек!

Через час уже варилась похлебка из «летятины» в банном ковше. Весело горели щепа и мелкие дровишки. А запах настоящего варева уже разносился по старой бане.

– Сварилось! – наконец объявил Петька, ткнув в свернувшуюся тушку синего воробья.

– Будешь есть? Если нет, я один справлюсь! – объявил Петька.

– Попробую только, – робко ответил Васька.

– Ну как? – спросил Петька.

– Немного пересолил, но есть можно.

– Вот так, знай наших!

А когда братья справились с «летятиной», Васька заключил:

– Если бы всех заловить, то можно досыта наестся, а так только одно расстройство – съел и не отведал.

Часто степановских ребят выручала соседка по новой квартире в бывшем исаевском доме. Таисия Абакумовна или как просто называли ее «Абакумовна», довольно пожилая и полная женщина была доброй и очень внимательной. Почти каждое утро приносила то картофельную шаньгу, то какую-нибудь лепешку, чтоб угостить соседских ребят.

– Не знаю, понравиться или нет? – подавая матери кусок какой-нибудь стряпни.

– Да что вы беспокоитесь, Таисия Абакумовна! Не знаю, как вас и благодарить!

Щедрая старушка иной раз приносила матери то щепотку отрубей, какой-нибудь крупы или высевок.

– Знаю, ты мастерица, что-нибудь сварганишь для ребят. А их кормить надо, вон, они какие рослые у тебя.

– Ох! Как не надо, кормить надо! – вздыхала мать и снова благодарила соседку.

Однажды Абакумовна принесла свернутую пополам коровью шкуру и сказала матери:

– Если ее разрезать на куски, а потом опалить, то в конце концов можно и сварить. Ты лучше меня сообразишь, как это сделать. Если не побрезгуешь, то бери.

Петькина мать поблагодарила Абакумовну и от этой коровьей шкуры, конечно, не отказалась. Затопила печь, нарезав шкуру кусками, на клюке опалила их. Потом очистила их от обуглившейся шерсти, хорошенько промыла, измельчив ножом, поставила варить в вольную печь.

А утром варево было готово. Затем мать разваренные и разбухшие куски коровьей кожи изрубила в корыте, снова немного поварила и вынесла, разлив все в миски, на погреб. Получился вкусный и съедобный студень. Да такой плотный, что его пришлось резать ножом.

Петькина мать, попробовав этот студень, прежде всего сходила к соседке, чтобы угостить ее:

– Молодец, Игнатьевна! – похвалила Петькину мать соседка. – Я ничего подобного не едала даже в самые хорошие времена.

Разумеется, такой «холодец» больше всего понравился Ваське и Петьке. Да и отец, обычно не жалующий подобные «изобретения», похвалил:

– Пожалуй, Абакумовна права. Есть можно!

ГЛАВА 14
НОВЫЙ ДОМ И НАЧАЛО ПУТИ

Мечта о новом доме возникла у отца не сразу после пожара, а несколько позже, так как на первых порах не было ни сил, ни средств, ни времени. «Может, еще привыкнем к чужому дому?» – размышлял отец. Но помыкавшись на двух предоставленных ему Горисполкомом квартирах, отец твердо решил строиться. Получив «страховку», он по дешевке купил у соседей не выделанный сруб под амбар. Бревна были тонкими, и отец их сам перенес на родное пепелище на плече.

Новый дом на старом усаде рождался медленно. Два-три венца за неделю. Рабочих рук, если считать по-серьезному, только две, несмотря на то, что сыновья старались. Вовсю помогали отцу. Но работа их на первых порах была совсем незаметной. Набрать в Усовом логу мху, привезти его на шитике, очистить старые кирпичи. Выправить старые гвозди, надерганные отцом из обгорелых досок. Убрать лишний мусор, распилить на дрова «огорелыши» от старого дома – вот и всё. Одним словом, хотя братья и делали каждый день «ответственную» работу, но непосредственного отношения их дела к новому дому почти не имели.

Таскать бревна, класть их на мох – дело отца. Конечно, братья старались, где было возможно, подставить свое еще не окрепшее плечо. Отец хотя и хвалил в

этих случаях сыновей, но больше предостерегал:

– Не лезьте, ребята, под бревно! Тут я сам справлюсь!

Сыновья не появлялись на стройке день-другой, когда мать им давала «домашние задания» на исаевской квартире. А когда они появились на родном пепелище, то удивились: сруб нового дома вырос настолько, что приходилось ходить в дверь, вернее, в выпиленный в стене для будущей двери, проем. Такой сруб уже не перемахнешь одним махом, как было несколько дней тому назад.

Когда появился пол, сделанный отцом с помощью сыновей, дело пошло веселей. Появилась надежда, что затеянное строительство дома придет, в конце концов, к завершению. Тем более, куча бревен, стасканных отцом от Махониного амбара, таяла, а дом, хотя и медленно, как казалось Петьке, всё возвышался и возвышался. И, наконец, последнее бревно совсем, как в сказке, взлетев вверх, легло на мох, уложенный с великим старанием Петькой.

С появлением потолка, который уложили с особой тщательностью, дело пошло совсем весело.

Стропила для будущей крыши ставились «помощью», как это обычно делалось между соседями. Добровольцев ставить стропила оказалось больше, чем достаточно. И за каких-то полдня стропила встали над степановским домом по всем правилам плотницкого искусства.

До этого дня дом строился, как казалось Петьке, медленно. Отец, всё продумав заранее, не раскрывал своих замыслов. Но с появлением каркаса будущей крыши, заторопил ребят, поглядывая в небо:

– Погода начинает портиться! Как бы незаненастило, – заметил отец.

Петька тоже в этот момент поглядел на небо, но ничего такого, чтобы предвещало наступления ненастной погоды, не замечал:

– Вчера и позавчера такое же небо было, да ничего, обошлось, – пытался успокоить Петька своего отца.

На Петькино замечание отец почти не обратил никакого внимания. Но и не осудил.

Он делал вид, что советуется с сыновьями.

– Ребята, надо бы нам все-таки до дождей под крышу забраться!

А это значило, надо быстрее строгать, кромить и дорожить приготовленные для крыши доски, которые братья строгали уже целую неделю. Новый тёс, как оказалось, был не только не построганным, но даже не окромлённым. А доски, что были сняты с Махониного амбара, были коротки и могли пойти только на крышу сеней будущего дома.

Отец неделю назад показал Петьке, как отбивать шкуркой кромки досок и как их «кромить» настоящим плотницким топором.

Сначала у Петьки дело шло не совсем ладно. Топор вилял из стороны в сторону, как коза перед непонравившимся пойлом. Да и руки уставали с непривычки быстро. Затес получался не ровный с разными заусенцами и «защепами». Потихоньку Петькины руки окрепли, стали привыкать к топору, и дело пошло, если не на отлично, то на удовлетворительно как раз... Отец даже похвалил Петьку:

– Половину окромишь, тогда можно тебя будет на третий разряд ставить!

От такой похвалы Петька взрослел и испытывал настоящее чувство удовлетворения и в то же время прикидывал: «Что означает этот третий разряд? Много это или мало?» А однажды он все-таки спросил у отца:

– Папка, а ты по какому разряду плотничаешь?

– По шестому. А что?

– Да так, просто спросил из любопытства, – уклончиво ответил Петька, немного разочаровавшись в своем третьем.

Окромив, наконец, все дочки, Петька вместе с братишкой Васькой приступил к новой работе – строгать двуручным рубанком эти окромленные доски. И тут дело шло не очень «прытко», как говорил отец. Он, то и дело прервав работу в доме, приходил на помощь:

– Вот, смотрите, как надо, – показывал он терпеливо сыновьям.

С отцом «править» доски – милое дело! Стружка сама вьется, только успевай передвигать по доске на новое место. Не успеешь оглянуться, а она уже кончилась. А Васютку надо самого таскать за «двурушником», устает быстро. Не привык еще он к такой работе.

Да и что с него взять, если ему исполнилось всего одиннадцать. Поэтому младший брат только и знает:

– Давай отдохнем, Петруська, немного.

– Да мы только что отдыхали! А ты опять за свое – «отдохнем»!

– Тебе хорошо! У тебя третий разряд, а я «безразрядный», – посмеивается Васька.

Петьке нравится, когда брат упоминает о его «третьем разряде». Хотя он и знает, что Васька подтрунивает над ним. Урезонивает братишку тоже шуточным замечанием.

– За столом ты по пятому разряду ложкой орудуешь, а как строгать доски, так сразу «безразрядным» становишься. Вот еще две доски построгаем, тогда видно будет.

– Чего видно-то? – спрашивает Васька, чтобы любым способом продолжить разговор. А за одно и свою передышку, лишь бы не строгать.

– Когда нашу работу видно будет! Чего еще?

– А я думал, чего-нибудь другое, – разочарованно произносил Васька и вдруг, оживившись, предлагал:

– Давай прострогаем четыре, нет, пять досок подряд, а потом пойдем купаться!

– Ладно, согласен!

После того, как братья стали перемежать работу с купанием, дело пошло веселее. Вскоре братья уговорились: купаться после того, как только будут простроганы десять очередных досок.

Вода в Сладинском пруду была уже довольно прохладной. Наверно, братья были единственными, кто тогда купался после холодных, с обильным инеем утренников. Зато после купания они с огромным удовольствием согревались рубанком-«двурушником». Таким же образом братья «продорожили» весь тес, нужный для кровли. Продорожив последнюю тесину, братья были удивлены тому, как быстро продвинулась работа у отца. Пока они строгали и дорожили тес, отец не дремал – уже заканчивал кровлю над всем домом!

– Управились до дождя! – похвалил отец своих сыновей и заодно себя. А потом добавил с полной серьезностью. – Если бы не ваша помощь, чтобы я тут один сделал? Теперь можно спокойно внутри дома шишлять, – заключил отец.

А вскоре внутри дома закипела другая работа: приглашенный каменщик Помелов клал Степановым новую печь.

Петьке и Ваське опять работа подоспела: месить глину, воду носить, песок, размешивать в деревянном ящике «ил» и подавать каменщику всё, что потребуется.

Печь росла быстрее, чем дом. Помелов хвалил ребят:

– Вот это каменщики! Вот это помощники! Всё «секут» на ходу, без лишних слов!

Конечно, ребята понимали, что Помелов их расхваливает шутя, но тем не менее, они помогали ему на совесть.

На следующий день над крышей Степановского дома появилась труба. Довольный своей работой Помелов сказал матери:

– Давай, Игнатьевна, затопляй печь!

– Что, разве можно? – удивилась она.

– А что на нее глядеть, затопляй! Затирку на ходу сделаю!

Братьям не верилось, что вот сейчас затопится в их новом доме печь, пойдет из трубы настоящий дым!

Мать набрала всяких обрезков, щепы и разожгла огонь. Вначале дым как бы растерялся, не зная куда идти: или в трубу или прямо, через устье печи, в дом? Выметнувшись один раз прямо в будущую кухню, а потом, как бы сообразив, куда надо, стремительно ринулся вверх по трубе.

– Всё! Узнал свою дорогу! – удовлетворенно заметил каменщик. – Теперь, Игнатьевна, и камин затопляй.

Камин загудел разом, без всяких фокусов и капризов.

К вечеру того же дня, когда каменщик Помелов закончил свою работу, мать сварила в новой печи «молодой» картошки и накормила всех.

На следующий день новая печь сияла свежей известковой побелкой. Хотя и была побелена всего на одни раз.

В доме опять новая работа поспела – стены тесать под будущую штукатурку.

Тесать стены топором с кривым топорищем Петька учился около недели. Каждый раз отец «проходил» по Петькиной работе и исправлял неровности. Наловчившись, Петька тесал стены своего будущего дома как заправский плотник. А Васька попробовал это дело и, убедившись, что ему еще рановато браться за такую работу, подтрунивал над братом:

– Давай, давай, Петруська, старайся! Я тебе через неделю разряд повышу. Будешь по четвертому вкалывать. Вот тут у тебя не совсем ровно, надо поправить, а то твоя будущая жена переделывать заставит.

– Ладно, и так сойдет! Будущий бригадир, шел бы ты отсюда, а то еще щепка в глаз попадет.

– Вот здесь тоже не ровно, – показывал Васька настойчиво.

– Сойдет, всё равно потом штукатуркой замажется.

– Не замажется! Теши. Как следует, а то Настасья твоя заставит всё переделывать.

– Какая Настасья? Чего ты мелешь? – возмущался Петька.

– Больно я знаю, какая. Только знаю, что она точно такая же у тебя будет, как у Алексея Сутырина, тетка Настасья.

– Откуда ты знаешь? Может, это я для тебя стараюсь.

– Раз ты первый о женитьбе заговорил, значит об этом только и думаешь, – смеясь, ответил Петька и, чтобы закончить щекотливый разговор в свою пользу, добавил, – вон вчера твоя Танька Мосунова в дом к нам заглядывала. Место себе прикидывала. Вот это уж точно!

При упоминании Таньки Мосуновой, которую в шутку пророчили Ваське в невесты, младший брат сразу сердился и переводил разговор на другую тему, нахмурив брови:

– Петруська, как ты думаешь, к началу учебного года закончим мы свою халупу.

Петка, обрадованный тем, что разговор наконец-то переменился, немного подумал, как это делал в таких случаях отец, ответил:

– Должны перебраться.

После того, как окна стали на свои места, а вставленные вторые рамы заблестели стеклом, Степановы помаленьку стали переселяться в свой новый дом.

Сени и чулан отец строил между делом по образцу старого дома. Тем более, что часть их сохранилась во время пожара. Тут уж не обошлось без помощи Петьки и Васьки. Отец, дав им задание, уходил на работу, а они сами, совершенно самостоятельно решали все эти плотницкие задачи. Запиливали зауголки еловых плах, тесали, подравнивали эти плахи, а, уложив очередную плаху на место, бежали купаться. А потом, дрожа от хо-

лода, грелись в бане. Отец, приходя с работы, прежде всего принимал ими сделанное и задавал на завтра новое дело. К началу учебного года Степановы полностью поселились в новый дом.

Первым жильцом нового дома, как это принято, стал кот Тишка. Собственно, он и не покидал совсем своего старого места. Крутился на пепелище, пока Степановы жили в гагаринском, а затем исаевском доме. Иной раз мать или сыновья ловили его, относили на квартиру, но кот, поев что-нибудь, удирал на старое родное место. А теперь вот, видимо, окончательно оценив новое жилье, переселился и больше не убегал никуда.

– Дождался Тишка! Дождался-таки! – погладив коту лоб, удовлетворенно заметил отец.

Кот мурлыкал от удовольствия, бодал отцу голенище сапога. Было по всему видно, что новый дом Тишке тоже нравится.

Конечно, по сравнению со старым домом, он был невелик. Но семья Степановых стала совсем небольшая – всего из четырех человек – отца, матери, Петьки и Васютки. Шурка уехала из дома и жила где-то под Москвой, работая, как писала, поваром. Таська вышла замуж за Сашу Полухина через улицу от Береговушки. Маруська тоже полностью переселилась на частную квартиру и уже готовилась основательно выйти замуж. Так что дом оказался в самый раз, хотя показывался с улицы совсем малюсеньким – на два окна, но в длину не уступал старому.

Вход в избу, как и прежде, через сени в дверь, что была по средине стены дома. Слева от входа две маленьких комнатки по одному окну с видом на пруд. Обе комнатки разделены дощатой перегородкой. В одной, ближней от двери, поселились Петька и Васька, в другой – мать и отец, справа от входа – столовая и прихожая вместе. А дальше за печью – кухня. Вот и весь дом.

В школу пошли братья из нового дома. Петька в седьмой класс, Васютка в пятый.

Забегая вперед, скажу: в новом доме Петька прожил совсем немного, меньше года.

В марте 1934 года еще до окончания седьмого класса, школу «десятилетку», в которой учился и довольно успешно Петька Степанов, облетела весть. Приехал какой-то вербовщик из областного центра и записывает семиклассников для поступления в школу ФЗУ на разные специальности. И верно, на следующий день этот вербовщик пришел и в Петькин класс. Он обстоятельно, целый урок объяснял, что из себя представляет эта школа ФЗУ и какие специальности можно получить, закончив ее: токари, слесари, электрики, трактористы, шофера. Одним словом, самые распространенные рабочие специальности, так необходимые на развернувшихся стройках первых пятилеток. «Кадры решают все!» – огласил лозунг нарочный представитель загадочного ФЗУ.

В 7 «В» записались: Афонька Голанов, Сашка Волин, Колька Табунов, Колька Мурашов и Петька Степанов. Из смежных классов тоже записалось около десятка ребят. Петька сначала хотел записаться на токаря, но весь класс, а вернее, все Петькины друзья записались на слесарей. Из солидарности с друзьями, он тоже записался на слесаря.

– Ждите теперь вызов! – сказал им нарочный и укатил со списком.

Все записавшиеся почему-то не верили, что их вызовут.

– Мало ли что записали. Бумага всё стерпит. Записали и забудут! – предположил Афонька Голанов. – Беда не велика, если даже не вызовут, можно десять классов закончить, а там видно будет! – отмахнувшись, рассуждал Афонька.

Но дней через десять снова приехал этот же нарочный и объявил, что все, кто попал в список, должны на следующий день явиться на железнодорожную станцию в соответствующей сезону одежде. Это уже было что-то серьезное!

Отец и мать одобрили Петькино решение учиться на слесаря.

– Что ж, слесарь тоже хорошая специальность, поезжай! – сказал отец одобрительно.

Всего из Слады выехало в областной центр на сдачу экзаменов десятка полтора семиклассников, и все из одной школы «десятилетки».

Кто решил ехать, Петька знал довольно хорошо, но, оказавшись одном вагоне, перезнакомились со всеми по-настоящему. Всё было непривычно, весело и тревожно. Еще вчера у всех была одна единственная и привычная забота – учить уроки, посещать школу, слушать и вникать в то, что говорят родители, учителя, а сегодня? А сегодня полная неизвестность. Что означает и куда ведет их первый шаг в самостоятельную жизнь? Было немного грустно и тревожно. Грустно, потому что кончилось детство, а тревожно от того, что еще неизвестно, как она покажет себя эта самостоятельная жизнь.

Сбившись в вагонном купе, ребята смотрели на убегающие поля, на незнакомые деревни, поселки, на мелькавшие стволы берез, телеграфные столбы и всё думали, всё гадали: куда они едут? Как их там примет эта загадочная ФЗУ? Правда, еще теплилась, если не у всех, то кое у кого надежда – сразу же вернуться домой после сдачи или несдачи экзаменов. Есть еще возможность пересмотреть этот свой порыв и не испытывать дальнейшей судьбы – вернуться снова в Сладу, там места всем хватит! А как же! Закончившие десятилетку, если не поступали в институт, то приобретали какую-нибудь специальность и работали на своем заводе. И в то же время мысль получить спе-

циальность где-то вдали от дома и вернуться в Сладу на свой завод хорошим специалистом тешила и настраивала ребячье самолюбие. Петька на этот счет не был оригиналом, он думал так же: «Не понравится. Вернусь в Сладу! Места и мне хватит! Тем более, что уже имею кое-какие навыки в слесарном деле, полученные в своей родной школе, где преуспевал довольно основательно, готовя себя заранее рабочим в Сладинский завод. А если всё пойдет по-хорошему, вернусь слесарем с рабочим разрядом!»

В соседнем купе тоже было не очень весело. Ребята сидели тихо, изредка переговаривались между собой или наводили справки у нарочного, ехавшего вместе со всеми «завербованными», как называли себя ребята. И только единственный ученик из 7 «Г» Сашка Зуйков был безудержно болтлив и весел, выделяясь из остальных. Он ни капельки не унывал. Казалось, сдавать экзамены этому Зуйкову приходилось не один раз. На любой вопрос, обращенный к «нарочному», он с нарочитым недоумением встревал в разговор, неизменно осуждая своих сверстников:

– Тоже мне, нашли, о чем спрашивать! Какие могут быть экзамены в эту ФЗУ? – и тут же пояснял. – Всё просто: зададут пример из объема второго класса. Ну, там на деление, умножение и еще попросят любезно: «Покажи язык!» Скажут: «Годен!» Вот и вся комиссия.

– Тебе хорошо, Зуйков, язык у тебя подходящий, – пробовал отшутиться Афонька Голанов.

– А что? Язык как язык, самый подходящий для ФЗУ. Как только закончу это заведение, сразу в начальники. А начальнику без длинного языка, если ты это имеешь ввиду, никак нельзя! – тоже своеобразной шуткой парировал Зуйков.

Не доезжая до областного центра, по совету сопровождающего, ребята вышли из вагона на станции «Исетск». А дальше шли по широкому Исетскому пруду в направлении электростанции «Рыковка». Ежеминутно проваливаясь в рыхлом мартовском снегу, вымочив в наледи обувь, они, наконец, с великим трудом уговорили машиниста, увозящего на широкую речку порожняк грузовых вагонов, чтобы он доставил их до места.

Машинист долго упирался, но, увидев безвыходность будущих «фэзэушников», согласился, упредив:

– Только не высовываться из вагонов! Замереть, как мышь! Иначе снимут нас с помощником с паровоза.

Ребята были рады. Через какой-то час с небольшим они будут на Широкой речке.

– Не подведем! – заявили они торжественно.

Поезд, набирая скорость, помчался в направлении торфяника. И только тут наши путешественники поняли, что им придется испытать за этот сравнительно короткий путь до Широкой речки.

Во все щели открытых деревянных вагончиков типа думкаров, дно которых сходилось вниз клином, засвистел холодный весенний ветер, поднимая клубы рыжей торфяной пыли, которая сразу же запудрила их мокрую обувь и одежду. Но самое главное, что в таких вагончиках, приспособленных для перевозки сыпучих материалов, негде было сесть или прилечь.

Наконец, окоченевшие, замерзшие до предела, они добрались места. Кое-как стряхнув с себя торфяную пыль, ребята предстали перед начальством, а, вернее, перед завхозом, который отвел им комнату в большом двухэтажном общежитии, забитом, казалось, до отказа. Шум, гам, свист, ругань обрушились на уставших сладинцев. Парни и девчонки, как муравьи, носились по обоим этажам с пустыми или же набитыми соломой матрацами.

По примеру других, получив «посуду», как назвал матрац неунывающий Зуйков, они набили их сырой овсяной соломой, сваленной тут же за общежитием.

В комнате, которую определил им завхоз, стояли десятка два железных коек, прозванных почему-то «солдатские». Притом всего на одной не струганной доске на каждой так, чтобы только не проваливался матрац.

Но когда ребята вернулись с ужина из столовой, которую им предложили кстати, то совсем не обнаружили и этих маленьких удобств. Доски исчезли.

Их матрацы были сброшены с коек или повисли безнадежным зигзагом, напоминающим лежачий вопросительный знак.

Сделав попытку отыскать где-нибудь необходимые доски, сладинские ребята вернулись ни с чем.

– Соседи забрали наши доски, – объявил паренек, который в числе других так же заселился в эту комнату.

– А ты чего смотрел? Надо было остановить нахалов, – заметил Сашка Зуйков назидательно.

– Я говорил им. Они не очень-то меня испугались. Просто оттолкнули меня, и всё тут! Даже из-под меня доску выдернули, – пожаловался парнишка.

– Попробовали бы из-под меня доску выдернуть! Я бы показал им... – с искренним раздражением заметил Сашка и тут же скомандовал:

– Пошли, ребята, кто смелый, отберем наши доски! Каждый будет хозяйничать. Никакого порядка не будет.

За украденными досками вместе с Зуйковым пошли Сашка Волин, Афонька и Петька Степанов.

В соседней такой же большой комнате, коек на двадцать, сидел один единственный мальчишка лет четырнадцати и читал какую-то потрепанную книжку.

– Читаешь? – спросил Зуйков.

– Читаю. Книжка интересная, только начала у нее нет.

– Чтение – хорошее дело для развития кругозора, – однозначно заметил Зуйков и добавил, – а вот доски чужие воровать никуда не годиться! За такие дела можно и уголовное дело пришить!

– Какие доски? Какое уголовное? – недоумевая, ответил тоже вопросом парень, оторвавшись от книжки.

– Не прикидывайся, профессор. Знаешь какие! Ваши ребята у нас из-под матрасов вытащили! Вот какие!

– Я не возражаю, если они у вас их взяли, берите, – и тут же добавил, – а вдруг у них что-нибудь пропадёт?

– У кого это у них?

– Ясно у кого. У ребят, которые меня дежурным поставили. Советую пока не трогать. Приходите чуть позже. Они скоро вернуться. На ужин во вторую смену ушли.

– Ладно, пошли! Придем попозже и заберем свои доски, – чуть смирившись, предложил Зуйков.

Не успели ребята выйти в коридор, как услышали объявление. Кто-то громко кричал, повторяя несколько раз:

– Всем, всем, всем! Собраться в актовом зале учебного корпуса.

Умаявшись за дорогу, сладинские ребята уже устраивались на ночлег. В том числе и Петька. Но услышав объявление, предложил Афоньке:

– Вы идите, а я подежурю в комнате.

– Вот еще, выдумал, – возразил Сашка Зуйков, давно взявший руководство всей группой сладинцев. – Пошли всем гаком! На этом собрании наша судьба решается, пойдем все в этот актовый зал.

В большом высоком помещении, названном высокопарно и внушительно актовым залом, собрались все приехавшие поступать в ФЗУ. Деревянные брусковые стены источали запах смолы свежего дерева. Полсотни стульев и в конце зала стол, покрытый красной скатертью, вот и вся обстановка. За столом трое: высокий мужчина в темно-синем костюме и белой рубашке с галстуком. Лысоватый, неспокойный маленького роста мужчина с птичьим лицом и, видимо, секретарь, молодая с пышной в мелкие кудри прической.

Конечно, стульев не хватило даже одной третьей части всех присутствующих. Многие устраивались на подоконниках, просто на полу.

– Приветствую вас, товарищи! – обратился высокий мужчина к присутствующим. – Я директор широкореченской школы ФЗУ. Зовут меня Александр Яковлевич Жаровцев, – объявил он приятным густым басом, как только чуть стихли голоса будущих фэзэушников.

Далее Жаровцев сказал несколько слов о международной обстановке и задачах будущих «фабзайцев» в овладении профессиональными знаниями. Вас ждут заводы, стройки, и наш торфотрест, на промыслах которого не хватает рабочих рук, специалистов своего дела.

Затем слово взял мужчина с птичьим лицом, который назвался Николаем Павловичем Синицыным, завучем школы.

Синицын объявил порядок сдачи экзаменов, зачитал списки ребят, которые будут сдавать эти экзамены в первую смену и вторую смену.

Сладинские ребята, зачисленные в группу слесарей, должны были сдавать эти экзамены на следующий день с 9 утра.

Пока шло собрание, уже начались сумерки. На улице около школы грязь и месиво из тающего снега и торфа, сыро и холодно.

Оказавшись на улице, Петька с тоской подумал о своем доме. «Что сейчас делают наши? Васька, наверно, уроки учит. А в доме пахнет печеной картошкой».

– Надо доски где-то искать! – прервал Петькины размышления Афонька Голанов, – без досок плохо нам будет.

– А чего их искать? Уже искали! – возразил Зуйков и тут же предложил решительно и властно. – Пошли за своими! Я спуску нахалам не дам!

– Пошли, – не очень охотно отозвались сладинские ребята.

– А я никуда не пойду! – заявил Сашка Волин, как-нибудь прокручусь одну ночь на полу.

В конце концов, отбирать доски согласились только трое: Сашка Зуйков, Афонька Голанов, Петька Степанов.

– Вам чего надо? Какие доски? – встретили их соседи с явным напускным непониманием.

– Будто не знаете? – выступил вперед Сашка Зуйков.

– А ну, катитесь отсюда, пока темную не сделали! – крикнул высокий прыщеватый парень в фуражке с большим лаковым козырьком.

Сашка было еще захорохорился, но было по всему видно, что этого «справедливого» боя ему не выиграть. Высокий и крепко сложенный парень лет восемнадцати стоял перед ним, как гора.

– Отвали! – сказал предупреждающе парень.

– Не отвалю, пока не получу своего!

– Дай ему, Тозон, если просит! Чего с ним дипломатию разводишь, – крикнул кто-то из глубины темной комнаты.

– Может так еще обойдется, – спокойно ответил голосу прыщеватый парень, названный «Тозоном».

– А я бы так вышвырнул их! Чего они тут торчат?

– Ладно, без твоих указаний! – вставая с койки, ответил Тозон и неожиданно толкнул Зуйкова. Удар был коварный и совсем неожиданный.

Зуйков упал. Не удержался на ногах.

– Нахал! – крикнул Сашка, вскакивая. – А ну, тронь еще!

И если бы не Петька с Афонькой, которые отстранили парня,

то Сашке бы пришлось совсем плохо.

– А вам чего надо? – зло сверкнув глазами и наступая на ребят, заорал парень.

– Ты, дядя, не кричи! Мы за своими досками пришли и нечего толкаться, – тихо сказал Петька.

На некоторое время парень, видимо, представив, что он и на самом деле против этих мальцов выглядит дядей, утихомирился, но не сдавался в своем упрямстве.

– Не брали мы ваших досок! Мотайте отсюда! Брал кто-нибудь у них доски? – спросил он у своих друзей.

– Да чего ты, Тозон, с ними, как Литвинов, переговоры ведешь? – крикнул тот же голос из глубины комнаты. – Вытолкай их! А если не можешь, я помогу.

– Ладно, пошли к себе! Черт с ними и с досками! – сказал Афонька и, отдаляясь от ребят, вышел за дверь. За ним последовал Сашка Зуйков.

Оставшись один, Петька понял, что дальнейшие переговоры вести бесполезно. На него никто уже не обращал внимания. Даже прыщеватый парень, названный Тозоном, демонстративно улегся на свою кровать и закрыл глаза.

Когда Петька вернулся в свою комнату, то узнал еще одну неприятную новость. Оказывается, пока они были на этом собрании в «конференцзале», у Сашки Волина стащили вещмешок с домашней стряпней.

– Завтра же уеду домой! Провались эта ФЗУ! – всхлипывал Сашка.

На следующее утро, сразу же после завтрака, который заключал в себе кусок ржаного хлеба, порцию тушеной кислой капусты и чуть подслащенного мутного кофе с молоком, весь «списочный состав», объявленный завучем Синицыным, явился в актовый зал ФЗУ. А там на брусковой стене, на ватмановском листе уже красовалось объявление, старательно написанное черной и красной тушью, которое гласило, что всем, зачисленным в группу слесарей и электриков, следует пройти следующие экзамены:

Собеседование.

Медицинский осмотр.

Экзамен по математике (уст).

Экзамен по русскому языку (письм).

Экзамен на техническую сообразительность.

Специальные испытания.

А ниже перечня экзаменов, список очередности.

На собеседование Петька Степанов шел следом за Афонькой Голановым.

– Как там? О чем спрашивают? – задал он вопросы Афоньке, как только тот вышел из класса «собеседования».

– Ерунда всё! Иди. Не бойся!

Петька постучал в дверь класса и тут же услышал:

– Входи!

За столом сидели всё те же: директор школы, завуч, и только вместо вчерашней девчонки, молодая учительница с гладкой прической.

– Фамилия? – спросила учительница.

– Степанов.

– Имя?

– Петр.

– Отчество?

– Стефанович.

– Год рождения?

– Тридцать первого мая 1918 года, – отвечал Петька.

– Кто родители?

– Отец – рабочий, мать – домохозяйка.

– Какую специальность желаете приобрести?

– Слесарь.

– Вопросы еще есть? – спросил директор, обращаясь к комиссии.

– Нет, всё ясно, – ответил завуч.

– Идите, Степанов, и позовите следующего.

Следующим шел Сашка Зуйков.

– Ну как? – с бледным перепуганным лицом спросил Сашка.

– Вопросы пустяковые. Никакого экзамена не было. Но ты иди, не бойся! – успокоил Степанов.

На следующие экзамены Петька «тратил» не больше трех-пяти минут на каждый. По математике его спросили таблицу умножение на 7 и 9. Петька нигде не запнулся и всё ответил правильно. Экзамен по русскому языку заключался в несложном диктанте стихов Пушкина «Буря мглою небо кроет». Учительница, как показалось Петьке, видимо, была вовсе не настроена завалить экзаменуемых, диктовала с такой тщательностью, что любой ученик 2-го класса, обладающий маломальским слухом, написал бы его на «отлично». А уж на «хорошо» – обязательно.

Экзамен на техническую сообразительность тоже оказался совсем не сложным. На макете с системой различных передач, состоящих из нескольких шестерен и двух блоков с перекрещенной ременной передачей, нужно было определить направление вращения исходного блока – маховика. Вся сложность этого экзамена заключалась в том, чтобы мысленно представить вращение каждой шестеренки неподвижного макета и, в конце концов, определить, в какую сторону будет вращаться блок маховика. На раздумье полагалось всего две минуты. Петька справился меньше, чем за одну!

Последний экзамен был совсем прост: нужно было собрать воедино три прямоугольника из окрашенных в три цвета – синий, желтый и красный – мелких квадратиков, рассыпанных на столе. Петька справился с этой задачей, затратив самый минимум времени и даже посоветовал молодой учительнице-экзаменатору убрать один из квадратиков, так как он был окрашен не красным цветом, а скорее оранжевым. Молодой экзаменатор похвалила Петьку.

– Молодец, Степанов. Ты первый заметил это...

– Ты чего там с ней спорил? – спросил Петьку Валин, – вот поставит «неуд» за спор еще... не обрадуешься!

– Не поставит, не беспокойся! Она, наоборот. Похвалила.

Но как выяснилось буквально на следующий день, все сладинские сдали этот экзамен на «хорошо» и «отлично», кроме Волина. Получившего «удовлетворительно».

Одним словом, все сладинские ребята сдали эти экзамены и оказались в списках зачисленных в Широкореченскую школу ФЗУ.

Всё обошлось как нельзя лучше, если не считать один комический случай, произошедший с Сашкой Зуйковым, ставший достоянием всех экзаменаторов и экзаменуемых. А всё произошло так.

Медицинский осмотр «абитуриентов» проходил в одной из небольших комнат или классов с «предбанником», как окрестили его будущие фабзайцы.

В этом предбаннике ребята раздевались догола и представали перед высокой медицинской комиссией, состоящих из двух женщин-врачей и молодого фельдшера в том, в чем их родила мать.

Врачи поочередно прощупывали, прослушивали ребят. Задавали вопросы: «Чем болел?», «На что жалуешься?» и, в конце концов, заключали: «Годен».

Пройдя эту обязательную медицинскую процедуру, Сашка Зуйков вышел в «предбанник» и объявил весело и гордо.

– Здоров, как бык! Все бы такие были, то наше общество забыло всякие болезни! И стало бы образцом во всей Вселенной!

Но вскоре Сашкина веселость исчезла, когда он не обнаружил собственных штанов.

Все, кто оказались в это время в «предбаннике», с великим старанием, как настоящие сыщики, искали Сашкины брюки, перекладывая по несколько раз собственную одежду. Сашкины штаны искали всюду: за батареями центрального отопления, за стульями, ряды которых стояли по всему коридору и даже выходили на улицу. Обходили кусты, осматривая всякий закоулок. Но всё было напрасно.

В конце концов, узнав о такой оказии, в поисках приняли участие и медицинские работники, но и это не привело к желаемому результату. Тогда молодой фельдшер, сжалившись над Зуйковым, сходил к себе на квартиру и принес Сашке свои старые брюки. А всё это время Зуйков сидел в одних трусах, ожидая, чем кончится эта печальная часть его биографии. Но всё обошлось довольно сносно, Зуйков вырядился в докторские штаны.

– Не зря Сашка медосмотр прошел. Вон какие шикарные штаны заработал, – смеялся над Зуйковым Афонька Голанов. – Докторские намного лучше твоих. Не унывай!

– А я и не унываю! – отшучивался Зуйков. – Только жаль, что у меня трешка пропала. В потайном кармане была, на обратный путь берег.

– Ничего, зайцем уедешь! – предложил Голанов.

Но на следующий день прошел слух, оказавшийся правдой. Сашкины штаны были в питьевом бачке! Обнаружила их уборщица, когда заполняла бачок свежей водой. Так, что весь остаток дня после медицинского осмотра, который Зуйков прошел одним из первых, «абитуриенты» утоляли жажду, не подозревая об этом.

Получив свою пропажу, простиранную в питьевой воде, уже Зуйков посмеивался над ребятами:

– Хорошо всё обошлось – трешка цела и не размокла, штаны постираны. Весь «настой» от них «абитуриенты» выпили досуха. Видно, понравилось!

Закончив экзамены, сладинские ребята возвратились домой до начала занятий в школе ФЗУ, которые были назначены на пятнадцатое июня 1934 года.

Первый раз для Петьки были такие короткие каникулы.

– Поедешь? – спросил Васька, когда до поездки оставалось меньше недели.

– Надо ехать, – ответил Петька и добавил, – вчера с Афонькой и Сашкой Волиным специально встречались, чтобы договориться.

Васька давно знал все подробности, с которыми старший брат его ознакомил еще в первые дни после возвращения с этой «Широкой речки», но ему хотелось узнать: по доброй воле едет туда брат или по какой-то неотложной необходимости.

– А тебе хочется туда ехать? Ведь на целых два года!

– Не особенно, – сознался Петька.

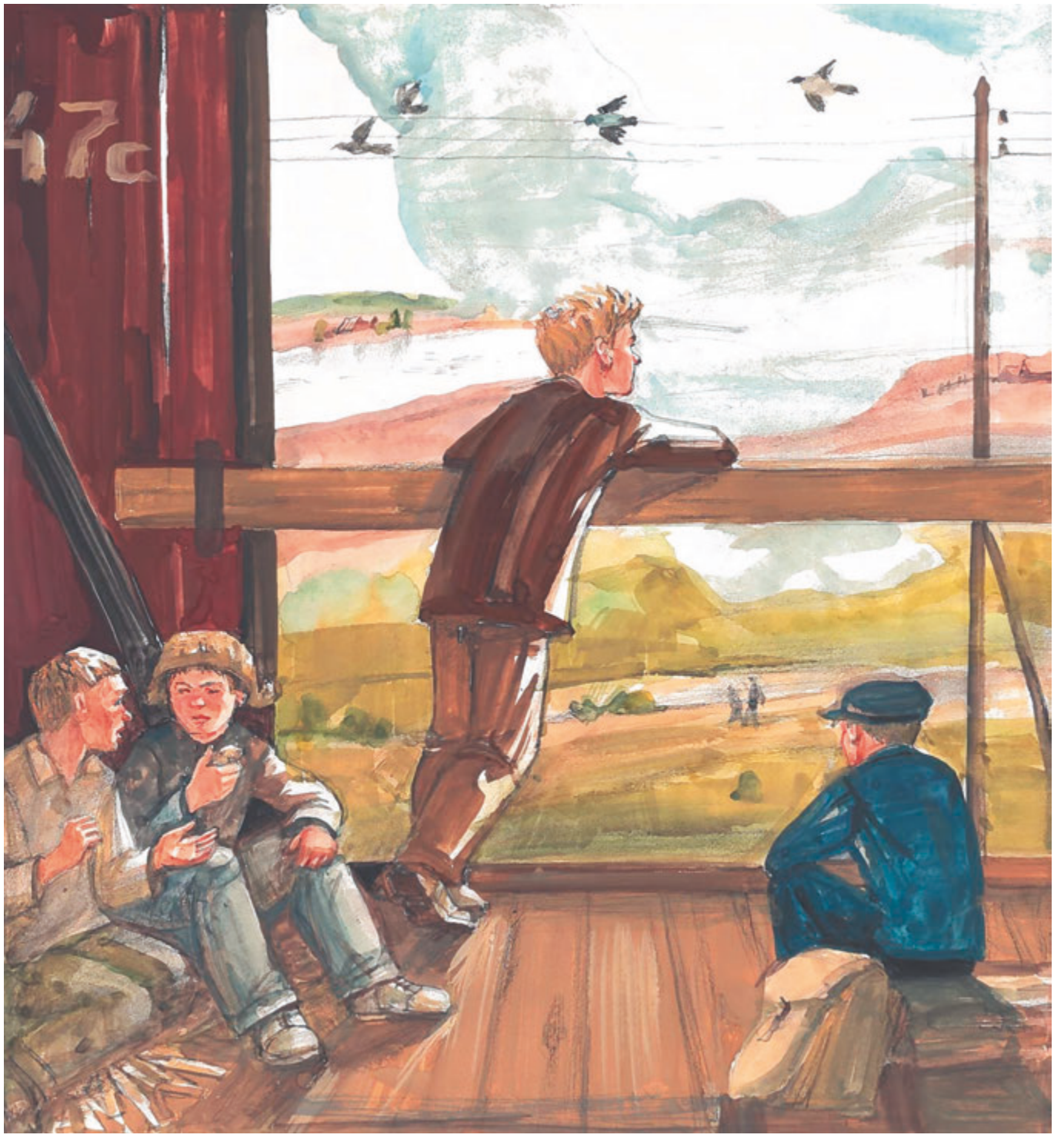
– А ты не езди.

– Хорошо сказать, не езди. А как я перед ребятами буду выглядеть? Нет, Васютка. Надо ехать. Да и специальность надо получить, мне уже шестнадцать.

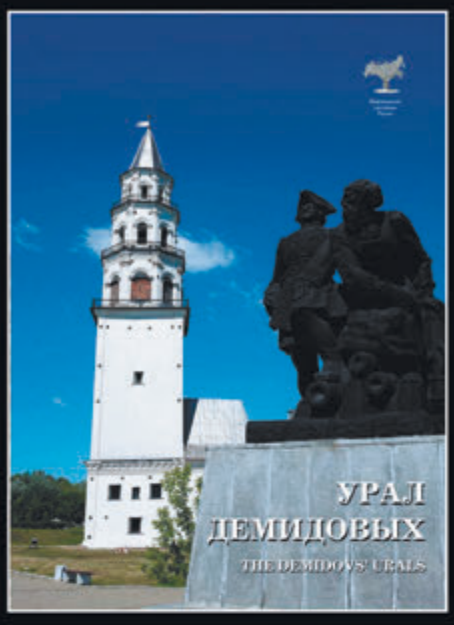
– Я тоже, как подрасту, в ФЗУ пойду, только на токаря, – мечтательно заключил Васька.

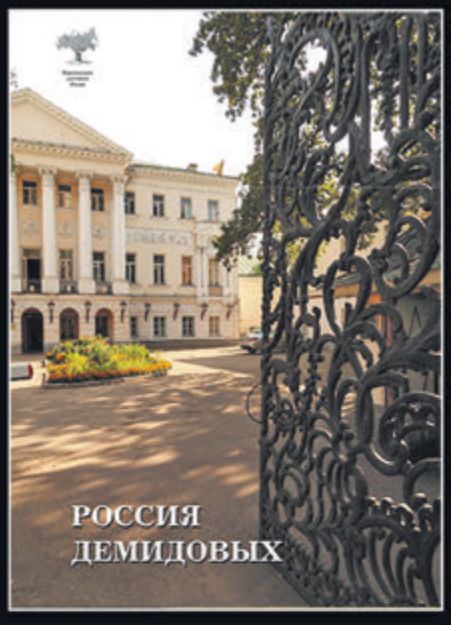
И вот снова все сладинские ребята в сборе – едут в областной центр, а там снова на Широкую речку.

«Как пройдут эти два года вдали от родного дома? Как там будут отец, мать и брат Васютка без него, без Петьки? И что получится из этой затеи? И, в конце концов, правильно ли выбрал он, Петька Степанов, направление своей жизни?» – под стук вагонных колес размышлял он. Было немного грустно: начиналась самостоятельная жизнь, возврата в прошлое уже нет. А что впереди? Не известно.

Н.П.Бортнова. Иллюстрация к 14 главе

Серия

Национальное достояние России

